

ISSN 2221-3260

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИКА**

НОМЕР 8 (116) 2024

www.theoreticaleconomy.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: +7(4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: markinmi@ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№ 8 | 2024

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович
Теоретическая экономика: продолжаем развивать концепцию

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 12 Карасёва Людмила Аршавировна
Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования?
- 25 Симченко Наталия Александровна, Благих Иван Алексеевич, Малюшин Иван Иванович
Методологические проблемы отечественной экономической науки
- 34 Горгола Евгений Викторович, Худяков Дмитрий Владимирович
Некоторые выводы из анализа теории и практики управления экономикой в условиях жесткой схватки с неолиберализмом
- 48 Чихирева Наталья Викторовна
Институциональный подход к определению структуры национального богатства

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 61 Матризаев Бахадыр Джуманиязович
Теория эндогенного роста: исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста
- 74 Цуриков Владимир Иванович
К вопросу о вреде избыточного документооборота

Современные проблемы мировой экономики

- 88 Крылова Любовь Вячеславовна
Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов»
- 99 Шкиотов Сергей Владимирович, Маркин Максим Игоревич
Влияние трудовой миграции на технологическое развитие стран ЕАЭС

Творчество молодых исследователей

- 107 Федоров Дмитрий Константинович
Особенности торговой политики Китая: текущее состояние и направления развития
- 122 Иванникова Анастасия Александровна, Альпидовская Марина Леонидовна
Безусловный базовый доход vs социальная справедливость: возможно ли единство?

Научная жизнь

- 145 Гордеев Валерий Александрович
О книге про Россию, находящуюся в поисках внешнеэкономического равновесия

Теоретическая экономия: продолжаем развивать концепцию

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике предложен обзор материалов 8-го (116-го) номера журнала. По мнению редактора, публикации данного номера представляют продолжение развития нашей концепции теоретической экономии. То есть продолжают то дело, которое мы осуществляем на страницах нашего издания на протяжении полутора десятилетий. Показано в рубрике, в чем же заключается такое продолжение на примере каждой публикуемой работы. Отмечено, что оно проявляется, хоть и в неодинаковой степени, в выступлениях и известных читателям, и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера традиционно уделено актуальным проблемам теоретической экономии, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия, новая индустриализация, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: развиваем концепцию / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.4-11. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 8-й (116-й), номер нашего журнала. Содержимое этого номера, на наш взгляд, представляет собой развитие нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже почти полтора десятилетия. Тем самым материалы этого номера являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещены четыре работы. Во-первых, статья под названием «Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования?». Её представила Карасёва Людмила Аршавировна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (г. Тверь, Российская Федерация). В условиях, когда формируется главный содержательный смысл выбора российского пути движения вперед, отмечает она, как никогда, актуализируется проблема формирования экономической теории, адекватной современному этапу развития национальных и мировой экономик, хозяйственные системы которых находятся в состоянии глубокой трансформации. Экономическая наука в

«новой реальности» сталкивается с такими явлениями как социализация экономической жизни современного общества, экономизация и финансиализация политики и политизация экономики в условиях процесса глобализации, снова выдвигая на первый план вопрос о месте и направлениях развития политической экономии в экономической науке. Следовательно, серьезно стоит вопрос о парадигме современной экономической теории, которая бы впитала в себя отражение и этих новых процессов. Поэтому данный материал является своеобразной попыткой встроиться в продолжающуюся дискуссию о месте и развитии политической экономии, о расширении предмета экономической теории, предложив авторский методологический взгляд на принципиальные вопросы дискуссии. Участие в дискуссии важно и с точки зрения позиции преподавателей-исследователей, ведущих дисциплины, включенные в том или ином качестве в экономическую теорию. А это означает, – развивающих критериально-ценностное социально-экономическое мировоззрение будущих специалистов, их методологическую культуру исследования.

Затем в данной рубрике публикуется статья *«Методологические проблемы отечественной экономической науки»*. Её прислали трое соавторов из Санкт-Петербургского государственного университета, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация): Симченко Наталия Александровна, доктор экономических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой экономической теории и экономической политики; Благих Иван Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента; Малюшин Иван Иванович, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономической теории и истории экономической мысли. Статья посвящена вопросам исследования методологических проблем отечественной экономической науки. Современная экономическая наука в России переживает сложный этап своей трансформации. Отказ от западного наставничества и переход к суверенному мышлению, отмечают авторы статьи, вызвал обновление теоретических взглядов и практических подходов к решению хозяйственных проблем. Это не могло не вызвать пристальный интерес к методологическим основаниям, на которых базируется наука о хозяйстве. Вместе с тем, многие экономисты все еще находятся в заблуждении относительно того, где искать необходимую методологию: в философии, в истории, в мыслимых экономико–теоретических конструкциях или в чем-то еще. При этом следует иметь в виду, что методология экономических исследований относится к базовым основаниям экономической науки и является мета-теоретическим уровнем экономического знания. Именно на данном уровне синтезируется траектория экономического развития и осмысление практики современности, из которых в свою очередь, выводятся принципы, выводы и доказательства многих экономических положений, теорем и теорий. Авторы считают, что диалектико-материалистическая методология не исчерпала всех своих ресурсов и возможностей и в качестве метода исследования современных трансформаций, происходящих в сфере отечественного хозяйства, вполне может служить руководством к созданию национальной экономической теории.

После этого данную рубрику продолжает работа *«Некоторые выводы из анализа теории и практики управления экономикой в условиях жесткой схватки с неолиберализмом»*, которую подготовили Горгола Евгений Викторович, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, вице-президент региональной общественной организации Академия проблем военной экономики и финансов, (г. Москва, Российская Федерация) и Худяков Дмитрий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, исполнительный директор региональной общественной организации Академия проблем военной экономики и финансов. В данной статье делается попытка системного исследования, действовавшего в стране псевдорыночного хозяйства неолиберального типа, фактически подчиненного с помощью финансовых и

внешнеэкономических инструментов интересам глобалистов. На основе институционального анализа результатов практической реализации теоретических постулатов экономической теории выясняется реальная эффективность (точнее, неэффективность) экономики страны, выстроенной как сырьевой придаток, как технологические задворки развитых государств, обосновывается вывод о необходимости перестройки всего хозяйственного механизма, ориентированного на безусловный приоритет национальных интересов в социально-экономическом развитии. Авторы доказывают, что действительный прогресс в РФ связан с переходом к стратегическому управлению национальным хозяйством, усилением централизованных процессов, позволяющих концентрировать имеющиеся ресурсы на главных направлениях экономического и социального роста, а также укреплением обороноспособности государства в условиях гибридной войны коллективного Запада против России. Именно на это должна быть ориентирована формируемая модель управления народным хозяйством, способная не только противостоять экономическому давлению, но и реально обеспечивать достижение национальных целей.

И завершает нашу главную рубрику статья «*Институциональный подход к определению структуры национального богатства*», которую написала Чихирева Наталья Викторовна, соискатель ученой степени доктора экономических наук, (кафедра экономической теории, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», (г. Москва, Российская Федерация). В экономической теории, отмечает она, существуют различные подходы к определению структуры национального богатства страны, многие из которых базируются исключительно на количественных показателях. При этом, в традиционных экономических моделях не учитываются такие новые факторы развития национального богатства, как экологические услуги и цифровые активы. Представляется, что, несмотря на методологические ограничения, структура национального богатства должна включать в себя стоимости таких нематериальных активов, как интеллектуальная собственность, человеческий и социальный капитал. В связи с необходимостью учета множественных аспектов и нематериальных благ при формировании структуры национального богатства страны, автором предложен институциональный подход к определению структуры национального богатства, который базируется на оценке институтов и институциональной среды, формирующих самодостаточность национальной экономики. В статье рассмотрены основные проблемы современного общества, которые требуют инвестиций в их устранение и, как результат уменьшения доли национального богатства страны, проблемы измерения национального богатства страны, в связи с неразработанностью методов измерения современных условий, которые в большинстве своем связаны с цифровизацией экономических, социальных и политических процессов, предложена структура национального богатства страны в цифровой экономике, предложен и обоснован институциональный подход к определению структуры национального богатства, опирающийся на принцип самодостаточности экономики страны.

Далее в рубрике «*Новая индустриализация ...*» Вашему вниманию предлагается две работы. Во-первых, статья под названием «*Теория эндогенного роста: исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста*». Её прислал Матризаев Бахадыр Джуманиязович, кандидат экономических наук, доцент департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, (г. Москва, Российская Федерация). На сегодняшний день, отмечает он, в основных исследованиях по макроэкономической теории выделяется пять основных факторов экономического роста, которые будут определяющими в предстоящие десятилетия: население и человеческий капитал; капитал и рынки капитала; глобализация и торговля; технологии и

инновации, а также новые рубежи для роста производительности. Неоспоримым остается тот факт, что инновации стимулируют современный экономический рост. Вместе с тем, в процессе своей эволюции всякая макроэкономическая парадигма сталкивается с определенными ограничениями, связанными с изменениями в социально-экономической системе общества, и как следствие, возникает необходимость переосмысления того, каковы исторические предпосылки и ретроспективные особенности эволюции эндогенной макроэкономической теории экономического роста. Целью статьи является исследование природы сходства и противоречий, характера взаимовлияния различных макроэкономических парадигм в рамках эволюции эндогенной макроэкономической теории экономического роста; роли обобщающих и разделяющих факторов, вызывающих зарождение и развитие отдельных элементов данной макроэкономической парадигмы. Научную новизну статьи представляет предложенный автором новый критический взгляд на исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции отдельных макроэкономических теорий и моделей экономического роста, в особенности модели эндогенного роста, чтобы показать, что природа инноваций сама по себе имеет неоднозначную оценку со стороны макроэкономической науки.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа под названием «*К вопросу о вреде избыточного документооборота*». Её подготовил Цуриков Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», (г. Кострома, Российская Федерация). В его статье рассматривается проблема избыточного документооборота и ненужной отчетности, захлестнувших бюджетные организации современной России и приводящих к огромным затратам времени и сил работников бюджетной сферы. Цель статьи состоит в том, чтобы с помощью математического моделирования проанализировать причины образования и результаты избыточного документооборота и рассмотреть возможности для его регулирования. В основу модели положены следующие предположения. Агент (сотрудник бюджетной организации) не может уклониться от выполнения выдаваемого чиновником задания, предусматривающего составление того или иного документа в виде отчета, плана, программы. Чиновник (представитель вышестоящей организации или органов государственного управления) имеет неконтролируемую возможность требовать от подведомственной организации выполнения выдаваемого им задания в назначаемый им же срок. Показано, что если чиновник использует получаемые им документы в личных целях, то ему выгодно неограниченно увеличивать трудоемкость возлагаемой на агента отчетной нагрузки. Под влиянием бумажного прессинга агент вынужден сокращать все свои оплачиваемые усилия, направленные на выполнение должностных обязанностей, вплоть до их некоторого минимального значения, полностью исключая проявление любой активности и инициатив. Из полученных результатов следует, что нет никаких оснований для того, чтобы обвинять такого чиновника, максимизирующего свою функцию полезности, в каких-либо враждебных намерениях. Обсуждаются четыре возможных к практическому применению меры для ограничения и регулирования бумаготворческой активности чиновника: 1) компенсация затрачиваемых сотрудниками подконтрольной организации усилий на составление требуемых документов; 2) обложение контролирующей организации корректирующим налогом на использование трудовых ресурсов подконтрольной организации; 3) сокращение кадров в контролирующей организации с сохранением всех функций и фонда заработной платы; 4) введение на законодательном уровне ограничений на количество, виды и размеры документов, которые контролирующая организация вправе требовать от подконтрольной.

В следующей рубрике, «*Современные проблемы мировой экономики*», Вашему вниманию в этом

номере предлагается две публикации. Во-первых, статья «Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов», которую прислала Крылова Любовь Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация). Последовательная изоляция России от мировой валютно-финансовой системы и присущих ей финансовых механизмов, отмечает она, определяет необходимость изучения возможности и целесообразности их использования в существующих геополитических условиях. Целью исследования является определение характера взаимосвязи основных международных финансовых механизмов и последствий внешнего воздействия на них с применением санкций. Использован новый подход, при котором анализ процессов в современной мировой валютно-финансовой системе проводился через призму основных международных финансовых механизмов. Такой подход не только обеспечивает еще один ракурс их рассмотрения, но и позволяет выявить новые аспекты их взаимосвязей и взаимного влияния. В процессе исследования применялись методы сравнительного логического и контекстного анализа, систематизация, классификация и обобщение. На основе синтеза теории финансовых механизмов и концепции глобальной ликвидности показана взаимосвязь ключевых международных финансовых механизмов, а также роль международных резервов. В результате исследования сделан вывод о невозможности для России использования в условиях санкций имеющихся международных финансовых механизмов, контролируемых США, и необходимости создания новых региональных цифровых финансовых механизмов с участием стран ЕАЭС и государств БРИКС.

Далее, в рубрике «Творчество молодых исследователей», Вашему вниманию предлагается две статьи. Во-первых, статья под названием «Особенности торговой политики Китая: текущее состояние и направления развития». Её написал Федоров Дмитрий Константинович, студент факультета международных экономических отношений ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», (г. Москва). В его статье анализируется современное состояние, основные инструменты и направления развития торговой политики КНР в современных условиях противостояния двух мировых экономических лидеров – КНР и США. Понимание смысла, вкладываемого Китаем в понятие «торговая политика», позволит России видеть логику принимаемых Китаем решений и эффективно выстраивать взаимодействие с ним в экономической и связанных с ней сферах. Цель данной работы – выявить особенности торговой политики Китая в настоящее время. Для этого в статье проанализированы основные показатели и инструменты торговой политики Китая на современном этапе, рассмотрена актуальная точка зрения китайских ученых-экономистов на торговую политику, а также проанализирована деятельность по ее реализации. Особое внимание уделено методам, которые Китай использует для повышения своего влияния в мировой экономике. Результаты исследования показывают, что Китай посредством торговой политики стремится не только к наращиванию экономической мощи, но и к формированию новых глобальных правил и стандартов, что отражает его стремление к лидерству в международных экономических отношениях. Тарифная система КНР и вводимые Китаем нетарифные меры эффективно защищают внутренний рынок от конкуренции со стороны зарубежных производителей и поощряют инвестиции в развитие конкурентного на мировом рынке высокотехнологичного производства. В статье показано, что в Китае понятие «торговая политика» содержит более широкий набор инструментов и мер, чем общепринятые тарифные и нетарифные меры. В рамках торговой политики Китай решает ряд задач, начиная с интернационализации национальной валюты до объединения развивающихся стран и получения приоритета в установлении технических стандартов на товарную продукцию и услуги.

Показано, что работу в данном направлении Китай ведет уже несколько десятилетий, а именно с начала 2000-х годов, в широком географическом охвате.

Далее, предлагается статья «*Безусловный базовый доход vs социальная справедливость: возможно ли единство?*». Её подготовили исследователи из ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва, Россия) Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, почётный работник сферы образования Российской Федерации, и Иванникова Анастасия Александровна, студентка. С каждым годом вопрос реализации принципов социальной справедливости становится всё более актуальным, отмечают они. В связи с чем во многих странах начинает приобретать популярность концепция безусловного базового дохода, призванная разрешить множество проблем социально-экономического характера. Цель работы заключается в выявлении эффективности введения безусловного базового дохода в целях обеспечения реализации принципов социальной справедливости. К основным методам, использованным в исследовании, можно отнести анализ и оценку аналитических и статистических материалов, их сравнение, диалектический подход к анализу информационной базы исследования, а также сценарный анализ. В результате проделанной работы авторами было выявлено, что существующие проекты по введению универсальных трансфертов нельзя в полной мере назвать равноценными аналогами полноценной программы по предоставлению безусловного базового дохода. Вследствие чего на данный момент не представляется возможным сделать конкретные выводы касательно последствий реализации подобной политики «равенства результатов». Тем не менее, на основании анализа таких экспериментов были выявлены ключевые факторы, влияющие на реальные последствия введения универсальных трансфертов. К ним относятся размер безусловных выплат, а также сформированный в условиях реализации исследуемой концепции уровень заработной платы. В связи с чем дальнейшее выявление последствий предоставления универсальных выплат в процессе моделирования возможных сценариев введения безусловного базового дохода основывалось именно на данных факторах. На основании проведённого анализа были сделаны выводы о том, что введение безусловного базового дохода может привести к возникновению множества негативных последствий. В связи с чем авторы предлагают обратить внимание на возможность реализации принципа «равенства возможностей» для всего населения. Результаты данного исследования могут

Затем в рубрике «*Рецензии, отклики*» публикуется моя работа «*О книге про Россию, находящуюся в поисках внешнеэкономического равновесия*». Данный материал представляет собой отклик на книгу Д. Тренина «Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеэкономического равновесия», изданную в Москве в издательстве «Альпина Паблишер» в 2023 году. Автор отклика отмечает актуальность темы рецензируемого произведения и его практическую значимость. Знакомит читателей со структурой и кратким содержанием рассматриваемого издания. Дает критическую оценку книге с позиции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. С этих же позиций высказывает рекомендации по дальнейшей разработке избранной темы.

Таково основное содержание материалов 8-го (115-го) номера, уважаемый читатель. Как видите, они, действительно, представляют собой развитие выдвинутой нами почти полтора десятилетия назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают логичным продолжением всех предыдущих ста сорока четырех номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора

пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: we continue to develop the concept

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Abstract. This section provides an overview of the materials of the 8th (116th) issue of the journal. According to the editor, the publications of this issue represent a continuation of the development of our concept of theoretical economy. That is, they continue the work that we have been doing on the pages of our publication for one and a half decades. The section shows what this continuation consists of using each published work as an example. It is noted that it manifests itself, although to varying degrees, in the speeches of both well-known and new authors. The main attention in the content of the proposed issue is traditionally given to current problems of theoretical economy, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, and the work of young researchers.

Keywords: theoretical economy, new industrialization, modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования?¹

Карасёва Людмила Аршавировна

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Российская Федерация.

E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

Аннотация. В условиях, когда формируется главный содержательный смысл выбора российского пути движения вперед, как никогда, актуализируется проблема формирования экономической теории, адекватной современному этапу развития национальных и мировой экономик, хозяйственные системы которых находятся в состоянии глубокой трансформации. Экономическая наука в «новой реальности» сталкивается с такими явлениями как социализация экономической жизни современного общества, экономизация и финанализация политики и политизация экономики в условиях процесса глобализации, снова выдвигая на первый план вопрос о месте и направлениях развития политической экономики в экономической науке. Следовательно, серьезно стоит вопрос о парадигме современной экономической теории, которая бы впитала в себя отражение и этих новых процессов. Поэтому данный материал является своеобразной попыткой встроиться в продолжающуюся дискуссию о месте и развитии политической экономики, о расширении предмета экономической теории [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], предложив авторский методологический взгляд на принципиальные вопросы дискуссии. Участие в дискуссии важно и с точки зрения позиции преподавателей-исследователей, ведущих дисциплины, включенные в том или ином качестве в экономическую теорию. А это означает, – развивающих критериально-ценностное социально-экономическое мировоззрение будущих специалистов, их методологическую культуру исследования.

Ключевые слова: нереализованный потенциал методологической культуры исследования; методология политико-экономического исследования; специфика исследования хозяйственных систем, находящихся в глубокой трансформации; глобализация и глобальный капитал

JEL codes: A13; A14; B40; B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-12-24>

Для цитирования: Карасёва, Л.А. Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политико-экономического исследования? / Л.А. Карасёва. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.12-24. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Постановка проблемы

Тема, вынесенная на обсуждение, требует методологического осмысления и уточнения целого ряда принципиальных положений:

1) какие современные проблемы мировой и национальных экономик вызывают необходимость использования потенциала методологии политико-экономического исследования, развивающей методологическую культуру исследования современных системных проблем экономик;

2) почему мы решили остановиться именно на потенциале политико-экономического подхода;

3) о каком нереализованном потенциале методологии политико-экономического исследования идет речь как для экономической теории, так и для других теорий и аспектов исследования экономики

Однако прежде, чем начать раскрывать обозначенные выше положения, необходимо остановиться на ряде вопросов:

1) в чем состоит специфика хозяйственных систем, находящихся в глубокой трансформации;

2) в чем особенность методологии исследования таких хозяйственных систем;

1 Статья написана по итогам выступлений на X Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Экономическая наука в новой реальности: от догмы к истине», состоявшейся 6 марта 2024 г. в Финансовом университете (г. Москва) и VIII Международном политэкономическом конгрессе имени А.В. Бузгалина, проходившем в рамках VI Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024) 16-17 мая 2024 г. (Москва)

3) каково авторское представление о нереализованном потенциале исследования современных хозяйственных систем в условиях их глобальной глубокой трансформации.

Что касается первого положения, то для поставленной в теме проблемы принципиальное значение имеет характеристика этих систем как таких, в которых изменения затрагивают их социально-экономическую природу. При этом изменения нового образования в них достигают такого уровня концентрации, который недостаточен для перелома в пользу становящейся формы, но уже обеспечивает невозможность возврата к старой [9].

Здесь кроется важный аспект исследовательского потенциала современных хозяйственных систем, в том числе и проблемы их глубокой трансформации, обусловленной столкновением двух процессов: с попыткой сохранения корпоративным капиталом глобальной гегемонии и становящихся новых отношений, проявляющихся в процессе, который современные авторы трактуют как деглобализация [10; 11].

К использованию термина «деглобализация, мы еще вернемся. Здесь пока подчеркнем, что речь идет о необходимости различения фаз исследования:

- 1) становление экономического отношения (системы) для понимания его (ее) социально-экономической природы;
- 2) рождение (строение и внутренний механизм осуществления (реализации) социально-экономической природы);
- 3) функционирование через встраивание в более сложную систему для выполнения функций (развитие +; -).

Что это дает? Дает четкое понимание, что фазы требуют особых подходов и методов исследования, в частности, различения и взаимосвязи генетического и структурного (структурно-уровневого), функционального подходов.

Так как аспект исследования экономической действительности на современном этапе актуализирует функционирование социально-экономических отношений, их жизнь в рамках одного определенного этапа развития, то в этом случае категории «сущность и явление» есть «сущности разных порядков», но тогда они по-разному выражают единство многообразия действительности [12, с. 75].

Становится очевидным, что исследования современных проблем хозяйственных систем мировой и национальных экономик требуют использования потенциала методологии политико-экономического исследования. Но почему именно потенциала политико-экономического подхода? Политико-экономический подход, концентрирует внимание на проблемах осуществления экономических отношений в производстве через призму реализации экономических интересов. Это позволяет выстроить систему логико-смысловых (общих) взаимосвязей, оформить их через категориальный аппарат, отражающий: а) внутреннее единство системы, б) внутренний механизм ее жизни (она для себя), в) выполнение ею функций в той или иной более сложной системе, а, следовательно, и развитие (как с +,

такс-). Появляется возможность выйти на проблемы становящихся, ставших, функционирующих и развивающихся социально-экономических отношений; а, следовательно, и хозяйственных систем, находящихся в условиях глубокой глобальной трансформации [13; 14].

Поэтому в русле обозначенной темы нами выделен аспект глобализации, представленный в работе ученых Бузгалина А.В. и Колганова А.И. во втором томе большого двухтомного труда «Глобальный капитал» [15]. Такой выбор объясняется тем, что в этой работе продемонстрирована методологическая культура политико-экономического исследования процесса глобализации, позволившая предвидеть многое, с чем современные экономики столкнулись сегодня. Нами не ставится задача раскрытия содержания материала. Задача состоит в том, чтобы показать, как подается этот материал читателю через обоснование принципов, методов и технологии исследования, а через это предложить авторское видение нереализованного потенциала методологической культуры

исследования современных проблем трансформации хозяйственных систем.

Методы исследования

Прежде, чем перейти к непосредственному раскрытию обозначенной выше проблемы, остановимся на методах, на которые будем опираться далее. В силу того, что дальнейшее изложение будет касаться обсуждения и обоснования принципов, методов и технологии исследования современных проблем трансформации хозяйственных систем, сделаем акцент лишь на принципиально важном для автора - марксистской методологии политико-экономического исследования, актуальном и значимом по сей день.

В первую очередь это диалектический метод, примененный в политической экономии, открывший ее исторический характер в том смысле, что ее предмет исторически обусловлен, а, следовательно, обусловлены и ее категории и законы. Особенность диалектики и в том, что она носит материалистический характер. В частности, капиталистический способ производства представлен в процессах становления, функционирования, развития и тенденциях, которые рождают силы противоположности. Тем самым метод диалектического материализма в социально-историческом аспекте как метод исторического материализма позволяет выйти на необходимость исследования производительных сил в их противоречивом единстве с производственными отношениями; на производственные отношения как формы развития производительных сил; на противоречия, разрешаемые на определенных этапах развития способа производства в границах существующих производственных отношений, но при расширении и углублении которых наступает ограничение развития производительных сил.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, развертывание отдельных категорий как по горизонтали, так и по вертикали, превращение одних в другие, придающие конкретному глубоко теоретическое значение, являет собой образец особенности применения метода в политико-экономическом исследовании капиталистического способа производства. Это и вопрос о пределах абстракции, особенно актуальный в современных дискуссиях о сохранении специфики предмета политической экономии; это и вопрос о конкретности абстракций как относящихся к исторически обусловленной формации, а потому не произвольных; это и технология перетекания одной теории в другую, согласования их элементов и т.п., представляющих единое целое, конкретное как единство многообразия; это и построение каждой из теорий как взаимосвязи понятий, отражающих определенное явление хозяйственной действительности.

Важное значение для дальнейшего изложения имеет логическое построение политико-экономического исследования в единстве логического и исторического, когда теоретическая модель является оформлением многообразной, хаотичной реальности, приводящим ее в определенный порядок.

«Обсуждаемая проблема имеет прямое отношение к вопросу о соотношении теории и практики ... Обобщая эмпирические данные, моделируя реальность, важно, с одной стороны, чтобы модели были научными, удерживающими социально-экономическую природу того явления, которое моделируется, а, с другой, – сохраняющими отношение к реальности. Только тогда они позволяют глубже познать, а, следовательно, и успешно преодолевать возникающие затруднения и проблемы в практике» [16, с. 97].

Столь же важна и специфика использования в марксистской политической экономии методов формальной логики – индукции и дедукции, анализа и синтеза, всегда «привязанным» к исторической определенности объекта политической экономии: не просто экономический человек, а существующий в определенном способе производстве, на определенном этапе его развития (например, капиталист – персонифицированный капитал) и т.п. Или использование в единстве с анализом генетического метода, чтобы из поиска единого основания, полученного из анализа разных форм, затем вывести из него разные формы (блестящее развертывание прибавочной стоимости в прибыль, среднюю прибыль и ее формы). Или взаимопереход анализа и синтеза при исследовании денег и др.

Обозначенное выше является дополнительной аргументацией, почему именно потенциал политико-экономического подхода будет рассматриваться в данной статье.

Нереализованный потенциал методологической культуры исследования современных хозяйственных систем в условиях их глобальной трансформации

Считаю необходимым остановиться на ряде методологических аспектов.

В первую очередь перед исследователем всегда встает вопрос: какова ключевая сквозная идея, вокруг которой строится исследование, формируется понятийный аппарат, описывающий те или иные свойства, которые позволяют уяснить, почему именно они, а не другие, обеспечивают целостность и результативность осознания автором проблемы исследования.

Следовательно, возникает необходимость разобраться в характере взаимосвязей, с которыми приходится иметь дело. Однако, как показывает целый ряд научных публикаций (особенно молодых ученых), в этом имеются большие сложности. Часто выводы, полученные на основе эмпирических исследований, трактуют случайные пространственные связи как существенные, рассматривают косвенные взаимосвязи под воздействием каких-либо внешних факторов как причинно-следственные, функциональные.

Сегодня, как уже отмечалось, актуализировалась дискуссия о взаимосвязи двух процессов, четко обозначившихся в мировой экономической системе: экономизации политики и политизации экономики, ярко проявившихся в методах и инструментах реализации попытки сохранения глобальной гегемонии корпоративным капиталом. Но какова социально-экономическая природа этой взаимосвязи, внутренняя логика ее реализации. Ответы на эти вопросы пока еще ищутся через описание форм осуществления политической и хозяйственной жизни.

Понятно, что осмысление социально-экономической природы новых форм осуществления политической и хозяйственной деятельности в условиях их становления возможно на основе накопления и исследования их форм проявления в практике, выявления признаков, их свойств и пр., но важно понимать, какие из них носят случайный или неустойчивый характер.

Часто, ограничивая рамки исследования тем или иным уровнем отношений (экономическим, организационно-экономическим, институциональным и др.), в качестве базового понятия используют формулировки из других слоев отношений, или, опираясь на трактовки тех или иных исследователей, даже не задумываются о том, что они могли исходить из разных методологических оснований (принципов исследований). В частности, это касается и исследований процессов глобализации, деглобализации, глокализация и др. В связи с чем возникает вопрос: можно ли без различения объективных основ, причин глобализации и их социально-экономической природы (специфической социально-экономической формы), теоретически осмыслить развернувшиеся контртенденции глобализации процессы.

Здесь мы не можем оставить без внимание важное замечание д.ф.н. Чумакова А.Н. о важности «анализировать и вскрывать суть вещей, формулировать правильные смыслы и показывать несостоятельность, а то и абсурдность таких понятий и выражений, которые, на первый взгляд, выглядят красиво, привлекательно, а по существу являются словесными муляжами, обманками, «мухоморами» не только обыденного, но и научного языка» [17]. Согласимся и с тем, что «сводить понимание глобализации к одной из ее составляющих (экономической, политической или какой-то еще) или даже к некой их определенной совокупности неправомерно» [17, с. 28]. Но разве не принципиально важно, понимая, что глобализация «... объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [17, с. 27], задаться вопросом, «в чем же состоит это новое качество социопространственного бытия современного мира ...?» [15, с. 551]. Столь же важно поставить вопрос о том, о чем по сути свидетельствуют признаки «бытия современного мира», названные факторами движущих сил деглобализации, в статье Тюриной Ольги Андреевны «Деглобализация: миф или реальность»: «Политические изменения: изменения в политических системах, приход к власти протекционистских

режимов, которые отдают приоритет национальным интересам и суверенитету; ... Рост национального протекционизма: Стремление государств укрепить свою экономику и защитить свои интересы путем ограничения внешних экономических связей; Тенденции деинтернационализации предприятий: уход от глобальных стратегий в пользу более локализованных подходов к бизнесу» [11, с. 265].

Обратимся к работе А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, посвященной глобальному капиталу, чтобы на ее примере проследить развертывание исследования общественного отношения, принципиального для современного этапа, своеобразно окрашивающего спецификой осуществления все слои отношений во всех сферах социальной жизни.

Поставив перед собой цель, состоящую в изучении объективных технологических, социально-экономических, политических и т. п. основ глобализации, обобщении их противоречий [15, с. 550], они перешли последовательно к следующим шагам и уровням исследования. Глава 1 Капитал как глобальное явление, или Политэкономия глобализации. Содержание Главы развертывается через подпункты, сами говорящие за себя: Глобализация: вводные замечания, Глобализация производительных сил, Глобализация производственных отношений.

В первом подпункте на основе критериального анализа существующих точек зрения зарубежных и российских авторов подготавливаются исходные теоретические послышки, формируется авторская позиция по базовой рамочной трактовке процесса глобализации: «...глобальная гегемония корпоративного капитала как особая социальная форма интернационализации, «глобализация по-капиталистически». Это и есть социопространственное бытие противоречий всемирной гегемонии глобального капитала» [15, с. 567].

Через подпункты 2 и 3 авторами раскрываются, как они выражаются, «основные пласты процесса глобализации»: глобализация производительных сил, глобализация производственных отношений [15, с. 558]. Завершая раздел, ученые подчеркивают, что исходным пунктом, «клеточкой глобальной гегемонии капитала является новое общественное отношение корпоративного доминирования и манипулирования, рождающее власть корпоративных сетей над рынком и даже шире – экономикой, обществом и человеком. Оно становится системным качеством глобализации» [15, с. 567].

В рамках нашей темы данный вывод принципиален и важен тем, что именно это системное качество глобализации пронизывает процессы, происходящие в национальных и мировой экономиках, придавая им специфическую динамику.

Это особенно ярко проявляется при переходе авторов к исследованию структуры и механизма жизнедеятельности современного корпоративного капитала. Начинается этот анализ (подчеркнем) с анализа анатомии корпоративной сети, выделяя все ее этажи с их горизонтальными и вертикальными связями. Но их устойчивость обеспечивается системным качеством – способностью этой сети как целого оказывать внешнее локальное регулирующее воздействие на рынок, быть субъектом гегемонии [15, с.569].

Позволим себе ремарку: одновременно возникает необходимость включения методологии структурных уровней и субъектного подхода. Речь идет о субъекте – «...генерирующем «поле зависимости» и субъекте внутренней корпоративно-капиталистической гегемонии» [15, с. 573]. Цитирую авторов: «корпоративная группа превращается в мини-общество, где складывается своя система производственных отношений (но не только). Основная власть в ней принадлежит корпоративной номенклатуре – ограниченному кругу частных лиц, «приватизировавших» не собственные объекты, а преимущественно основные права собственности, каналы власти» [15, с. 577].

И снова ремарка: разве это не сигнал к осмыслению возможности включения в анализ продуктивной методологии других научных школ для развития экономической теории. В частности, использование позитивного методологического опыта Economics в применении субъектного подхода к исследованию процесса функционирования хозяйственных систем [18], правда, на базе рыночной парадигмы, что и вызывает у нас определенную критику. Кроме того, как справедливо отметил профессор Пороховский А.А., «...как известно, неоклассическая теория сосредоточена на рыночной

сфере экономики. ... чем сложнее становится экономика, тем больше Экономикс нуждается в расширении междисциплинарных исследований, которые по-своему дополняют неоклассику» [18; с. 84].

Вернемся к обсуждению проблемы глобализации в работе «Глобальный капитал» А.В. Бугалиным и А.И. Колгановым. Предыдущим анализом структуры и механизма жизнедеятельности современного корпоративного капитала авторами подготавливается переход к устройству механизмов взаимодействия кланово-корпоративных структур между собой и с «третьими лицами» [15, с. 577]. Заметим, включение их с их функциями в более сложную систему отношений. Цитирую: «...это исследование не сущностных черт современного капитализма, а их разнообразных форм проявления» [15, с. 577]. По мнению авторов, это задача – менее сложная, так как эти формы описываются целым рядом дисциплин, призванных описывать эти механизмы: от микро(макро)-экономики, менеджмента и финансов до теорий отраслевых рынков и т.п. И далее ключевое: ученые ставят перед собой цель: «критически синтезировать в единую систему эти знания, показав, как эти проявления взаимосвязаны с сущностными механизмами гегемонии капитала» [15, с. 577]. Отсюда следующий подпункт не случайно назван «Ещё раз к вопросу об ECONOMICS, маркетинге, менеджменте и финансах как областях изучения превратных форм позднего капитализма» [15, с. 578].

Почему это принципиально для авторов. Да потому, что (цитирую) «известные всем и господствующие ныне экономические дисциплины ... отражают прежде всего превратные формы, ... не только скрывающие сущностные отношения гегемонии капитала, но и создающие объективную видимость иного содержания капиталистической экономики... На практике, на уровне явления происходит, в связи с этим, «чрезвычайное огрубление и идеализация действительных, эмпирически наблюдаемых процессов» [15, с. 578].

Разве можно не согласиться с авторами? Оставаясь в исследовании в теоретических и методологических рамках только одной специальности, происходит своего рода одностороннее идеализированное отражение реальной хозяйственной жизни, когда её внешние признаки проявлений заявляются как существенные новые свойства, а по сути, это могут быть деформированные формы проявления лишь становящегося нового, но которое не может быть пока принято как ставшее в условиях действующего институционализированного хозяйственного механизма. Так, на сколько корректно без включения в анализ социально-экономической природы государства можно рассуждать о его регулирующей роли, о разного рода государственной политике, когда становящаяся планомерность, подчиненная институционализированному рыночному механизму, проявляется по результату в деформированных формах, например, по качеству выполнения государственных заказов, оказанию услуг и прочее.

Примененный авторами методологический подход позволяет выйти на актуализацию проблемы превращения форм социально-экономических отношений в ходе их реализации через различие процессов их модификации и деформации в условиях глубокой трансформации хозяйственных систем [9].

Критерием различения модификации и деформации экономических отношений как характеристик процесса их превращения в ходе опосредования другими слоями отношений в процессе их осуществления в той или иной хозяйственной системе является, по нашему мнению, тип изменения социально-экономической нормы существования отношения при его реализации (в данном случае речь идет о внутренней форме отношения, понимаемой как его закон). А именно – изменения в виде корректировки нормы или изменения в виде её перенормирования. На этой основе можно выходить на анализ действительности или мнимости их функционирования, рациональности или иррациональности деятельности их субъектов (последнее понимаем как действие в соответствии или нет с их статусной экономической ролью).

Продолжим. Всем предыдущим анализом автором подготовлена Глава 2 «Глобализация: социо-политическое, социо-пространственное и социокультурное измерения», посвященная «...

блоку проблем, связанным с над-экономическими сферами проявления глобализации» [15, с. 584]. Заканчивается раздел Главой 3 «Тотальная гегемония корпоративного капитала как катализатор глобальных проблем человечества». Своеобразная критериальная систематизация этих проблем и противоречий, их порождающих, как доказательство того, что особая позднекапиталистическая форма прогрессивного процесса интернационализации «... может и должна быть снята, преодолена. Интернационализация может и должна приобрести новые общественные формы» [15, с. 551].

И снова наша ремарка. Мы обратили внимание именно на выделенный аспект в связи с его практической и методологической актуальностью в рамках нашей темы. Современный этап функционирования мировой хозяйственной системы демонстрирует обострение противоречия между субъективно установившейся институциональной структурой мировой экономики, поддерживающей интересы и «теневую власть» глобалистов, и объективной социально-экономической природой трансформации процесса глобализации, требующей учета соотношения национально-государственных и мирохозяйственных интересов. А это имеет прямое отношение к экономико-теоретическому осмыслению становящейся новой формы интернационализации.

Эти проблемы, по мнению авторов, «как бы синтезируют все виды, формы и методы данной гегемонии, делая ее всеобщей, глобально-противоречивой во времени и пространстве. ... Однако капитал ... порождает в своем воспроизводстве и силы, противостоящие его власти и доминированию» [15, с. 656].

В этом отношении можно сделать вывод о продуктивности использования метода структурных уровней. При этом становится очевидным, что нельзя произвольно выбирать для исследования какой-либо уровень или аспект хозяйственной системы, не опираясь на знание других, более существенных ее уровней [12, с. 75].

Многие годы из курса экономической теории исключалась проблема взаимодействия производительных сил и социально-экономических отношений. Но давайте обратимся к нашему опыту построения социализма. Индустриальные производительные силы, развивавшиеся в нашей стране в тот период, объективно являлись силами капиталистических отношений, предопределяя адекватные организационно-экономические, институциональные и прочие отношения. Субъективно оформленный волевой механизм жизни хозяйственной системы, предлагающий иные формы реализации производительных сил, не смог остановить процесс их капитализации, правда, в деформированных формах проявления, о которых сегодня много говорят.

Сегодня чрезвычайно большой исследовательский интерес к проблеме влияния новых информационных технологий, искусственного интеллекта на мировую и национальные экономики и общества, которые сами по себе лишь новый инструмент, положительный потенциал которого может быть реализован опосредующими его реализацию адекватными социально-экономическими, организационно-экономическими, институциональными отношениями. Отметим, в частности интересную и содержательную диссертацию Гудковой Т.В. на тему: «Трансформация фирмы в условиях цифровой экономики», представленную на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1 – экономическая теория, в отзыве на автореферат которой, нами было высказано предложение для дальнейшей работы, состоящее в том, чтобы учесть противоречивую специфику реализации новых технологий. Нами было подчеркнуто, что, с одной стороны, их специфика требует с необходимостью оценки рисков для мирового, национальных государств и обществ, предполагая включение межгосударственного, государственного и общественного контроля в механизм их функционирования. А, с другой, – в рамках субъективного механизма их внедрения и реализации под влиянием частного интереса, новые технологии могут приводить к отрицательным полезным эффектам и результатам для тех, кто их использует [19]. При этом «риски могут возникать в любом слое отношений, реализующих современные инновационные технологии. В социально-экономическом, отражающем социально-экономическую природу капитала, иницирующего и внедряющего технологии; в организационно-экономическом, связанном с принятием управленческих решений;

институциональном, определяющим формальные и неформальные нормы функционирования технологий; собственно хозяйственном, где сталкиваются хозяйственные интересы субъектов, формирующих, принимающих и реализующих хозяйственные решения» [19; 9, с. 78]. «В связи с этим всякий раз перед исследователем будет стоять вопрос по выявлению специфических рисков, связанных с реализацией господства глобального капитала и силами, противостоящими его власти и доминированию.

Нельзя обойти стороной воспроизводственный аспект анализа, без которого невозможно уяснить направление развития хозяйственной системы, реализацию ее структурными элементами своих внутренних потенциалов. Можно ли сегодня дать полноценную системную характеристику трансформации образования без воспроизводственного подхода, позволяющего раскрыть внутреннюю противоречивость этого процесса. С одной стороны, объективный процесс формирующегося заказа на целевую направленность всех образовательных процессов разных уровней и разных масштабов (в стране и в регионах) не на одностороннее, а многогранное формирование человека и как специалиста, и как личности с природой ценностей и мотивацией деятельности, требующего соответствующих изменений не только социально-экономических отношений, но и организационно-экономических, институциональных, опосредующих реализацию становящегося нового содержания образования. А, с другой, – субъективная форма его осуществления в рамках действующих институциональных, организационно-экономических, собственно хозяйственных норм, приводящая к воспроизводству человека как носителя рабочей силы, человеческого капитала.

Институциональный подход был бы более органичен в экономико-теоретическом исследовании, если бы опирался на более существенные уровни реализации социально-экономических отношений, экономических интересов их субъектов, которые институционализируются. Представляется продуктивным различие институционализации экономических интересов и процесса их институционализации. Это не игра слов. Институционализация экономических интересов это объективный механизм их реализации, предопределенный социально-экономической природой экономической системы. Институционализация экономических интересов — это процесс создания и конструирования набора разноуровневых норм, статусов, ролей и приведения их в систему, которая способна действовать в направлении эффективного социально-экономического развития [20, с. 46-47].

Экономически господствующая форма собственности, а, следовательно, господствующие экономические интересы, субъективно осознаваясь господствующими хозяйствующими субъектами, через власть будут формировать формальные институциональные нормы для их реализации. Другими словами, через институты и институциональные нормы, они обеспечивают воспроизводство своего господства в экономике, подчиняя себе субъективный хозяйственный механизм, перераспределяя национальное и наднациональные богатства в свою пользу [21, с. 26].

Спросим себя. Возможен ли был бы представленный в обсуждаемой работе ученых А.В. Бузгалина и А.И. Колганова анализ без интеграции прогрессивных достижений других научных школ? Наверное, нет. Но это потребовало согласования и упорядочивания методологической культуры исследования, а следовательно, и языка, на котором ведется дискуссия, включая технологии понимания и критики других авторов во имя развития экономической теории. Сошлемся также на актуальное замечание

М.И. Воейкова, высказанное им еще в 2005 в рецензии на книгу С.С. Дзарасова, С.М. Меньшикова, Г.Х. Попова «Судьба политической экономии и ее советского классика» [22], изданную к 100-летию профессора

Н.А. Цаголова. М.И. Воейков пишет: «... не только «нужно создавать новый постклассический синтез экономической теории, активно овладевать новыми направлениями западной экономической мысли. Нужна и специальная экономическая теория для случая России, которая была бы не альтернативной мировой экономической науке, а представляла бы ее органическую, но все же особую,

часть» [23, с. 173].

Главный содержательный смысл выбора российского пути неразрывно связан с теоретическим пониманием важности учета генетического кода (национально-особенного) общественной системы (в том числе хозяйственной), проблемы механизма его устойчивости, факторов, влияющих на направленности его изменений, для понимания и учета мотивационного поведения членов общества (хозяйственного, социального, политического и пр.). А это означает, что настало время глубокого изучения национальной экономики во всем многообразии сторон, раскрывающих социально-экономическую природу ее существующего общественно-хозяйственного строя на разных этапах развития.

Вместо выводов. Что может дать методологическая культура политико-экономического исследования современным теориям экономики

Накопленный методологический багаж политической экономии может служить надежной опорой в развитии экономической теории, предложив методологический взгляд на принципиальные вопросы дискуссии:

1) каков ценностный и методологический базис проблемы развития марксистской экономической теории (например, в тесном взаимодействии с новыми альтернативными неоклассике научными школами, например, – новой марксистской политической экономии, опирающейся на идею неомарксистского синтеза (В.Т. Рязанов) или модального расширения предмета экономической теории – мультимодальный синтез (В.П. Федоров), др.);

2) каковы методологические основания поиска условий и механизма встраивания в проблемное поле новой экономической теории теоретических разработок неортодоксальных научных школ, уточнения или развития ее категориального аппарата.

Почему останавливаемся, задавая рамки этой части материала, на этих двух авторах? Дело в том, что в вышедших монографиях [6; 24], авторами которых они являются, предложены решения поставленной проблемы, но с акцентами на разных ее сторонах. Если В.Т. Рязанов преимущественно с позиции (в нашей терминологии) механизма реализации социально-экономических отношений, под которым понимаем субординированное опосредование в ходе реализации отношений глубинного уровня организационно-экономическими, институциональными отношениями и выход их на поверхностный собственно хозяйственный уровень (трансформация объективных в субъективные отношения). То В.П. Федоров – в обратном направлении: как хозяйствующие субъекты через принятие решений и их реализацию во взаимодействии воздействуют на базисные экономические отношения (переход субъективного в объективное). По нашему мнению, в ответе на вопрос, как объективное переходит в субъективное, а субъективное становится объективным, влияя на социально-экономическую сущность хозяйственной системы, состоит ключевая исследовательская проблема, без решения которой расширение предмета экономической теории, методологически не будет обосновано.

Тогда появится методологическое основание преодоления крайностей в дискуссии о построении экономической теории, «исходя либо из примата надсубъектных – овеществлённых форм социально-экономических отношений, либо выводя отношения из поведения экономических субъектов, действующих субъективно» [16, с. 97].

Почему данная исследовательская проблема представляется важной? Недооценка влияния субъективной деятельности хозяйствующих субъектов, их субъективного восприятия окружающего мира, мотивационной направленности на глубинные процессы, уточняющие, развивающие социальные (в том числе, социально-экономический) геномы, приводит к упрощенному пониманию механизмов трансформации хозяйственных систем современного мира под влиянием современной научно-технической революции. Это тем более важно на современном этапе развития нашего общества, выбирающего свое будущее.

В рамках собственно хозяйственного подуровня хозяйственной системы актуализируется

субъективное восприятие хозяйствующими субъектами действующих организационно-экономических и институциональных норм и институтов, социально-экономических ролей, социально-экономических статусов. Они субъективно осознают свое место в общественном производстве, интересы, институциональные и организационные условия своей хозяйственной деятельности, воспринимая предлагаемые хозяйственные формы и нормы «как сигналы, своеобразные стимулы, которые предстают как кванты информации, по критерию соотношения результата и затрат» [24, с. 199, 202-203].

В этих условиях велика роль государства с его функциями и институтами, как источника норм, становящихся стимулами определенного поведения, а также наделенного значительными исполнительными компетенциями, которые государство реализует, проводя различные политики. Это дает основание, как считает В.П. Федоров, рассматривать

«... особый алгоритм работы государства как источника стимулов», суть особенности которого в целевой ориентации «не на сделку с конкретным субъектом, а на формирование заинтересованности в воспроизводстве норм, правил и институтов функционирования экономической системы» [24, с.207].

В рамках анализируемой темы важно обратить внимание, что особый уровень реальности, относительной независимости от производственных отношений нам видится в том, что спонтанно, стихийно возникающие нормы хозяйственной деятельности в случае неадекватности формальных институциональных норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизводстве приводят к стихийному возникновению новых неформальных институциональных норм, регулирующих хозяйственные поведения и взаимодействия, становясь элементами хозяйственного механизма системы.

Поэтому, формируя субъективно механизм становления нового качества хозяйственной системы, с одной стороны, важно четко представлять объективный механизм реализации этого качества. А с другой, – скрупулезно анализировать и систематизировать проблемы действующей экономики с точки зрения движения к этой цели. Без этого субъективный механизм становления разработан быть не может. Подчеркнем, не аспекты формирования, а именно система хозяйственных форм, норм и стимулов (институциональных, организационно-экономических, собственно хозяйственных), постепенно развертывающая устаревшую систему на новый путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейнер Г. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. С. 4–28;
2. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 701 с.
3. Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. №2. С. 39–51.
4. Бодрунов С.Д. Ноономика / Монография / М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. №2. С. 122–144.
6. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В.Т. Рязанов. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2019. – 436 с.
7. Бондаренко В.М. Постковидный мир: необходимость перехода на новую парадигму развития / В. М. Бондаренко //МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – Т. 12. № 3. – С. 254–273.
8. Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимое обновление // Российский экономический журнал. 2022. №5. С. 4–21.
9. Карасёва Л.А. К дискуссии о трансформации хозяйственных систем и проектировании из будущего / Л.А. Карасева // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 1(71). – С. 75-83. – DOI 10.37930/1990-9780-2022-1-71-75-83. – EDN EGMZLN.
10. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 2. С.34–47.
11. Тюрина О.А. ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 10-2. – С. 262–266; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3021> (Дата обращения: 06.07.2024).
12. Сергеев А.А. Структура производственных отношений социализма / А.А. Сергеев. – М.: Наука, 1979. 240 с.
13. Карасёва Л.А. Методологический и политэкономический потенциал современной экономической науки / Л.А. Карасева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2014. – № 3. – С. 74-79. – EDN STYOWR.
14. Карасёва Л.А. Нетрадиционный взгляд на методологический и аналитический потенциал классической политической экономии. Часть II. Методологический и аналитический потенциал новой политической экономии для развития и современного использования в условиях системного кризиса общественной жизни / Л.А. Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – № 2(50). – С. 241–253. – EDN FIEEВ.
15. Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2 Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
16. Карасёва Л.А. Механизм торможения в экономической теории / Л.А. Карасева // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 4. – С. 89–100. – DOI 10.5281/zenodo.7521908. – EDN PFSMRK.
17. Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? / А.Н. Чумаков // Век глобализации. – 2023. – № 3(47). – С. 19–34. – DOI 10.30884/vglob/2023.03.02. – EDN UJAYDK.
18. Пороховский А.А. Цивилизационное значение политической экономии (статья, посвященная 210-летию кафедры политической экономии экономического факультета МГУ и подготовленная к Международной научной конференции «Экономическая система современной России») / А.А. Пороховский //Российский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 76–85. – EDN UBQYVR.
19. Карасёва Л.А. Отзыв на автореферат диссертации Гудковой Т.В. на тему: «Трансформация фирмы в условиях цифровой экономики», представленной на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1 – экономическая теория» URL: <https://dissovet.msu.ru/>

download/c484e86c-9919-11ee-8d3f-005056b96f20 (Дата обращения: 30.07.2024).

20. Карасёва Л.А. Институционализация экономических интересов в социально-экономическом проектировании развития территорий / Л.А. Карасева, А.М. Зинатулин, М.Р. Топалян // Проблемы развития территории. – 2018. – № 1(93). – С. 42–56. – EDN YNUKIK.

21. Карасёва, Л. А. Институциональные иллюзии и действительные проблемы хозяйственного механизма российской экономики / Л. А. Карасева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 24–31. – EDN YGSJBL.

22. Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М: Альпина Бизнес Букс, 2004. 454 с

23. Воейков М.И. Судьба отечественной политической экономики / М.И. Воейков // Экономическая наука современной России. – 2005. – № 2(29). – С. 166–173. – EDN IEZYRL.

24. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. М.: КНОРУС, 2021. 218 с.

Do modern theories of economics need a methodological culture of political and economic research?

Karaseva Lyudmila Arshavirovna

Doctor of Economics, Professor,
Tver State University, Tver, Russian Federation
E -mail: karasevatvgu@yandex.ru

Abstract. In conditions when the main meaningful meaning of the choice of the Russian way forward is formed, the problem of the formation of economic theory, adequate to the modern stage of development of national and world economies, whose economic systems are in a state of deep transformation, is actualized more than ever. Economic science in the “new reality” is faced with such phenomena as the socialization of the economic life of modern society, the economization and financialization of politics and the politicization of the economy in the context of the globalization process, again highlighting the question of the place and directions of the development of political economy in economic science. Therefore, there is a serious question about the paradigm of modern economic theory, which would absorb the reflection of these new processes. For this reason, this material is a kind of attempt to integrate into the ongoing discussion about the place and development of political economy, about expanding the subject of economic theory [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], offering an author’s methodological perspective on the principal issues of discussion. Participation in the discussion is also important from the point of view of the position of research teachers leading disciplines included in one capacity or another in economic theory. And this means - developing the criterion-value socio-economic worldview of future specialists, their methodological culture of research.

Keywords: unrealized potential of methodological culture of research; methodology of political and economic research; specifics of the study of economic systems in deep transformation; globalization and global capital

Методологические проблемы отечественной экономической науки

Симченко Наталия Александровна

доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: natalysimchenko@yandex.ru

Благих Иван Алексеевич

доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

Малюшин Иван Иванович

кандидат экономических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: malyshin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования методологических проблем отечественной экономической науки. Современная экономическая наука в России переживает сложный этап своей трансформации. Отказ от западного наставничества и переход к суверенному мышлению вызвал обновление теоретических взглядов и практических подходов к решению хозяйственных проблем. Это не могло не вызвать пристальный интерес к методологическим основаниям, на которых базируется наука о хозяйстве. Вместе с тем, многие экономисты все еще находятся в заблуждении относительно того, где искать необходимую методологию: в философии, в истории, в мыслимых экономико–теоретических конструкциях или в чем-то еще. При этом следует иметь в виду, что методология экономических исследований относится к базовым основаниям экономической науки и является мета-теоретическим уровнем экономического знания. Именно на данном уровне синтезируется траектория экономического развития и осмысление практики современности, из которых в свою очередь, выводятся принципы, выводы и доказательства многих экономических положений, теорем и теорий. Авторы считают, что диалектико-материалистическая методология не исчерпала всех своих ресурсов и возможностей и в качестве метода исследования современных трансформаций, происходящих в сфере отечественного хозяйства, вполне может служить руководством к созданию национальной экономической теории.

Ключевые слова: экономическая наука, экономическая теория, методология, методы исследования, диалектический материализм, экономический империализм, экономический детерминизм

JEL codes: B41; A11, A31

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-25-33>

Для цитирования: Симченко, Н.А. Методологические проблемы отечественной экономической науки / Н.А. Симченко, И.А. Благих, И.И. Малюшин - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.25-33. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

С начала XX века экономическая наука оказалась под сильным методологическим влиянием психологии, философии и статистики, а, начиная со второй половины XX века, особенно явным стало методологическое воздействие математики и социологии. Если широкое использование математики привело к некоему повышению строгости и точности экономического знания, то активное использование социологической методологии привело к тому, что экономическое наблюдение стало более наступательным, менее нейтральным.

Экономический эксперимент слился с практикой «менеджерального» мышления. В настоящее время под экспериментальной экономикой следует понимать навязывание людям выгодного финансистам и фирмам экономического поведения под видом научного знания, а сама экономическая теория Запада стала своего рода рекламой западного образа жизни.

В соответствии с разнообразием «экономик», или «экономикс», в экономической науке Запада существует множество методологий. При этом при смене одной методологии другой часто используется термин «парадигма». Под ней понимаются нормы и образцы научного мышления, приобретающие в данном научном сообществе характер традиции или, иначе, это определенные научные стереотипы, шаблоны мышления, в рамках которых ученые в тот или иной период решают свои исследовательские задачи.

Различные исследователи выделяют разное количество методологий-парадигм (или «исследовательских программ»). Чаще всего называют четыре основных методологических направления, которые вполне можно интерпретировать в духе исследовательских программ: дедуктивистское; позитивистское, «предикционистское» (от англ. prediction – предсказание, прогноз), эклектичное [1]. Наверное, и такая версия имеет право на существование.

Соответственно в России либеральные экономисты называют четыре основные направления в экономической методологии применительно к Западной экономической мысли: а) классическая политическая экономия (изучает «мир богатства»); б) историко-институционалистская экономическая теория (исследует экономические институты и их историю); в) маржиналистская теория (объект ее изучения – мир бизнеса или хозяйствующих субъектов); г) эклектичная теория (основана, по их мнению, на «разнородной» методологии) [2].

Некоторые российские экономисты предлагают вычленять три основные теоретические экономические системы: а) экономическая система либерализма (монетаризм, неоклассика и т.п.); б) теоретическая экономическая система «активизма» (кейнсианство, историческая школа, институционализм и неинституционализм); в) теоретическая экономическая система социализма (марксистская политэкономия) [3].

При этом выделяется пять «научных революций» в истории экономической мысли:

- 1) смито-рикардианская (конец XVIII – начало XIX в.);
- 2) марксистская (конец XIX – начало XX в.);
- 3) маржиналистская (примерно тот же период);
- 4) кейнсианская (30 – 60-е гг. XX в.);
- 5) консервативно-монетаристская (80 – 90-е гг. XX в.) [4].

Конечно, такое разделение является достаточно условным, но по сложившейся в либеральной экономической мысли традиции это деление чаще всего присутствует в изложениях истории экономических учений Запада.

Соответственно в учебниках дается такое определение методологии:

- а) во-первых, это учение об основных методах какой-либо науки;
- б) во-вторых, это совокупность методов, имеющих в распоряжении данной науки.

Причем первая трактовка методологии является более глубокой по своему смыслу, чем вторая [5].

Мы полагаем, что сведение методологии к простой совокупности методов является достаточно сильным упрощением. Методология не есть простая сумма отдельных методов, их «механическое единство».

История мысли свидетельствует, что термин «методология» появился как комбинация двух древнегреческих слов: «методос» – способ, путь и «логос» – учение. Буквальный перевод слова «методология» – учение о методе или, лучше сказать, учение о методах.

Что же такое метод, и чем он отличается от методологии? Метод – это определенная совокупность устойчивых правил, предназначенная для достижения какой-либо цели. Основное назначение метода – быть «компасом» или «светильником» в руках познающего субъекта на пути к чему-либо. Истинный метод служит своеобразным компасом, по которому субъект познания и действия прокладывает свой путь, позволяя избегать ошибок.

Методология – это сложная диалектическая, целостная, субординированная система способов,

приемов, принципов разных уровней, сфер действия, направленности, эвристических возможностей, содержаний, структур и т.д. [6].

Отечественные исследователи выделяют шесть основных задач экономической методологии:

1) анализ основных исследовательских направлений или программ, существовавших в истории экономической мысли, а также периодов их смены;

2) исследование методов собственно экономической науки или различных теорий, существующих в рамках определенного «формата», или, как говорил К. Маркс, формаций, а также их взаимопроникновения в рамках данной методологии;

3) поиски истины в экономической науке, а также исследование ее критериев и основных способов подтверждения;

4) изучение основных мировоззренческих стандартов и идеалов экономической науки;

5) выведение или же изучение ключевых этапов экономического исследования, а также рассмотрение процедуры «научного открытия» в экономической науке;

6) исследование места и значения экономической методологии в системе общей методологии социальных и естественных наук, в частности влияния методологии других наук на экономическую методологию, и воздействия последней на методологию иных областей знания [7].

В соответствии с вышесказанным, рассмотрим методы исследования, примененные в данной статье.

Методы исследования

Исследование основано на принципах диалектического материализма, которые были выработаны философами-материалистами на протяжении последних двух тысяч лет:

- мир материален и построен из того, что современная наука описывает как материю-энергию;
- материальный мир представляет собой взаимосвязанное целое;
- человеческое знание формируется объективно существующей реальностью (как природной, так и социальной);

- бытие определяет сознание;

- мир находится в постоянном движении, и не существует ничего статичного в этом мире;

- все изменения материи происходят по определенным всеобщим законам;

- законы развития материи существуют на различных ее уровнях и соответствуют различным предметам наук, а потому не следует ожидать, что в каждом случае объяснение таких сложных сущностей, как, например, человек или биологически-психологические процессы, можно осуществить с помощью элементарных формул;

- материя бесконечна в своих свойствах, а потому и познание человека никогда не будет полным;

- движение мира объясняется внутренними факторами, а потому нет необходимости в постулировании некоего внешнего двигателя;

- человеческое знание прирастает со временем, что демонстрируется возрастающими успехами приложения этого знания на практике, однако это приращение осуществляется путем аккумуляции относительных, а не абсолютных истин.

И в настоящее время многие ученые и практики в явной или неявной форме строят свою деятельность на основе допущений, сходных с этими принципами. Отсюда, кстати, вытекало часто высказываемое советскими авторами соображение о том, что выдающиеся ученые Запада, не являющиеся марксистами, иногда неосознанно являются сторонниками диалектического материализма. Однако, более всего, эти принципы с наибольшей полнотой были представлены именно в работах сторонников диалектического материализма. Общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальные методы научных исследований во многом были разработаны в рамках диалектического материализма. Они также использованы в настоящей статье.

Основное содержание статьи

На основе той или иной методологии формируется определенный набор методов как последовательности действий при проведении научного исследования. Исследование научной проблемы начинается с описания, т.е. письменного, устного или хотя бы мысленного изложение проблемы, что также может быть формализованным (математическим, статистическим) или вербальным (словесным, концептуальным).

Определение научной проблемы в экономическом исследовании – это сложная мыслительная задача, требующая своего правильного разрешения. Правильно сформулировать научную проблему – не просто. Как говорят методологи: «правильно сформулированный вопрос – это уже половина ответа» [8].

Вторым этапом научного исследования в экономике является выдвижение гипотез. В гуманитарных науках, в отличие от естественных наук, чьи результаты можно верифицировать экспериментально, эксперимент отсутствует, поэтому выдвижение гипотез, как прием научного исследования, используется редко. Гипотеза – это предположение относительно каких-либо научных фактов, которые нельзя до конца считать достоверным; она предсказывает какие-либо явления или факты, и со временем ее выводы либо опровергаются, либо превращаются в теорию. Гипотеза по возможности должна объяснять наибольшее число фактов, быть совместимой с предыдущими теориями и в целом обладать наибольшей эвристической силой. Нежелательны, хотя и возможны, гипотезы типа *ad hoc*, т.е. придуманные только для данного случая и плохо согласующиеся с предыдущими фактами и теориями [9].

Экономическая теория – это система обоснованных и доказанных положений, принятых большинством ученых в сфере экономического знания за истинные. Как завершающий этап экономического исследования, теория, как правило, представляет собой одну из многих экономических гипотез, которая смогла в наибольшей степени доказать свою пригодность. Все иные гипотезы или отбрасываются вообще, или уходят на периферию экономической науки.

Экономическая теория опять же может либо иметь формализованный (математический) характер, либо быть концептуальной (вербальной). Введение математического инструментария повышает точность экономических расчетов, но вуалирует общественный характер экономического знания и сильно затрудняет его практическое применение. Концептуальные экономические теории, наоборот, легче применяются, но являются менее точными в расчетах и по своей сущности больше напоминают хорошо разработанные гипотезы, которые в любой момент могут быть опровергнуты последующим развитием экономической науки [10].

Одной из наиболее сложных из всех методологических проблем в экономической науке является проблема истины. Наиболее убедительным и эффективным в поиске экономической истины является научный метод экономического исследования. Однако «научность» часто имеет субъективный характер. Проблема финансирования науки, ее востребованность государством, либо бизнесом, всегда вносила «поправки» в бескорыстный поиск истины. Иногда методы экономического исследования, основанные на обыденном экономическом знании, на вере или мифе, оказывались более убедительными и достоверными, чем конъюнктурные научные исследования. Доказательством этому могут служить 90-е годы XX века – годы рыночных реформ в России, когда российские академики, апологеты марксизма-ленинизма, стали стремительно поддерживать «рыночный» капитализм.

Необходимым элементом любой экономической истины является ее ценностный аспект. Кто-либо утверждающий что-либо по поводу хозяйственных явлений не только сообщает какие-либо экономические факты, но и исподволь определенным образом интерпретирует эти факты. Эта интерпретация отнюдь не нейтральна, она производится с позиций тех или иных систем ценностей, в рамках того или иного ценностного подхода, а если быть совсем точным – с позиций той или иной идеологии. Термин «идеология» здесь следует трактовать во всех аспектах: и как политическая идеология, и как экономическая идеология, и как религиозная идеология и т.д. Казалось бы, преподаватель рассказывающий студентам о моделях А. Льюиса, Манделла-Флеминга или М.

Фридмана, преподает «чистую» экономическую теорию, но фактически он преподает ее англо-саксонский вариант, ибо не бывает теорий, не созданных людьми, а люди имеют национальность, религиозную принадлежность и исторический опыт [11].

Достаточно напомнить пример Алекса де Токвиля, который прославлял американскую демократию в то время, когда в США линчевали негров и охотились за индейцами как за животными. Англо-саксонская экономическая теория формировалась в условиях, когда они практически весь мир превратили в свою колонию, и от колониального мышления они не избавились до сих пор. В современных условиях эти страны ведут необъявленную войну против России, и нет никакой необходимости использовать их теоретические догматы в учебных целях.

Проблема экономической истины тесно связана с проблемой экономического заблуждения [12]. Если попытаться проанализировать эту проблему на самом элементарном уровне, то ответы здесь могли бы быть даны следующие:

- а) заблуждение как результат веры в авторитеты;
- б) заблуждение вследствие логических ошибок в языке, неправильного использования понятий и т.п.;
- в) заблуждение как результат воздействия различных предрассудков и стереотипов;
- г) заблуждение, порожденное неправильной интерпретацией эмпирических фактов и представлений.

Избавление от заблуждений происходит с течением времени путем накопления опыта. Как писал гений русской литературы А.С. Пушкин: «О, сколько нам открытий чудных готовят просвещения дух, и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг, и случай, бог изобретатель...» [13].

Таким образом, разработка экономической методологии идет как бы в двух направлениях: во-первых, со стороны методологий более высокого уровня – всеобщей и общенаучной, а во-вторых, со стороны собственно экономистов-исследователей, которые вырабатывают те или иные методы постижения нового экономического знания. Роль всеобщей методологии играет, как известно, философия. Посредством общенаучной методологии на экономическую науку влияют естественные и иные социальные дисциплины – математика, кибернетика, социология, история, психология, политология.

Собственно, экономические методы, которые можно охарактеризовать как частно-научные, по своему общенаучному влиянию редко выходят за пределы экономической науки. Вместе с тем, если экономическую науку рассматривать в рамках «экономического империализма», то абсолютно бесспорными являются длительные эвристические перспективы применения этих методов в других отраслях социального знания и желание очень многих экономистов-исследователей при помощи таких методов расширить границы экономической науки в целом.

Конечная цель «экономического империализма» – унификация всего разрозненного семейства наук об обществе на базе неоклассической теории. Ее сторонники признают, что другие социальные дисциплины располагают ценными наблюдениями, понятиями и инструментами анализа, но общую рамку для обществоведческого синтеза способна, по их убеждению, дать только экономическая наука. Конечно, это глубочайшее заблуждение, поскольку часть не может быть больше целого, а частное знание, не может быть больше общего. Экономический империализм стал возможен после принятия методологии позитивизма, провозгласившего, что всякая наука сама себе философия. Произошло разрушение единства картины мира, и экономическая наука провозгласила себя наукой всех наук. Парадоксально, но факт, в методологии позитивизма крупный мошенник (по определению этики) в экономике может считаться финансовым гением, а в политике – популист представляется успешным партийным лидером, в социологии – ниспровергатель скреп общества – реформатором и т. д.

Современный «экономический империализм» не является новым «экономическим империализмом» в истории современной западной экономической мысли. Аналогичные претензии экономической теории на лидерство среди других направлений общественнознания пытались

разрабатывать в той или иной степени и А. Смит, и Дж. Ст. Милль, и Ф. Хайек, но особенно агрессивно это демонстрируют экономисты США [14]. Не случайно концепция «экономического детерминизма», согласно которой большинство социальных явлений и процессов есть функция экономических факторов, принадлежит именно им. Очевидно также, что и в методологическом плане концептуальный подход «экономического империализма» будет и в дальнейшем оказывать серьезное влияние как на саму экономическую науку, так и на иные отрасли социального знания. И наоборот, экономическое знание на себе испытывает методологическое воздействие со стороны других наук – как социальных, так и естественных [15].

В современных условиях, когда российская экономическая наука как бы заново открывает для себя Россию, очень важно вернуться к исходным основаниям отечественной экономической мысли. Вопросы методологии экономической науки стали интересовать русских политэкономов в связи с поиском путей хозяйственного развития, идеями крестьянской реформы 1861 года и разделением образованного общества на западников и почвенников (славянофилов) [16].

Несмотря на то, что в университетах страны политическая экономия преподавалась практически с начала XIX века, над ее системой, мировоззренческими основами и практическим применением ее постулатов задумывались редко. Лишь с проникновением в Россию немецкой исторической школы и философии Гегеля, а затем – Канта, можно говорить о методологических поисках экономистов отечественной школы политической экономии) [16].

Развитию эмпирической методологии и быстрому распространению в России идей исторической школы способствовали славянофилы 1850-х годов. Славянофилы полагали, что для проведения реформ в верном направлении необходимо проверять идеи практикой, проводить исследования в сфере народного хозяйства и развивать статистику. Они критиковали западников за некритическое использование чуждых России космополитических идей «смитианцев» в обосновании путей проведения народнохозяйственных реформ [17].

В этой связи славянофилы принципиально не использовали даже терминологию господствовавшей в те годы английской политической экономии для обоснования курса народнохозяйственных реформ. Они полагали, что методология политической экономии, сложившаяся в круге понятий и представлений экономистов Великобритании – страны, чьи колониальные владения (внешние рынки сбыта) в 300 раз превосходили метрополию, абсолютно неприемлемы для России – страны, не имеющей внешних рынков сбыта. Вследствие данного обстоятельства славянофилы полагали, что для России более подходит позитивизм – методология, возникшая во Франции после эпохи наполеоновских войн, когда Франция вынуждена была уступить Англии практически все свои колониальные владения [18].

Парадокс истории состоял в том, что позитивизм на российской почве привел к господству в отечественной политико-экономической мысли социал-демократического направления, которое в своих реформаторских конструкциях вместо «смитианской» стало опираться на марксистскую политэкономия. Отдельные отечественные историки-экономисты считают российский вариант марксизма «крайней степенью позитивизма». Можно не соглашаться с такой оценкой, но нельзя отрицать и того факта, что с начала XX века как в отечественной, так и в зарубежной экономической мысли господствует методология позитивизма [19].

Марксистская школа политической экономии, основоположниками которой были К. Маркс и Ф. Энгельс, является одной из самых разработанных в методологическом плане школ экономической мысли. Объясняется это во многом тем, что Маркс и Энгельс начинали свою научную деятельность как младогегельянцы, т.е. как последователи весьма разработанной в методологическом плане диалектической логики Гегеля. Во многом именно использование гегелевского метода «восхождения от абстрактного к конкретному», метода «наполнения конкретного абстрактным» как метода изложения и придало мощную аналитическую и доказательную силу «Капиталу» К. Маркса [20].

В противовес классической политэкономии Маркс широко применял исторический и

эволюционный методы в изложении и обосновании своей доктрины. Рассматривая более развитые в экономическом отношении стадии общества, можно получить и достоверное знание о менее развитых в хозяйственном отношении этапах.

Выводы

Принимая во внимание вышесказанное, можно констатировать, что диалектический материализм несмотря на то, что некоторые отмечают неопровержимый характер его наиболее общих принципов, по-прежнему остается достаточно авторитетным учением об устройстве мира. Некая противоречивость, прослеживаемая в работах советских философов, заключается в том, что сама модель познания исходила не из «чистой теории» какой для западных философов остался, например, марксизм, а из взаимодействия познания с текущей практикой, «корректирующей» чистую теорию.

В отличие от Маркса, Ленин не был кабинетным теоретиком, как ими не были и советские философы, в той или иной мере включенные в систему государственного и экономического строительства. Нельзя, конечно, сказать, что западноевропейские философы и экономисты находились и находятся вне воздействия государства и общества. Но сама возможность принадлежать к различным школам и направлениям, финансируемым из «конкурирующих» между собой государственных и частных фондов, создает возможность создания «чистых», внутренне непротиворечивых теорий. Их противоречивость выносятся вовне, как несогласие одной школы с постулатами и выводами другой школы [21].

Противоречивость развития западноевропейской экономики и общества проявляется в том числе и в дискуссиях между собой различных школ и направлений. В разные исторические периоды, в периоды кризисов и стабильности на первый план выходит та или иная экономическая школа. Советская философия и экономическая наука изначально были лишены возможности быть в оппозиции к идеологии и экономической политике государства. Различного рода отклонения, отступления, зигзаги политики теоретически разрешались в рамках науки, финансируемой из государственных источников.

При этом надо иметь в виду, что уроки развала русской государственности, приведшей к гражданской войне и к тому, что представитель противоборствующей стороны генерал Деникин назвал «русской Смутой», не могли пройти даром как для Ленина, так и для его последователей [22]. Советский диалектический материализм в качестве философии науки стал черпать идеи как из русской традиции, так и из традиции европейской философии. Его вклад в их развитие заключается, прежде всего, в подчеркивании роли естествознания как определяющего элемента философии. По мнению советских философов, с одной стороны, диалектический материализм помогает ученому-исследователю в его работе, а с другой – испытывает на себе, в свою очередь, влияние результатов научного исследования.

Время от времени критики диалектического материализма утверждают, что подобное описание отношений науки и философии, по существу, не является описанием вообще. Каков точный смысл, заключенный в заявлении о том, что «философия оказывает влияние на науку и, в свою очередь, испытывает на себе ее влияние»? Для выяснения этого вопроса достаточно обратиться к реальной истории формирования новой науки – политической экономии социализма и параллельно с ней развивающейся марксистско-ленинской философии, которая с 30-х годов XX века стала советской философией. Указанные науки испытывали взаимное влияние друг на друга, а советская философия стала к тому же общей методологией естествознания в СССР. В рамках данного направления развивалось теоретическое познание послереволюционной экономики России, которое вовсе не было для России заимствованием экономической мысли Запада, являющейся чуждой и враждебной по своей сути для российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Либман А.М. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 36–54
2. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М.: Наука, 2015. С. 132.
3. Генкин Б.М. Введение в метаэкономику и основания экономических наук. М: Наука, 2022. С. 172.
4. Автономов В.С. За что экономисты не любят методологов. В кн.: Блауг «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют». М.: НП «Редакция журнала «Вопросы экономики». 2004. с. 67.
5. Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 62–80.
6. Благих И.А. О научной разработке учебного курса «Экономическая история России» // Вестник СПбГУ. 2006. Серия 5. Вып. 2. С. 67–74.
7. Ананьин О.И. Междисциплинарность и развитие экономического знания /В кн.: «Философские проблемы экономической науки». М.: ИЭ РАН. С. 189–208.
8. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Наука, 2014. С. 67.
9. Болдырев И.А. Языковые игры и экономическая теория мейнстрима (несколько иллюстраций): М.: ИЭ РАН., 2014. С. 183.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс. С. 201.
11. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Дом интеллектуальной книги, 2017. С. 201.
12. Сулов И.П. Методология экономического исследования. М: Высшая школа, 1974. С. 164.
13. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Художественная литература. 2022. С. 32.
14. Благих И.А., Дубянский А.Н. История экономических учений. М.: Юрайт. 2014. С. 204.
15. Орехов А.М. Методы экономических исследований. М: Юрайт, 2009. С. 181.
16. Благих И.А. Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа // Экономист. 2009. № 6. С. 114–133
17. Святловский В.В. История экономических идей в России. В 2 т. Т. 1. Пг., 1923.
18. Богомазов Г. Г. Об основных методологических принципах историко-экономического анализа // Вестник ЛГУ. 1980. № 7. С. 36–41.
19. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. С. 205.
20. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб: Наука, 1998. С. 275.

Methodological problems of domestic economic science

Simchenko Nataliia Alexandrovna

Doctor of Economics, Professor
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: natalysimchenko@yandex.ru

Blagikh Ivan Alekseevich

Doctor of Economics, Professor
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

Malyushin Ivan Ivanovich

Candidate of Economic Sciences
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: malyushin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of methodological problems of domestic economic science. Modern economic science in Russia is going through a difficult stage of its transformation. The rejection of Western mentoring and the transition to sovereign thinking caused the renewal of theoretical views and practical approaches to solving economic problems. This could not but cause a close interest in the methodological foundations on which the science of economy is based. At the same time, many economists are still at a loss as to where to look for the necessary methodology: in philosophy, in history, in conceivable economic-theoretical constructions, or in something else. It should be kept in mind that the methodology of economic research belongs to the basic foundations of economic science and is the meta-theoretical level of economic knowledge. It is at this level that the trajectory of economic development and reflection on the practice of modernity are synthesised, from which, in turn, the principles, conclusions and proofs of many economic statements, theorems and theories are derived. The authors believe that dialectical-materialist methodology has not exhausted all its resources and possibilities and as a method of research of modern transformations occurring in the sphere of domestic economy, it may well serve as a guide to the creation of national economic theory.

Keywords: economic science, economic theory, methodology, research methods, dialectical materialism, economic imperialism, economic determinism

Некоторые выводы из анализа теории и практики управления экономикой в условиях жесткой схватки с неолиберализмом

Горгола Евгений Викторович

доктор экономических наук, профессор

Вице-президент региональной общественной организации Академия проблем военной экономики и финансов, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: evg-gorgola@ya.ru

Худяков Дмитрий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

Исполнительный директор региональной общественной организации Академия проблем военной экономики и финансов, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: dm-khudyakov@mail.ru

Аннотация. В данной статье делается попытка системного исследования действовавшего в стране псевдорыночного хозяйственеолиберального типа, фактически подчиненного с помощью финансовых и внешнеэкономических инструментов интересам глобалистов. На основе институционального анализа результатов практической реализации теоретических постулатов экономической теории выясняется реальная эффективность (точнее, неэффективность) экономики страны, выстроенной как сырьевой придаток, как технологические задворки развитых государств, обосновывается вывод о необходимости перестройки всего хозяйственного механизма, ориентированного на безусловный приоритет национальных интересов в социально-экономическом развитии. Авторы доказывают, что действительный прогресс в РФ связан с переходом к стратегическому управлению национальным хозяйством, усилением централизованных процессов, позволяющих концентрировать имеющиеся ресурсы на главных направлениях экономического и социального роста, а также укреплением обороноспособности государства в условиях гибридной войны коллективного Запада против России. Именно на это должна быть ориентирована формируемая модель управления народным хозяйством, способная не только противостоять экономическому давлению, но и реально обеспечивать достижение национальных целей.

Ключевые слова: функции экономической системы; основные экономические законы; конкуренция в современной экономике; финансовая глобализация и экономические санкции; государственное регулирование экономического роста; неолиберальные экономические теории; военно-экономические аспекты развития суверенного государства

JEL codes: A11; B22; E58

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-34-47>

Для цитирования: Горгола, Е.В. Некоторые выводы из анализа теории и практики управления экономикой в условиях жесткой схватки с неолиберализмом / Е.В. Горгола, Д.В. Худяков - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.34-47. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Развитие России в условиях гибридной агрессии стран Запада требует не только постоянного мониторинга и уточнения конфигурации угроз военного, политического, экономического характера, но также подробного анализа механизмов возникновения соответствующих рисков [1]. Поскольку основные из них продуцируются в ходе реализации неолиберальных глобалистских стратегий ретроспективно лидирующих стран Запада, считаем необходимым выявить цели и движущие силы подобных стратегий.

Постсоветский опыт показал, что наиболее эффективно западные глобалистские стратегии реализуются в России посредством неолиберальных реформ, причем при поддержке международных

финансовых институтов (МФИ), а именно Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ).

На начальном этапе реформ ведущая роль этих МФИ не была очевидной, поскольку в России тогда возобладал собственный неолиберальный подход к развитию экономики и всего политического устройства. Однако со временем проявились негативные для нашей страны тенденции выбранного курса, в частности стал понятен глобалистский замысел закрепления сырьевого (зависимого) статуса России в системе мирохозяйственных связей, управляемой в том числе через МФИ в интересах стремящихся к глобальному господству стран Запада, возглавляемых США [2-5].

Тем не менее в мировой экономике все более очевидными становятся негативные последствия следования неолиберальному курсу в политике, экономике, культуре в вовлечённых в глобалистскую парадигму странах. Так, в своем интервью изданию *Financial Times* в июне 2019 года Президент РФ В.Путин высказал свое мнение по поводу того, к чему приводят попытки насаждения либеральных идей в вовлечённых в глобалистскую парадигму странах. В результате, в частности, становятся «прозрачными» границы между странами, распространяется практика аморальной вседозволенности и эрозии традиционных ценностей народов: «В мире отчетливо наблюдается подъем националистических настроений, при этом приверженность к либеральному курсу привела к краху правительств во многих странах»¹.

Методы исследования.

К XXI веку рыночная экономика, это «величайшее изобретение человечества», по словам классиков *economics* – практически утратила свои имманентные преимущества и качества, переродившись в свою полную противоположность – государственно-монополистический капитализм, функционирующий только в интересах наднационального финансового олигархата.

Объективные законы и закономерности рынка, обеспечивающие саморегулирование общественного производства, значительно деформировались под воздействием как государства, так и доминирующих на национальных рынках хозяйствующих и политических субъектов, в т. ч. зарубежных. Эти явления ярко проявили себя в российской экономике и не позволяют реализоваться отечественному потенциалу экономического и политического развития. Таким образом, втянув нашу страну в глобальную финансово-экономическую систему, стремящийся к глобальному господству коллективный Запад выпускать российскую экономику из неё не собирается. Мифу «о всемогущей рыночной экономике» в этом процессе отводится одна из главных ролей. В связи с чем в статье проанализирована суть основных механизмов классической рыночной системы в их сегодняшней интерпретации.

Основное содержание статьи

Анализ глобальных экономических механизмов следует начать с самого главного двигателя прогресса и развития рыночных отношений – с конкуренции. Это имманентно присущее рынку свойство и, одновременно, условие существования рынка. Естественно, она же является главной чертой рыночной экономики: это борьба между разными субъектами за прибыль, ресурсы, рынки сбыта, условия производства и т.д. Однако, классическое понимание конкурентной борьбы, где побеждает тот, кто сумел создать лучшие условия производства, более качественный и дешевый товар, при этом его издержки оказались ниже общественно-необходимых, давно устарело. По сути, это непрерывная борьба за экономическую власть. При этом конкурентная борьба ведется на разных уровнях: от внутриотраслевого до межнационального, уровня межгосударственных объединений и даже на уровне экономических систем.

Условия соперничества, действительно, могут быть разными. Например, по классическим представлениям выделяется, в первую очередь, совершенная конкуренция. Она возможна, если на рынке есть большое количество компаний, ни одна из которых не может диктовать условия

¹ Интервью Владимира Путина «*Financial Times*». <https://iz.ru/893868/video/interviu-vladimira-putina-financial-times>

своим оппонентам. Как правило, такая ситуация раньше складывалась в новой отрасли. Главные признаки совершенной конкуренции – неограниченное количество участников рынка и свободное ценообразование. Сейчас это практически абстрактная, невозможная ситуация. Даже на овощных базарах в провинции такое экономическое «безвластие» трудно найти (даже в самых дальних селах и аулах обязательно существуют нерыночные факторы, определяющие уровень цен). Потому что, помимо совершенной, существует несовершенная конкуренция, которая и господствует на рынках. В этих условиях один или несколько производителей могут фактически диктовать конкурентам свои правила. Для этого есть множество методов (установка демпинговых цен, создание барьеров для появления противников в отрасли и т. д., вплоть до действий криминального характера). И, самое главное, рыночная экономика обязательно, рано или поздно, приводит к олигополии в масштабах страны и к образованию транснациональных монополий, которые контролируют свой сегмент и на региональном, а иногда (как правило, при прямой или косвенной поддержке государства) даже на мировом рынке. В таком случае цены и качество товаров или услуг, естественно, диктуются только одной стороной².

Справедливости ради, отметим, что внутриотраслевая конкуренция, особенно, при выведении на рынки новых видов продукции, безусловно прогрессивна и уместна. Она, в этом случае, реально способствует повышению качества продукции, применению более качественных материалов, технологий, удешевляющих товар, делая его более конкурентоспособным. Однако, достаточно быстро этот процесс приводит к установлению, практически естественным путем, олигополии в отрасли, которую может контролировать только государство.

В этом смысле, более «безопасна» и достаточно полезна конкуренция между мелкими производителями на потребительских рынках, но, до тех пор, пока здесь не появится крупный бизнес.

Ещё одним исходным рыночным постулатом является закон спроса и предложения. В 1890 году А.Маршалл сформулировал особенности действия экономических законов в рыночном хозяйстве [6] и, естественно, главной идеей его теории был механизм регулирования соотношения спроса и предложения. Это не просто две экономические категории, но факторы рынка, важнейшие показатели рыночной экономики. Принцип действия данного механизма весьма прост: чем ниже цена на товар, тем больше на него спрос потребителей и меньше предложение производителей. По А.Маршаллу, верна и обратная ситуация. Как правило, согласно закону, цена должна устанавливаться в точке равновесия. Однако, в реальных условиях рыночное равновесие достигается лишь на непродолжительное время, так как постоянно меняются экономические факторы, от которых зависят и спрос, и предложение. Причинами этих изменений могут быть, например, изменение цен на факторы производства, внедрение новых технологий, изменения в доходах потребителей, изменение цен на взаимозаменяемые товары, перемены во вкусах и моде, политические катаклизмы. Под влиянием этих перемен спрос и предложение постоянно изменяются и участникам рынка приходится непрерывно адаптироваться к изменениям. Иными словами, равновесные цены в экономике следует воспринимать как с учетом фактора времени, так и с учетом ожиданий и предпочтений субъектов экономических отношений [7].

К аномалиям относительно законов спроса и предложения относят ценообразование на условно «низшие блага» (спрос на которые уменьшается при росте дохода потребителей, товары Гиффена) и на предметы роскоши и статуса (демонстративное потребление, эффект Веблена). Т.е. повышение цен на эти блага, наоборот, приводит к увеличению спроса на них, что противоречит классической трактовке, согласно которой спрос на товары снижается при росте их цен. Однако, в современных условиях нарушение ее можно наблюдать повсеместно и не только, например, в отношении малоценных товаров Гиффена или, наоборот, каких-то редких и дорогих предметов коллекционирования. Так, товары-новинки ассортимента известных брендов, появляющиеся на рынке с максимальными наценками, как правило, порождают краткосрочный ажиотажный спрос (в т.ч. благодаря агрессивному маркетингу и применению разнообразных финансовых инструментов),

² Общие законы рыночной экономики. Как действуют в рыночном хозяйстве экономические законы? <https://fb.ru/article/238364/obschie-zakonyi-ryinochnoy-ekonomiki-kak-deystvuyut-v-ryinochnom-hozyaystve-ekonomicheskie-zakonyi>

который со временем резко падает практически вместе с ценой.

А.Алчиан и У.Аллен в 1964 году на примере более высокого и более низкого сорта одного и того же продукта описали эффект, при котором потребление более высокосортной продукции будет увеличиваться в случае, если оба вида продукта получают одинаковый прирост цены (например, при увеличении налога или транспортных расходов) [8]. Т.е. опять же было продемонстрировано как повышение цен на товар приводит к увеличению спроса на него.

Увеличение предложения обычных товаров или услуг (условно «нормального качества») приводит к снижению их стоимости, что, в свою очередь, стимулирует увеличение спроса на эти товары или услуги. Подобный эффект можно наблюдать, например, на рынке гаджетов, когда появление новых и усовершенствованных моделей приводит к снижению стоимости старых моделей и повышению интереса потребителей к покупке. При увеличении товарной массы высокими темпами (с одновременным ростом качества продукта), в первую очередь, этот эффект касается товаров-субститутов (взаимозаменяемых товаров и товарных групп) и комплиментарных (взаимодополняющих) товаров, причем как отечественного, так и импортного производства, что, с одной стороны, предоставляет широкий выбор потребителю, а с другой – значительно осложняет процесс принятия решения о покупке.

Важной характеристикой спроса является его эластичность. Этот термин выражает степень изменения реакции покупателя на меняющиеся цены на товары. Для её определения существует специальный коэффициент, на который влияют экономические законы в рыночном хозяйстве. Их действие таково, что для покупателя крайне важно наличие конкурирующих товаров. Рыночная система такова, что конкурентам невыгодно повышать цены, если у их оппонентов стоимость товара будет ниже. Эта взаимосвязь регулирует политику компаний лучше и эффективнее антимонопольных законов. На нее влияют объективные экономические законы.

Однако в современной экономике, особенно на внутренних рынках развивающихся экономик, как правило, преобладает открытая или скрытая олигополия, т.е. практически согласованная ценовая политика, сбытовая и региональная политика, вплоть до координации маркетинговых (и даже политических) кампаний и поддерживающего комплекса мероприятий (в т.ч. военных). Кроме того, велико стало влияние уровня цен на комплиментарные товары (при существенном росте цен на бензин, спрос на автомобили может заметно изменяться), государственной политики по поддержке отечественного производителя и т.п. Международные монополии при этом функционируют, как правило, при непосредственной поддержке конкретного государства. А установление цен подчиняется, в большинстве случаев, политическим интересам правящих элит.

Естественно, эластичность спроса значительно повысилась в последние годы, благодаря техническому прогрессу. Наличие интернета и свободного доступа практически к любой информации позволили потребителям быстро выяснять состояние цен на один и тот же товар у разных компаний. А с другой стороны, позволило с помощью маркетинговых приёмов на основе цифровых технологий, манипулировать потребительской активностью населения.

Одним из главных регуляторов потребительского поведения в условиях рынка в теории считается закон Энгеля, который гласит: с ростом дохода удельный вес расходов на питание снижается, доля расходов на одежду, коммунальные услуги меняется незначительно, а доля расходов на удовлетворение культурных и иных нематериальных потребностей заметно возрастает. Иными словами, по мере роста доходов потребление населением благ возрастает непропорционально. Однако, как и другие законы рыночной экономики, которые трактовались как объективные и неизменные, он имеет свои проблемы и подвержен критике [9].

Во-первых, это идеальная, абстрактная конструкция. Закон Энгеля основывается на предположении о постоянстве доли пищевых расходов в общей структуре потребительской корзины. Но на самом деле, это предположение может быть ограничено в условиях быстро меняющейся экономической ситуации.

Во-вторых, закон Энгеля не учитывает изменений качества товаров и услуг, что может привести к искажению результатов. Например, если цены на товары снижаются из-за понижения качества, потребитель может приобретать больше, но в итоге получать меньшую удовлетворенность от покупки.

В-третьих, массовое появление на рынке новых товаров и услуг может изменить потребительские предпочтения и структуру потребительской корзины. А значит в современных условиях закон Энгеля может не учитывать эти изменения, что, опять же, ведет к искажению результатов анализа.

В-четвертых, данный закон не учитывает различия в потребительском поведении. Он ориентирован на среднее потребительское поведение, при этом не учитывает индивидуальные различия. Но все люди разные, могут иметь различные предпочтения и потребности, что также будет влиять на результаты анализа.

В-пятых, закон Энгеля абстрагируется от изменений в доходах, ценах на товары и услуги, происходящих со временем, а они могут привести к существенным изменениям размера и структуры потребительской корзины. Причем процесс этот в условиях современного рынка непрерывный и достаточно интенсивный.

В-шестых, закон Энгеля не учитывает динамику предпочтений и изменения потребностей потребителей в разные периоды жизни, что также необходимо учитывать при исследовании. Более того, сейчас все шире распространяется практика формирования и управления спросом покупателей со стороны крупных компаний, а также регулирование совокупного спроса населения государством.

Еще больше парадоксов возникает в процессе производства товаров и услуг. Например, рост производительности труда и внедрение новых технологий приводят к сокращению рабочих мест. Хотя ожидается, что повышение производительности должно способствовать расширению производства, создавать новые рабочие места. Однако, чаще происходит обратное – автоматизация и использование передовых технологий заменяет человеческий труд и приводит к увольнениям работников. Ярко выраженная в настоящее время тенденция повсеместной роботизации промышленности ведет к появлению вообще безлюдного производства. В 2024 году в КНР заработал полностью роботизированный завод, на котором 24/7 производятся смартфоны без участия людей. И это только начало. Поэтому проблемы подготовки, распределения и перераспределения трудовых ресурсов приобретают новое звучание, иную конфигурацию.

Достаточно своеобразные эффекты и парадоксы в условиях рыночной экономики наблюдаются практически во всех сферах общественного производства, например, в развитии сферы услуг. В частности, в страховом бизнесе. Парадокс страхования связан с тем, что вместо повышения безопасности жизни людей, страхование, наоборот, может способствовать увеличению рисков или неосторожного поведения. Например, если человек застраховал свой автомобиль от ущерба, он может быть менее осторожным на дороге, так как знает, что страховая компания возместит ущерб. Таким образом, страхование может привести к увеличению вероятности возникновения страховых случаев. А это, как ни парадоксально звучит, согласно действующей системе национальных счетов, ведет к увеличению ВВП, так как все затраты на возмещение в него включаются. Поэтому, в настоящее время страхование само по себе и перестрахование стали выгоднейшими видами бизнеса, что значительно увеличило спектр сфер деятельности, а также перечень страховых событий/случаев. Более того, сейчас чаще всего получение серьезных кредитных ресурсов, даже на межгосударственном уровне, будет, совершенно точно, связано со страхованием жизни, имущества, бизнеса заемщика. А значит развитая система страхования становится важнейшим элементом бизнеса.

При этом в условиях господства рыночных отношений государства не могут решать многие социально-экономические проблемы в силу взаимоисключающих результатов действия, противоречащих друг другу, экономических законов. Например, нельзя одновременно добиться фиксированного обменного курса, свободного движения капитала и независимой денежной политики. Эта теория, известная как «Невозможная троица», была опубликована Р.Манделлом и М.Флемингом в 1999 году. Данный экономический закон принуждает государства выбирать определенный курс в

своей политике, получая одни рыночные преимущества за счет других.

Воздействие инфляции на занятость наглядно показал английский экономист О.Филлипс в 1958 году [10]. Для изучения феномена инфляции нередко используется кривая Филлипса. Она указывает на наличие обратной связи между движением цен (и заработной платы) и уровнем безработицы. Филлипс обратил внимание, что в условиях депрессии, для которой характерно снижение или, по крайней мере, торможение цен, наблюдается рост безработицы. С наступлением подъема происходит рост цен (повышенный спрос на товары) и уровень безработицы снижается.

Эту связь можно прокомментировать следующим образом. Как известно из теории рынка, уровень заработной платы и уровень занятости взаимосвязаны. С повышением заработной платы занятость растет, а безработица снижается. Но повышение заработной платы означает рост издержек, а, следовательно, и цен. Повышение же цен, как правило, означает снижение безработицы. Рост цен (т. е. инфляция) выступает в качестве платы за сокращение безработицы. Инфляция и безработица – две острые и взаимосвязанные проблемы. Чем выше темпы инфляции, тем ниже размеры безработицы. Чем ниже темп инфляции, тем большее число людей вынуждены заниматься поиском работы. Это реальная, хотя и эмпирически установленная картина.

Общество любой страны стремится к экономическому росту, а также полной занятости и устойчивому уровню цен. Технический прогресс, быстрое увеличение производственных мощностей и жизненного уровня являются главным направлением развития экономики в любой стране. Однако, долговременный экономический рост не равномерен, а прерывается периодами экономической нестабильности. Периоды быстрого роста экономики иногда омрачает инфляция, то есть повышение уровня цен. Бывают и такие периоды, когда экономический рост уступает место спаду и депрессии, то есть низкому уровню занятости и производства.

Таким образом, в условиях рыночной экономики невозможны одновременно технический прогресс, экономический подъем, рост благосостояния людей, включая сокращение безработицы при снижающейся инфляции. Даже несмотря на попытки Л.Эрхарда «социализировать» рынок, создать некий «рыночный социализм» [11]. Во что это, в конечном счете, вылилось мы видим на примере сегодняшней, потерявшей под напором глобалистов свои позиции и в мире, и в Европе Германии.

А кроме того, такая система не может гарантировать социального равенства. Рынок – это конкуренция, в которой кто-то обязательно побеждает, а кто-то проигрывает, а значит – одни обязательно богатеют за счет других, которые при этом становятся либо абсолютно, либо – относительно, но еще беднее. При этом, данная экономическая система не всегда обеспечивает всех работой. Более того, рыночная экономика может нормально развиваться только при наличии некоторого уровня безработицы, т.е. когда существует естественный уровень безработицы или резервная армия труда. Именно она позволяет начинать новые производства, развивать новые отрасли и именно сюда происходит «перелив» работников разорившихся предприятий.

Следовательно, рыночная экономика – это есть хищнический капитализм в чистом виде, в условиях которого каждому человеку приходится заботиться о себе самостоятельно, где человек – человеку не друг и не брат, а прямой конкурент в борьбе за выживание. Однако, по мысли либералов, это оказывается главное достижение человечества, а вершина развития общества – это, так называемая, «западная демократия».

Следовательно, совершенно очевидной стала несостоятельность самой ключевой концепции рынка – его «невидимой руки».

Понятие невидимой руки было введено в 1776 г. в основном труде А.Смита «Исследование о причинах богатства народов» [12]. Он так сформулировал суть невидимой руки: «Обладатель капитала, ... невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входит в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным способом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремился бы делать это». Смит утверждал, что для пользы общества совсем не обязательна какая-то видимая направляющая рука, в форме государства, или

объединения влиятельных лиц. Людям не нужно мешать, и тогда рынок сделает всё остальное сам. В основе «невидимой руки» А.Смита примитивная экономическая выгода. Первым сигналом о несостоятельности самонастраивающихся рыночных механизмов стала Великая депрессия 1929-1933 гг., которая явилась своеобразным образцом экономического кризиса. В наиболее острой фазе её действия мировой ВВП сократился примерно на 15%, объём всемирной торговли снизился на 50%, а безработица в странах Запада достигла 30% [13]. Критиками этой концепции выступили сторонники «институциональной» экономики, в частности, Т.Веблен, а позднее «кейнсианцы» во главе с Дж. М. Кейнсом [14].

Кстати, начало XXI века более, чем красноречиво, показало, что ни многочисленные макроэкономические теории, модели, уравнения (М.Фридмана, И. Фишера, Дж. Гэлбрейта, Р. Коуза, Д. Норта, Дж. Бьюкенена, Хекшера-Олина, Столпера-Самуэльсона, Кобба-Дугласа и пр.), ни достаточно развитое индикативное планирование, ни монетарные методы управления, ни наднациональное регулирование финансовых потоков, ни изошренная система национальных счетов (СНС), предназначенная продвигать самые изошренные рыночные отношения, не способны избавить либеральные модели рыночного хозяйства ни от кризисов, ни от имманентно присущих ей факторов, ведущих, в конечном счете, к ее перерождению в государственно-монополистический капитализм под властью финансовой олигархии. А финансовая глобализация и сопутствующая ей финансиализация мировой экономики представляют собой качественно новую международную среду, которая обеспечивает прочную зависимость всех стран от гегемона, модифицирует существующие и генерирует новые угрозы национальной безопасности прежде всего, для тех, кто пошел против мирового олигархата. По выражению нобелевского лауреата Ж.Алфёрова: «...рыночная либеральная модель, доминировавшая в мире более 200 лет, себя исчерпала. Человечество даёт бой. Оно не укладывается в эту модель, протестует. И всё, что протестует против этой модели, подвергается остракизму, казни»³.

По выражению Президента РФ: «Продолжающаяся битва России за суверенитет и справедливость носит национально-освободительный характер. Потому что русские отстаивают безопасность и благополучие своего народа, высшее историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией»⁴.

Однако, эта борьба, в первую очередь, за экономическую независимость, против неолиберальной модели глобального подчинения мировому гегемону, складывается далеко не просто, хотя успехи на этом пути, конечно, есть. Российская экономика, централизовав управление ресурсами страны, в 2023 году справилась с такими внешними вызовами, с которыми не сталкивалась ни одна страна в мире. В 2023 году рост ВВП РФ составил 3,6%. И во многом это результат отказа от рыночных инструментов регулирования денежного обращения. Во-первых, мы нерыночными методами ограничили вывоз валюты за рубеж. Практически исключили. Во-вторых, были введены также и ограничения на приобретение валютной наличности – то есть купить наличные доллары с тем, чтобы хранить их в кубышке, было можно, но только в пределах относительно небольшой суммы. В-третьих, мы поставили иностранному бизнесу достаточно тяжелые условия выхода с территории Российской Федерации. Например – дисконт 50% от рыночной стоимости при продаже бизнеса российскому покупателю. А чтобы у иностранных инвесторов не возникло желания заключить формальную сделку, а после завершения СВО «вернуть все назад», оговаривается, что обратный выкуп должен производиться исключительно по рыночной стоимости⁵.

Тем более непонятна приверженность к либерально-монетаристским методам регулирования денежного обращения в стране, открыто откестившейся от неолиберальной модели рынка, со

3 Жорес Алфёров: Рыночные принципы ведут планету в тупик. <https://izborsk-club.ru/16581>

4 Путин: Наша битва за суверенитет носит национально-освободительный характер. <https://rg.ru/2023/11/28/putin-nasha-bitva-za-suverenitet-nosit-nacionalno-osvoboditelnyj-harakter.html>

5 Опыт СВО. Успех нерыночных инструментов управления рыночной экономикой. <https://topwar.ru/244518-opyt-svo-uspeh-nerynochnyh-instrumentov-upravlenija-rynochnoj-jekonomikoj.html>

стороны нашего ЦБ на фоне практически недействующих постулатов рыночных законов денежного обращения, носящих сугубо абстрактный характер. При этом, зачастую его действия явно запрограммированы мировыми финансовыми центрами, делающими все для сдерживания России.

Например, говоря об инфляции, системной причиной которой в настоящий момент в России, находящейся под жестким санкционным давлением, является классическая инфляция издержек, по мнению ЦБ, это чрезмерная закредитованность и перегрев экономики при восстановившемся и продолжающим расти совокупном спросе. Естественно, фундаментальным решением проблемы, даже с учетом рыночной логики, было бы всемерное расширение выпуска товаров и услуг (опять же, в соответствии с законами денежного обращения), чему и должна способствовать кредитно-денежная политика Центробанка, но он, по канонам МВФ, за экономический рост не отвечает. Надо отдать должное, фактически регулятор с 2022 года выходит из прямого подчинения МВФ и МБ, обеспечив бесперебойную работу финансового сектора страны, но некоторые его решения противоречат не только рыночным стандартам мышления, но и простой логике стимулирования расширенного воспроизводства.

Резким повышением ключевой ставки Банк России фактически нанес удар, главным образом, именно по инвестиционной активности хозяйствующих субъектов, что, скорее всего, будет иметь долгосрочные негативные последствия. Хотя, если говорить о потребительском кредитовании, то у ЦБ имеются все возможные инструменты для того, чтобы снизить его темпы через ужесточение регуляторных требований и без ключевой ставки. Но вот инвестиционное кредитование предприятий, в условиях развертывания национальных мегапроектов, рассчитанных на мультипликативные эффекты, наоборот, необходимо расширять. Рост спроса со стороны компаний реального сектора экономики – это то, что необходимо для увеличения предложения.

При этом важно иметь в виду, что речь идет, в первую очередь, о строительстве и реконструкции сотен предприятий машиностроительной, станкостроительной, двигателестроительной, авиастроительной, судостроительной отраслей, микроэлектроники, от которых зависит не просто импортозамещение в высокотехнологичных производствах, но именно военно-техническая и военно-экономическая безопасность страны.

Нацпроекты будут осуществляться в сфере выпуска дизельных двигателей, станков, химической, электронной и радиоэлектронной продукции, включая оборудование критической информационной инфраструктуры, а также беспилотных авиационных систем и производства сжиженного природного газа. Ещё два проекта направлены на локализацию производства наиболее востребованных медицинских изделий и лекарственных препаратов. А в создании этих проектов участвуют тысячи других предприятий, не финансируемых из бюджета.

Справедливости ради отметим, что не очевиден тот факт, что из-за временного повышения ключевой ставки случится замедление роста ВВП, поскольку и малый, и средний бизнес (МСП) тоже получают поддержку от правительства. Несмотря на рост ключевой ставки, кредиты для МСП выдаются под 7,5-9%, но тоже точно – на развитие тех направлений, которые сейчас действительно, необходимы. Для всех остальных (менее актуальных направлений бизнеса) поддержка также есть, но значительно меньше – кредиты под 16-17,5%, но всё же есть. Кроме того, без всяких кредитов правительство выделило 500 млн рублей в качестве компенсации расходов на использование системы быстрых платежей (СБП).

Тем не менее, по сути дела, рассматриваемый рост ключевой ставки – это удар по создаваемой в стране системе стратегического планирования, синхронизирующей военное и народно-хозяйственное планирование [15-18]. И кабинету министров совсем не просто будет достичь большинства поставленных целей. В связи с ростом ключевой ставки резко увеличиваются субсидирования и дотирования широкого круга отраслей. Например, увеличивается объем субсидий на автокредитование, на лизинг спецтехники, на производство узлов и агрегатов для автопрома, увеличиваются затраты на производство базовых станций, направляются дополнительные деньги

для ДОМ.РФ для возмещения купонных затрат по облигационным выплатам и т.д.

Рост ключевой ставки приводит к тому, что согласованные программы правительства по развитию экономики приходится пересматривать, причем в негативном ключе. При ключевой ставке в 7,5% и, соответственно, банковской в 9-10%, необходимо было субсидировать за счет бюджетных средств 3-4%. Сейчас при росте ставки рефинансирования в два раза бюджетные затраты вырастают минимум в 3 раза, т.е. субсидировать надо все 12%. В бюджете таких денег, естественно, не предусмотрено. Соответственно, необходимо перераспределять и сокращать объемы финансирования. Согласно данным Минфина, расходы госбюджета по разделу «Национальная экономика» в 2024 году достигнут 4,2 трлн руб. вместо 3,89 трлн руб., ассигнования по разделу «Социальная политика» также вырастут по сравнению с предыдущим планом – на 141 млрд руб., до 7,87 трлн руб. А вот план расходов по разделу «Национальная оборона» снизился на 397 млрд руб., до 10,38 трлн руб., расходы по разделу «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» сократились на 103 млрд руб., до 3,29 трлн руб.⁶

И здесь мы вновь натываемся на расхожие рыночные постулаты либерального толка о роли и месте военных расходов, как абсолютного зла для экономики страны. Но ведь совершенно очевидно, что деньги, которые тратятся на производство танков и самолетов, вовсе не потеряны для нашей экономики. Ведь государство закажет технику у российских танко- и авиастроителей, закупая материалы в России, то есть у отечественных производителей стали, брони, двигателей и сложного оборудования прибавится работы. Они заработают на этом больше денег, заплатят нашим согражданам больше зарплаты. А значит, производство танков столь же полезно для экономики, как производство любых других товаров. Поэтому расходы на вооруженные силы сами по себе для экономики не являются злом. Они становятся злом лишь тогда, когда их уровень избыточный, ненужный для удовлетворения потребности в безопасности, и при этом начинает ущемлять удовлетворение прочих запросов населения. Отсюда вполне уместно задать вопрос руководству ЦБ о его приоритетах, и как соотносится финансовая стабилизация и таргетирование инфляции любой ценой к национальным интересам страны, ведущей борьбу за свою независимость не на жизнь, а на смерть? А мы с вами помним, что военно-экономическая и, в первую очередь, военно-техническая безопасность далеки от устойчивого и гарантированного состояния и являются уязвимой болевой точкой в экономике национальной безопасности⁷.

Конечно, правительство, ответственное за экономическое развитие, точно будет поддерживать оборонку, реализацию проектов по импортозамещению, реальный сектор экономики и сельское хозяйство, то есть заниматься развитием необходимых секторов экономики, финансируя производства напрямую из бюджета, путём продажи облигаций федерального займа (ОФЗ) или из средств ФНБ, то есть наращивает производственный потенциал страны. Однако, инструменты экономического развития практически теряют свою эффективность, бюджетные стимулы смогут работать теперь только в избранных отраслях. Параметры бюджета перестают быть актуальными и, в лучшем случае, требуют корректировки, а планомерная работа правительства превращается в «ручное управление». И все это в условиях Специальной военной операции, от исхода которой зависит, не больше ни меньше, независимость и будущее нашей страны, и, задачи которой должны быть выполнены безоговорочно.

Еще один важнейший финансовый аспект, как условие реализации всех наших стратегических планов, – регулирование валютного рынка. В мае США ввели свой очередной пакет санкций, в очередной раз нарушая как рыночные законы, так и нормы МВФ и ВТО, которые на этот раз коснулись, преимущественно Мосбиржи и российского валютного рынка. В целом, ничего критичного с технической точки зрения не произошло: торги долларом и евро переместились на внебиржевой рынок, а нерезиденты стали более настороженно относиться к торгам даже юанем. При этом, спрос

6 РБК: Минфин уточнил расходы на экономику и оборону на 2024 год. <https://www.kommersant.ru/doc/6441186>

7 Как будет работать представленная Путиным новая модель развития России. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/19/981092-kak-budet-rabotat-predstavlennaya-putinim-novaya-model-razvitiya-rossii>

на иностранную валюту несколько сократился, в то время как предложение осталось примерно на том же уровне. Подобное не могло не вызывать локальное «укрепление» рубля. Однако, такие скачки курса становятся последнее время обычным делом.

Но данная ситуация не является нормальной. Сильная волатильность национальной валюты вредит экономике больше, чем постепенное ослабление или же постепенное «укрепление». Главная причина заключается в том, что участники экономической деятельности не знают, чего ожидать дальше. Следовательно, становится крайне затруднительно планировать свою работу, в особенности, инвестиционные проекты. И здесь, очередной раз скажем «спасибо» санкциям за то, что спекулянты покинули наш рынок и в течение двух лет курс национальной валюты в значительной степени стал зависеть от ситуации с торговым балансом. Таким образом, Банк России, согласно собственному указанию, получил возможность с 13 июня 2024 г. устанавливать официальные курсы доллара США и евро к российскому рублю на основе данных отчетности кредитных организаций по результатам заключенных межбанковских конверсионных операций на внебиржевом валютном рынке⁸.

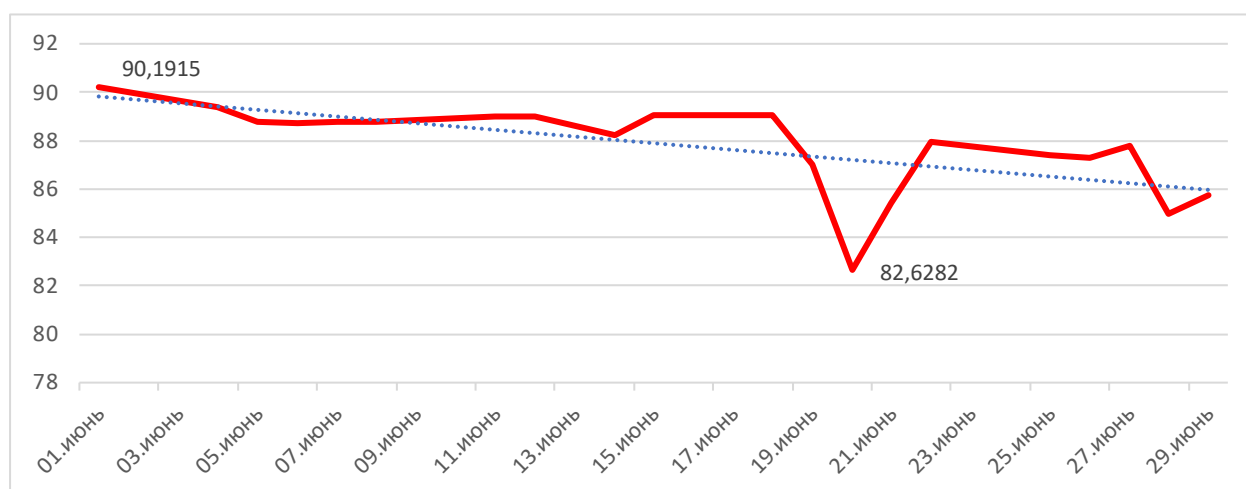

Рисунок 1 - Динамика курса рубля в июне 2024 года.

Источник: построен авторами по данным ЦБ РФ https://cbr.ru/currency_base/dynamics

И здесь, безусловно, актуальным становится вопрос о выборе модели развития национальной экономики, находящейся в остром положении. В текущей ситуации, по мнению многих экономистов, регулятор должен вновь стать активным участником валютного рынка, держа курс в заранее определенном диапазоне. В принципе, сейчас неважно, каким он будет – 88-94 или же 83-89 рублей. Главное для всех субъектов хозяйствования в настоящих условиях – обеспечение стабильности. Также необходимо закрутить гайки по оттоку капитала, запретив корпоративному сектору осуществлять платежи по внешнему долгу в пользу западных финансовых организаций. Это сохранит в стране дополнительный объем валюты, который ЦБ также может использовать в дальнейшем в интересах развития нашей экономики⁹.

А может быть, вообще пришло время переоценки рыночных механизмов и инструментов в экономике, места и роли Центробанка РФ в системе управления социально-экономическим развитием страны, тем более что он в сегодняшнем виде призван выступать самодовлеющим механизмом, фактически блюсти интересы мировых финансовых элит. Его место в системе управления экономикой страны, безусловно, должно меняться в сторону прямого взаимодействия с законодателями и с исполнительными органами власти, т.е. с правительством, участия в деле организации, а также

⁸ Информация о порядке установления официальных курсов доллара США и евро. https://cbr.ru/press/pr/?file=638538857295023335SUP_MEAS.htm

⁹ Информация о порядке установления официальных курсов доллара США и евро. https://cbr.ru/press/pr/?file=638538857295023335SUP_MEAS.htm

осуществления стратегического управления государством в жесткой увязке народно-хозяйственного и военного планирования.

Выводы

Президент РФ В.Путин на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 2023 года представил новую концепцию развития страны с суверенной экономикой. «Речь идет о переходе на качественно новый уровень развития – о суверенной экономике, которая не только реагирует на рыночную конъюнктуру и учитывает спрос, а сама формирует этот спрос. Такая экономика – ее часто называют экономикой предложения – предполагает масштабное наращивание производительных сил и сферы услуг, повсеместное укрепление инфраструктурной сети, освоение передовых технологий, создание новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей, в том числе по тем направлениям, где мы пока не проявили себя должным образом, но возможности для этого – научные возможности, творческий потенциал – у нас, конечно, имеются», – так описал Президент РФ контуры новой модели развития¹⁰.

Собственно, сама концепция предельно проста и логична. Ставится задача, с одной стороны, создать экономический рост через максимальное расширение производства качественных и современных товаров и услуг, с другой – обеспечить рост качественного предложения ростом качественного спроса. Последнее будет достигаться за счет насыщения рынка труда квалифицированными, хорошо оплачиваемыми кадрами и в целом повышением материального благосостояния населения. Россия «должна стать экономикой высоких заработных плат», подчеркнул В.Путин. При этом, ключевым индикатором соблюдения баланса должна быть инфляция, умеренный уровень которой будет означать, что макроэкономическая стабильность обеспечивается, а доходы населения не снижаются.

Бесспорно, создавать высокотехнологичную экономику «гармонии» предложения и спроса будут, в первую очередь, крупные компании, которые начнут привлекать капитал выкупленных у нерезидентов иностранных фирм, организаций из ОПК, крупных госкорпораций. Но инвестором последней инстанции должно оставаться федеральное правительство, которое с помощью субсидий и грантов будет стимулировать инвестиции как в производственную, так и в социально-экономическую, в инфраструктуру, добиваясь повышения эффективности общественного производства, в целом, и, производительности труда, в частности. Однако, эксперты ЦБ в «росте зарплат, опережающем рост производительности труда» также видят инфляционную угрозу, с которой готовы бороться ужесточением денежно-кредитной политики.

Однако, переориентация экономики на внутренний спрос – хотя и ожидаемая, необходимая мера, будет связана с учетом процессов распада глобальной экономической системы, которая тесно связана с глобальным банковским сектором и долларовой ликвидностью. Соответственно, процесс дезинтеграции может вызвать огромное количество побочных непредсказуемых эффектов из-за большого количества противоречивых факторов, прогнозируют специалисты. Но так как нынешнюю динамику не остановить, направление ресурсов на внутреннее развитие является единственным правильным шагом¹¹.

И вновь обратимся к одному из великих мыслителей XX-XXI вв. – Ж. Алферову: «Думаю, сражаются две модели мироздания. Одна из них основана на принципе абсолютной свободы, которая кончается абсолютным рабством, потому что абсолютная свобода выявляет доминирующие персонажи, доминирующие группы, которые устанавливают гегемонию над наиболее слабыми... Достоевский говорил: начинают идеалом мадонны, а кончают идеалом содомским. А с другой стороны – восстание против этой идеи сверхсвободы, за справедливость, за гармонию, за симфонию, за создание симфонизма мирового. И это сражение происходит на протяжении всей истории

¹⁰ Как будет работать представленная Путиным новая модель развития России. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/19/981092-kak-budet-rabotat-predstavlennaya-putinim-novaya-model-razvitiya-rossii>

¹¹ Как будет работать представленная Путиным новая модель развития России. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/19/981092-kak-budet-rabotat-predstavlennaya-putinim-novaya-model-razvitiya-rossii>

человечества. Сейчас мы входим в одну из этих фаз, когда человечество будет формулировать новый концепт справедливости.»¹²

¹² Жорес Алфёров: Рыночные принципы ведут планету в тупик. <https://izborsk-club.ru/16581>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горгола Е.В. Трансформация общества постмодерна как источник стремления США к мировому господству (опыт институционального анализа) // Теоретическая экономика. 2015. №5(29). С. 37-53.
2. Военная экономика в XXI веке. Серия монографий в 7-ми книгах. Издание 2-е, дополненное. Книга 2. Военно-экономическая безопасность в системе обеспечения обороноспособности в гибридной войне Запада против России. М., СПб.: 46 ЦНИИ МО РФ, изд-во ВА МТО, 2022. 332 с.
3. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В. Стратегическое управление ресурсным обеспечением Вооруженных Сил в условиях нарастания военной угрозы и использования Западом невоенных методов силового давления: монография. М.: Канцлер, 2017. 374 с.
4. Гладышевский В.Л., Горгола Е.В., Худяков Д.В. «Вашингтонский консенсус», либеральные идеи и условия реализации военно-технической политики на современном этапе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т.16. №11(392). С. 2103-2123.
5. Худяков Д.В. К вопросу реализации военно-экономической политики государства в условиях гибридной войны // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XXМеждународ. науч. конф. (г. Уфа, 08-10 октября 2020 г.). Уфа: УГАТУ, 2020. С.58-61.
6. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. Т.1. М.: Прогресс, 1993. 414 с.
7. Вебер М. Теория предельной полезности и «основной психофизический закон» // Социология власти. 2020. Т.32. №4. С. 204-216.
8. Alchian A.A., Allen W.R. University Economics. Belmont: Wadsworth Pub. Co., 1964.
9. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 687 с.
10. Phillips A.W. The Relation Between Unemployment and the Rate Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861-1957 // *Economica*. 1958. Vol.25. No.100. P. 283-299.
11. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: Начала-Пресс, 1991. 336 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
13. Гайдай Т.В. Институционализм и современные течения кейнсианства: аспекты методологического взаимодействия // Журнал институциональных исследований. 2011. Т.3. №3. С. 10-18.
14. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021г. №2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года».
16. Актуальные военно-экономические аспекты программно-целевого управления техническим оснащением Вооруженных Сил в современных условиях / под общей редакцией профессора С.Ф. Викулова. Издание 3-е, дополненное. М.: 46 ЦНИИ Минобороны России, АПВЭиФ, изд-во «Канцлер», 2022. 388 с.
17. Совершенствование стратегического военного и народно-хозяйственного планирования в условиях современной России / под редакцией профессора С.Ф. Викулова. М. Ярославль, АПВЭиФ, филиал Финансового университета при Правительстве РФ, изд-во Канцлер, 2022. 340 с.
18. Карпов В.И., Черный С.П. Инфляция издержек как угроза экономической безопасности РФ // Экономика и социум. 2021. №9(88). С. 444-448.

Some insights from analyzing the theory and practice of economic management in a hard-fought battle with neoliberalism

Gorgola Evgeny Viktorovich

Doctor of Economics, Professor

Vice-President of the regional public organization Academy of Problems of Military Economics and Finance, Moscow, Russian

E-mail: evg-gorgola@ya.ru

Khudyakov Dmitry Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Director of the regional public organization Academy of Problems of Military Economics and Finance, Moscow, Russian

E-mail: dm-khudyakov@mail.ru

Abstract. This article attempts to systematically study the pseudo-market economy of the neoliberal type, which was operating in the country and which was actually subordinated to the interests of globalists with the help of financial and foreign economic instruments. On the basis of institutional analysis of the results of practical implementation of theoretical postulates of economic theory, the real efficiency (or rather, inefficiency) of the country's economy, built as a raw materials appendage, as a technological backyard of developed countries, is clarified, and the conclusion about the need to restructure the entire economic mechanism, focused on the unconditional priority of national interests in socio-economic development is substantiated. The authors prove that real progress in the Russian Federation is associated with the transition to strategic management of the national economy, strengthening of centralized processes that allow to concentrate available resources on the main directions of economic and social growth, as well as strengthening the defense capability of the state in the conditions of hybrid war of the collective West against Russia. This is what should be the focus of the emerging model of management of the national economy, capable not only to resist economic pressure, but also to really ensure the achievement of national goals.

Keywords: functions of economic system; basic economic laws; competition in modern economy; financial globalization and economic sanctions; state regulation of economic growth; neoliberal economic theories; military-economic aspects of sovereign state development

Институциональный подход к определению структуры национального богатства

Чихирева Наталья Викторовна

соискатель

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия

E-mail: 4mrsrnv@gmail.com

Аннотация. В экономической теории существуют различные подходы к определению структуры национального богатства страны, многие из которых базируются исключительно на количественных показателях. При этом, в традиционных экономических моделях не учитываются такие новые факторы развития национального богатства, как экологические услуги и цифровые активы. Представляется, что, несмотря на методологические ограничения, структура национального богатства должна включать в себя стоимости таких нематериальных активов, как интеллектуальная собственность, человеческий и социальный капитал. В связи с необходимостью учета множественных аспектов и нематериальных благ при формировании структуры национального богатства страны, автором предложен институциональный подход к определению структуры национального богатства, который базируется на оценке институтов и институциональной среды формирующих самодостаточность национальной экономики.

В статье рассмотрены основные проблемы современного общества, которые требуют инвестиций в их устранение и, как результат уменьшения доли национального богатства страны, проблемы измерения национального богатства страны, в связи с неразработанностью методов измерения современных условий, которые в большинстве своем связаны с цифровизацией экономических, социальных и политических процессов, предложена структура национального богатства страны в цифровой экономике, предложен и обоснован институциональный подход к определению структуры национального богатства, опирающийся на принцип самодостаточности экономики страны.

Ключевые слова: институты, институциональная среда, национальное богатство, устойчивое развитие, цифровизация, человеческий капитал

JEL codes: A23, F20, F42, O33, Q28, Q38

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-48-60>

Для цитирования: Чихирева, Н.В. Институциональный подход к определению структуры национального богатства / Н.В. Чихирева - // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.48-60. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Проблемы национального богатства в современном обществе многообразны и связаны как с внутренними, так и с глобальными вызовами. Целью каждого государства является увеличение национального богатства страны. Для анализа и мониторинга динамики накопления национального богатства применяются различные методы и подходы. Страны перенимают и внедряют опыт друг друга для формирования стратегии развития экономик. Однако, возникает проблема институционального характера: при внедрении иностранных институтов, зачастую не учитывается несоответствие применяемых норм и правил для общества, а также состояние среды, в которой применяются новые правила. То же самое относится и к устаревшим институтам, которые продолжают существовать в современной действительности, поскольку не успевают меняться в соответствии с научно-техническим прогрессом. В качестве примера можно привести трудовые нормы времени, которые на многих предприятиях не разрабатываются при введении в эксплуатацию нового, современного оборудования и программного обеспечения. В результате, те проблемы, которые существуют в обществе, не сокращаются и оттягивают на себя финансовые, производственные, административные и другие ресурсы, что приводит к уменьшению национального богатства. То есть, возникает обратный

процесс. Рассматривая современные проблемы российского общества, можно сделать выводы, что отсутствие баланса в инвестициях в сферы экономики и общественной жизни, применение устаревших или иностранных институтов приводит к замедлению роста национального богатства (рисунок 1).

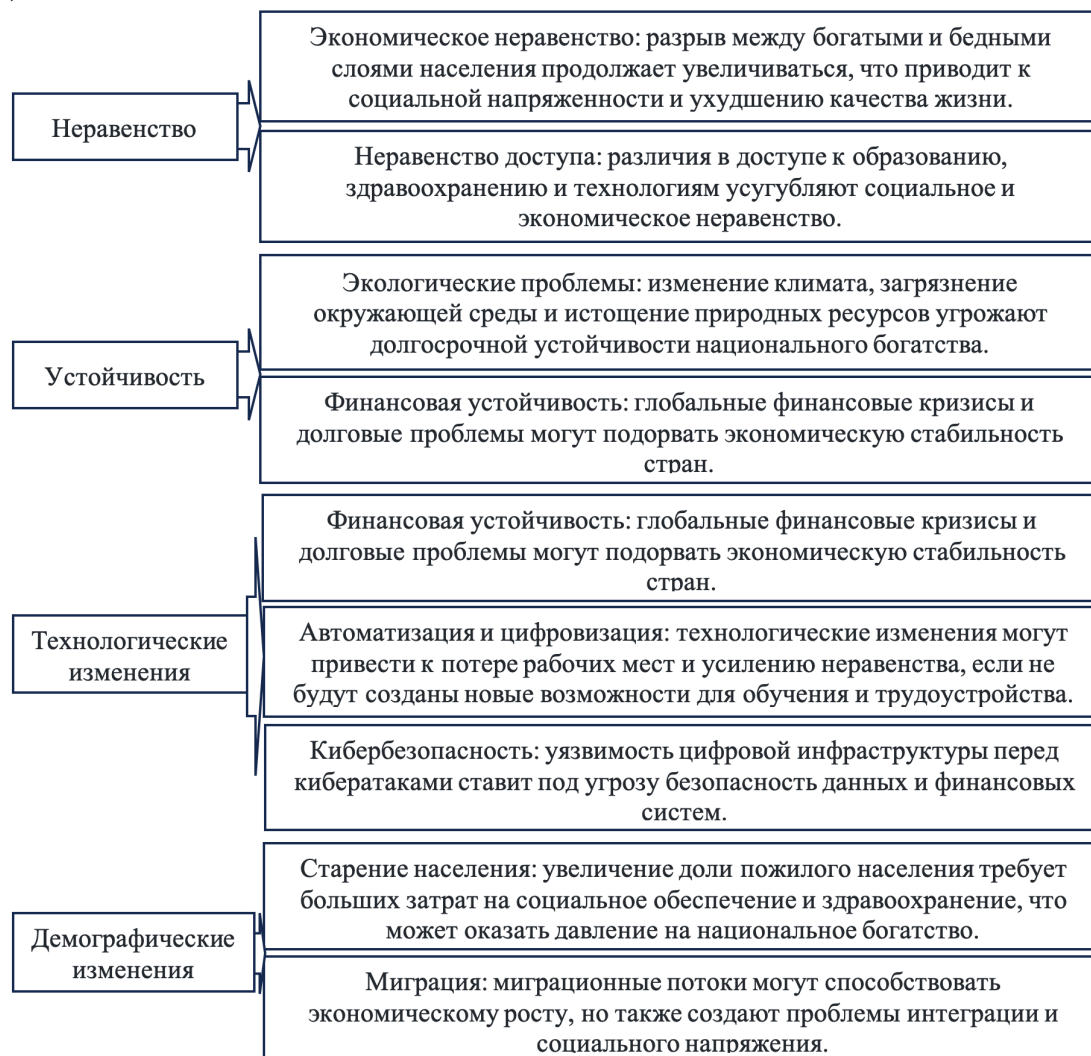

Рисунок 1 – Классификация проблем современного российского общества

Источник: составлено авторами

На рисунке 1 рассмотрены основные проблемы современного российского общества, которые в той или иной степени требуют затрат на их уменьшение. Данные затраты естественным образом замедляют темп роста национального богатства страны. Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий формирование политических, экономических и социальных институтов, направленных на укрепление институциональной среды, содействие инновациям и обеспечение социальной защиты населения. В случае, если институты будут формироваться по принципу «как на западе» или будут взяты за основу советские институты, то возникнут риски непринятия обществом иностранных или устаревших правил. Отдельно следует рассмотреть современные проблемы, связанные с определением и измерением структуры национального богатства (рисунок 2).

Для решения данных проблем требуется корреляция и обобщение трудов ученых и практиков - экономистов, политологов, экологов, представителей бизнеса для разработки новых подходов и инструментов оценки, которые будут отражать реальное состояние и динамику национального богатства в условиях современной экономики.

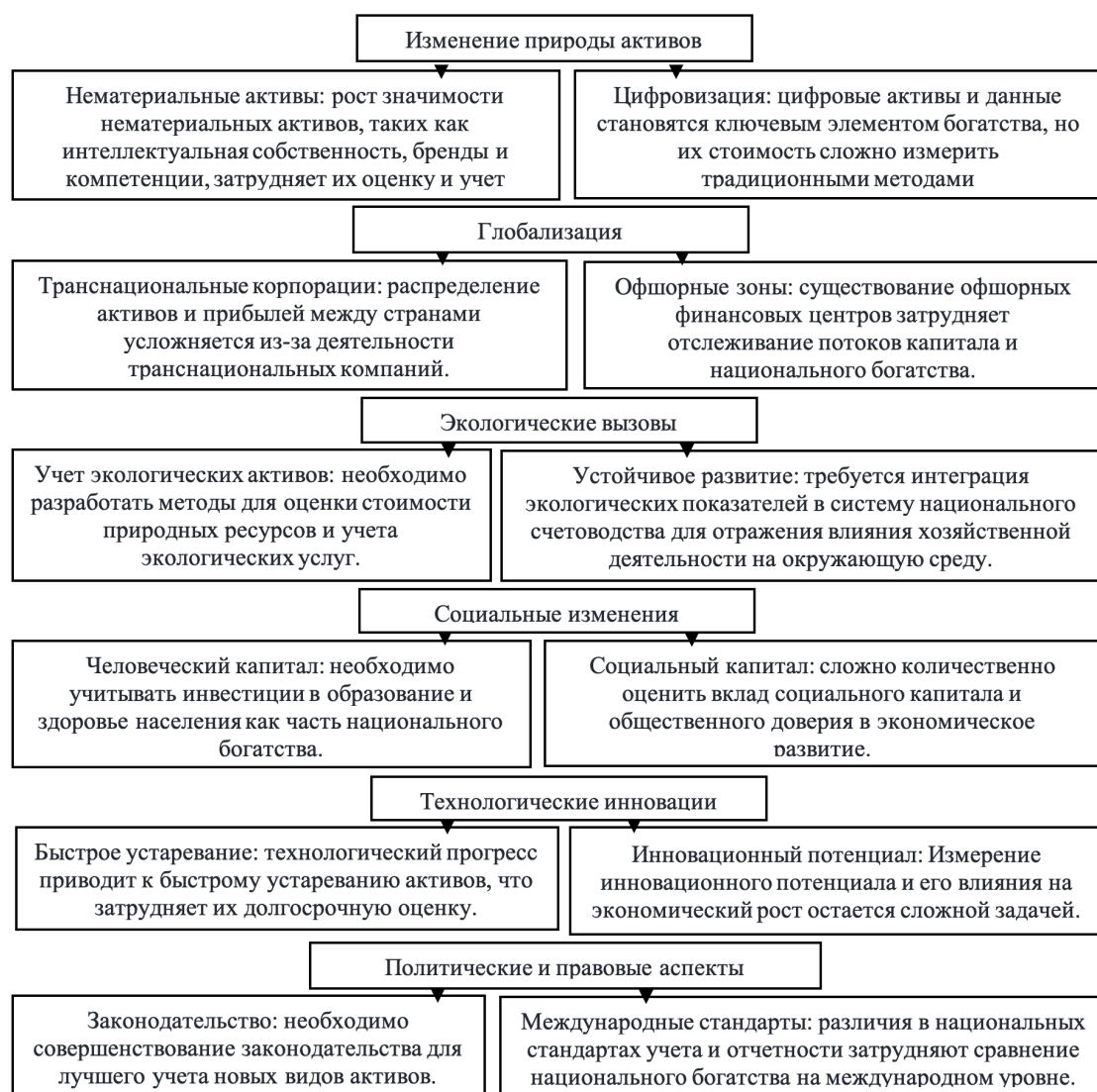

Рисунок 2 – Проблемы измерения структуры национального богатства

Источник: составлено авторами

Цель исследования

Целью исследования является определение компонентов, составляющих структуру национального богатства с точки зрения институционального подхода.

Методы исследования

При рассмотрении институционального подхода к определению структуры национального богатства применялись общенаучные методы исследования такие, как: анализ и синтез, индукция и дедукция, формализация, абстрагирование. Также использовались специальные методы анализа: исторический, статистико-экономический, монографический.

Эволюция подходов к определению структуры национального богатства

На протяжении продолжительного времени ученые и практики давали определение структуры национального богатства. Некоторые экономисты включали в структуру исключительно материальные блага, впоследствии стало уделяться внимание нематериальным ресурсам, как составляющим национального богатства страны, таким, как человеческий капитал, культурные ценности, экологическое состояние природных ресурсов и т.д. При этом единого подхода к определению

национального богатства так и не сформировалось. Исследования в области национального богатства и его измерения включают в себя работы многих ученых и экономистов: А. Смит впервые поднял вопросы о богатстве наций в своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов». Идеи Дж. Кейнса оказали значительное влияние на теории национального дохода и расходов, которые являются основой для измерения национального богатства. Разработка системы национальных счетов С. Кузнецца позволила измерять экономическую активность страны, включая ее национальное богатство [6].

Классическая экономическая школа, опираясь на труды Маркса К., включает в состав национального богатства труд, землю и капитал. В связи с индустриализацией акцент стал смещаться в пользу капитала, как единственной составляющей национального богатства.

С 1993 года многие страны перешли к определению структуры национального богатства, опираясь на систему национальных счетов. Данная структура включает как материальные, финансовые активы стран, так и нефинансовую составляющую [1].

Система национальных счетов (СНС) определяет национальное богатство страны как совокупность всех экономических активов и пассивов, которые могут быть оценены в денежном выражении. СНС использует различные показатели для оценки экономической активности и богатства страны, включая валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный продукт (ВНП), национальный доход и чистые международные инвестиционные позиции. Эти показатели помогают оценить общий экономический потенциал страны и её финансовое положение. СНС предоставляет стандартизированный метод учета, который позволяет сравнивать экономические показатели между разными странами и регионами (рисунок 3).

Рисунок 3 - Основные компоненты, включаемые в расчет национального богатства в рамках СНС
Источники: составлено авторами

Система национальных счетов не предполагает включение в состав национального богатства человеческий капитал, поскольку ему сложно дать количественную оценку. Однако, представляется, что именно человеческий капитал страны необходимо учитывать в структуре национального богатства.

С применением исторического метода исследования можно проследить изменение видения национального богатства страны (таблица 1).

Таблица 1 – Структура национального богатства. Исторический аспект [10, 11]

Классификация концепций	Описание концепции
Ранние концепции	В древности и средневековье богатство нации часто ассоциировалось с запасами золота и других драгоценностей. Экономическая мощь измерялась объемом накопленных материальных ценностей
Меркантилизм	В эпоху меркантилизма (XVI-XVIII века) богатство страны определялось её торговым балансом, то есть разницей между экспортом и импортом. Положительный торговый баланс считался признаком национального процветания
Классическая политическая экономия	Адам Смит и другие классики утверждали, что истинное богатство нации заключается в её производственных возможностях и труде её граждан. Они акцентировали внимание на производственных факторах, таких, как земля, труд и капитал
Неоклассическая экономика	С развитием неоклассической экономики в XIX веке внимание перешло к роли предельной полезности и распределению ресурсов. Богатство начали рассматривать как совокупность ресурсов, способных удовлетворять человеческие потребности
Современные подходы	В XX и XXI веках подходы к определению богатства стали более комплексными, включая не только материальные активы, но и интеллектуальную собственность, человеческий и социальный капитал. Также возросла роль экологических факторов и устойчивого развития
Интеграция и глобализация	В условиях глобализации структура национального богатства стала отражать интеграцию мировой экономики, включая прямые иностранные инвестиции, международные партнерства и глобальные цепочки создания стоимости.
Цифровая экономика	С развитием цифровых технологий важность данных, информационных технологий и инноваций в определении национального богатства значительно возросла

Таким образом, с течением времени подходы к определению национального богатства становятся всё более многоаспектными, отражая сложность и динамичность современной экономики. В современной экономической теории проблемы национального богатства и бедности также находят свое развитие в трудах ученых. Т. Пикетти - автор книги «Капитал в XXI веке», анализирует динамику распределения богатства и доходов. Э. Дитон - имеет ряд трудов, связанных с вопросами бедности, благосостояния и измерения экономического развития. Роль государства в экономическом росте и инновациях, а также вопросы национального богатства исследовались М. Маццукато [19].

На современном этапе цифровые инновационные технологии становятся приоритетными в определении национального богатства страны. Однако, такой подход имеет свои недостатки (таблица 2).

Таблица 2 – Структура национального богатства страны в цифровой экономике

Категория развития	Преимущество	Недостаток
Инновационная способность	Цифровые технологии способствуют разработке новых продуктов и услуг, что увеличивает конкурентоспособность страны на мировом рынке	Начинают появляться аддиктивные цифровые продукты, или продукты, которые увеличивают рост теневого сектора экономики, появляется дополнительная возможность накопления богатства за счет спекуляции, а не совершенствования и расширения производства
Производительность труда	Автоматизация и оптимизация рабочих процессов с помощью цифровых технологий повышают эффективность и производительность	Сокращаются рабочие места, уменьшается разделение труда работников, формирование новых норм времени работы не происходит. Как результат, трудовая эффективность снижается
Образование и обучение	Цифровые платформы и инструменты обеспечивают доступ к образованию и навыкам, что улучшает человеческий капитал	Далеко не каждое образование люди могут получить в дистанционном или цифровом формате. Появляются ложные сведения. Снижается качество образования, в силу того, что использование цифровых технологий не позволяет осознанно получать знания и навыки, при этом дает возможность массово получать свидетельства о прохождении образовательного курса
Инфраструктура	Развитие цифровой инфраструктуры, такой, как широкополосный интернет и мобильная связь, улучшает доступность и качество услуг	Развитие цифровой инфраструктуры тесно связано с развитием отечественного программно-аппаратного обеспечения. В противном случае, с применением иностранных технологий, возникает вопрос связанный с экономической безопасностью страны. Появляется возможность насаждать западные институты.
Глобализация	Цифровизация упрощает международную торговлю и инвестиции, а также облегчает культурный и информационный обмен	Современная экономико-политическая ситуация свидетельствует о новом векторе развития, в котором страна уходит от глобализационных процессов
Управление и государственные услуги	Электронное правительство и цифровые государственные услуги повышают прозрачность и эффективность управления	Возникает проблема с электронным мошенничеством и утечкой данных, что требует крупных государственных инвестиций для формирования превентивных мер

Категория развития	Преимущество	Недостаток
Устойчивое развитие	Цифровые технологии помогают в мониторинге и управлении природными ресурсами, что способствует устойчивому развитию	В то же время, формирование современной цифровой среды общества сопровождается нарушением природно-климатического баланса. К примеру: проведение оптоволоконных кабелей может нарушать природные ландшафты, особенно если они проводятся в чувствительных экологических зонах.

Таким образом, с одной стороны, цифровые технологии отражают текущее состояние национального богатства, являются инструментом для его увеличения и поддержания на долгосрочной основе. Однако, с другой стороны, могут послужить причиной уменьшения национального богатства на практике, при заикленности исключительно на цифровом развитии территории. В силу этого, возникает потребность в формировании норм и правил (институтов) общества для качественного и устойчивого роста национального богатства в условиях текущего состояния и тенденций цифрового развития. Причем, институты должны формироваться на различных уровнях и связывать все процессы, происходящие в обществе. Возникает необходимость в применении институционального подхода к определению структуры национального богатства в цифровой реальности.

Сущность институционального подхода к определению структуры национального богатства

В институционализме определение национального богатства выходит за рамки простого подсчета материальных активов и финансовых ресурсов. Данное направление в экономической теории акцентирует внимание на значении институтов — формальных правил (законов, нормативов) и неформальных механизмов (традиций, обычаев), которые определяют социально-экономические отношения и поведение общества. Рассмотрим основные принципы институционального подхода к определению структуры национального богатства (таблица 3).

Таблица 3 – Институциональный подход к определению структуры национального богатства

Институциональный принцип	Описание принципа
Институциональная инфраструктура	Качество и эффективность правовой системы, образовательных учреждений, финансовых и политических институтов
Социальный капитал	Система доверия, взаимодействия и сотрудничества между людьми и организациями
Человеческий капитал	Уровень образования, навыков и здоровья населения
Технологический капитал	Степень развития и доступности технологий, способствующих повышению производительности

Следует отметить, что в условиях цифровизации представленные принципы должны сохраняться, что становится затруднительным, поскольку цифровизация имеет свои недостатки, представленные в таблице 2. В связи с этим, возникает необходимость в рамках институционального подхода включить в структуру национального богатства только положительные стороны цифровизации и предложить правила, опираясь на которые страна может сократить издержки на предотвращения рисков и последствий связанных с недостатками цифровизации. Для начала, рассмотрим дополнения к таблице 3, а именно, какие принципы необходимо включить в институциональный подход в рамках цифровизации.

Таблица 4 – Институциональный подход к определению национального богатства в цифровой экономике

Институциональный принцип	Описание принципа
Цифровая инфраструктура	Качество и доступность цифровых сетей и сервисов
Инновационный потенциал	Способность страны генерировать новые идеи и технологии
Данные	Объем и качество данных, которые могут быть использованы для создания ценности

Правила, связанные с развитием цифровых технологий и сбора данных, должны отвечать принципам безопасности индивидов. К примеру, доступность цифровых сетей и сервисов сопряжена с проведением оптоволоконных сетей, что не должно вредить экологии, поэтому решение о проведении оптоволоконной линии должно приниматься с соблюдением норм и стандартов экологической безопасности. Разработка новых идей и технологий должно сопрягаться с правилами необходимости. Бесцельная разработка техники, технологий и программного обеспечения влечет за собой избыточные государственные издержки. Таким образом, институциональный подход к определению структуры национального богатства представляет собой качественное исследование с последующей разработкой правил и стратегий для формирования устойчивости развития и самодостаточности экономики и социальной жизни страны. Институциональный подход подчеркивает, что национальное богатство — это не только совокупность материальных благ, но и результат функционирования институтов, которые способствуют устойчивому развитию и благополучию общества. Представим авторское видение структуры национального богатства страны (рисунок 4).

Компоненты, представленные на рисунке 4 в совокупности формируют общее богатство нации и определяют её экономический потенциал и благосостояние. Также, согласно рисунку 4, особое внимание уделяется не только материальным, но и нематериальным активам, таким, как человеческий и интеллектуальный капитал, которые играют ключевую роль в создании долгосрочного экономического роста.

Институциональный подход к определению структуры национального богатства в цифровой экономике включает анализ роли институтов, правил, норм и процедур, которые формируют экономическую деятельность и влияют на распределение и использование ресурсов.

Институциональный подход подчеркивает важность структур, которые обеспечивают устойчивое и эффективное функционирование цифровой экономики, и признает, что национальное богатство в цифровую эпоху определяется качеством институциональной среды, способствующей инновациям, образованию и социальному благополучию.

Заключение

Таким образом, современная экономическая и социальная система выдвигает новые требования к определению структуры национального богатства. Безусловно неизбежным будет сравнение национальной экономики с экономикой других стран мира. Однако, следует отметить, что национальное богатство должно формироваться исходя из принципа самодостаточности национальной экономики, безопасности общества и стабильного непрерывного, устойчивого развития всех сфер деятельности. Помимо количественного анализа, необходима оценка качественных экономических и социальных показателей.

Институты играют ключевую роль в формировании структуры национального богатства в цифровой экономике. Они устанавливают правила и нормы, которые определяют, как создается, распределяется и используется богатство в обществе. В цифровую эпоху, когда данные и информационные технологии становятся основными активами, институты могут способствовать или препятствовать инновациям и экономическому росту. Среди аспектов, через которые институты влияют на национальное богатство можно выделить следующие:

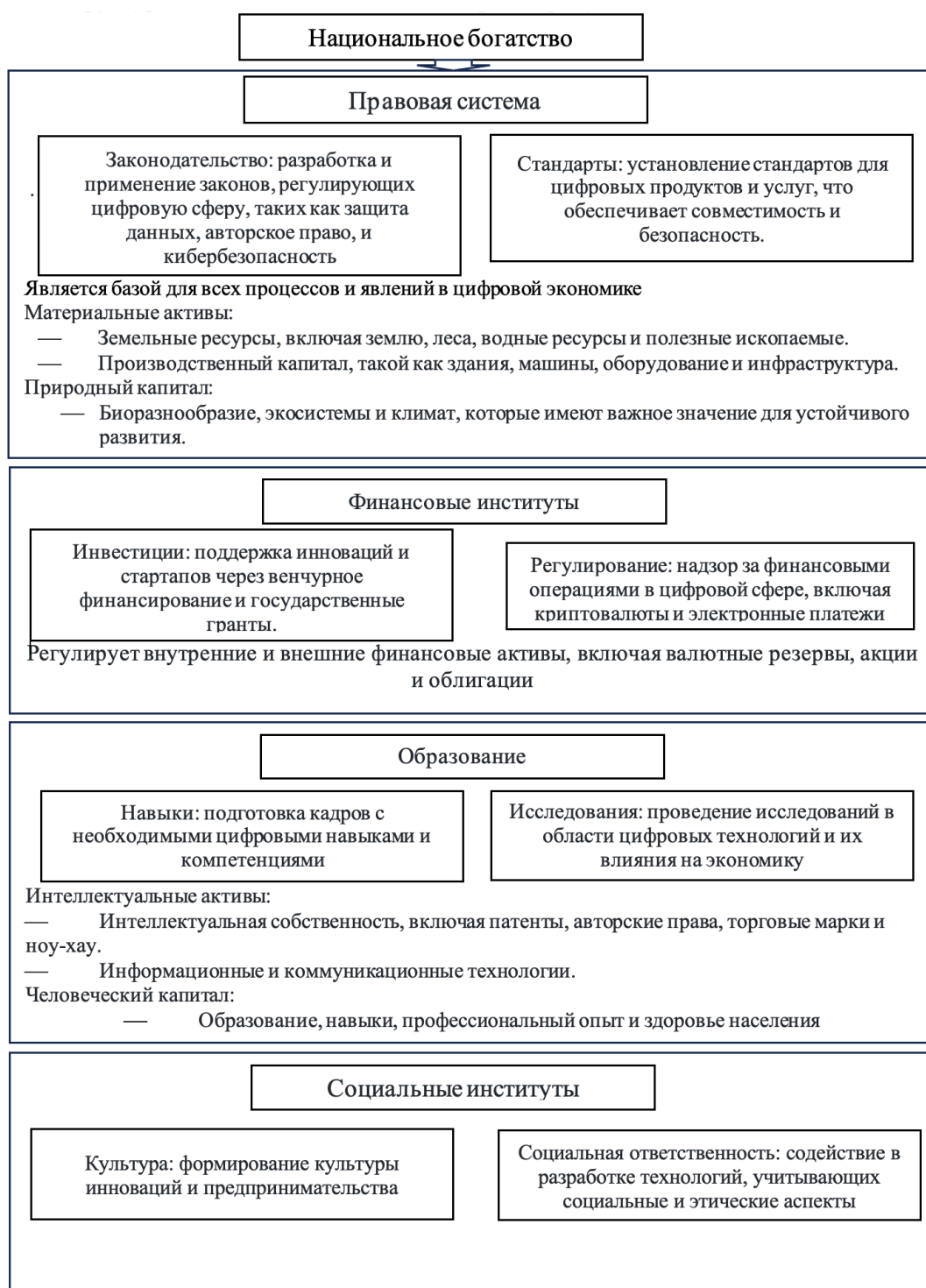

Рисунок 4 – Структура национального богатства страны

Источник: составлено авторами

1. Регулирование и защита интеллектуальной собственности: правильно настроенное регулирование может стимулировать инновации, обеспечивая защиту прав интеллектуальной собственности, что важно для цифровой экономики.

2. Политика конфиденциальности и защиты данных: строгие стандарты защиты данных могут повысить доверие общества и способствовать более широкому использованию цифровых технологий.

3. Инвестиции в образование и навыки: инвестиции в образование и развитие навыков цифровой грамотности могут увеличить количество квалифицированных специалистов и ускорить

технологический прогресс.

4. Поддержка исследований и разработок: государственное финансирование исследований и разработок может ускорить инновации и создание новых технологий.

5. Создание инфраструктуры: развитие цифровой инфраструктуры, такой, как широкополосный доступ в интернет, является основой для роста цифровой экономики.

Данные меры могут помочь странам адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифровой экономики и обеспечить устойчивое развитие национального богатства.

Институциональный подход позволяет определить структуру национального богатства, исходя из норм, которые присутствуют в данном, конкретном обществе. Россия в 90е годы уже столкнулась с насаждением западных институтов, которые показали свою несостоятельность для российского экономического и социального развития. В дальнейшем необходимо, ориентируясь на интересы общества, формировать собственные институты, исходя из традиций, культуры, обычаев, ресурсов страны и особенностей экономики и хозяйственной жизни. В цифровой экономике такой подход становится особенно актуальным, поскольку высокая скорость обработки больших массивов информации, с одной стороны, предоставляет множественные возможности для развития, с другой стороны, является риском для национальной безопасности и накопления богатства. В связи с этим, разработанные правила послужат вектором развития и формой контроля над информационными, цифровыми процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатство как менталитет и творчество экономического разума / А. Е. Кенжибаев, И. В. Лавров, А. Н. Попов. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2003 — 144 с.
2. Бьюкенен, Дж. Избранные труды / Дж. Бьюкенен // Нобелевские лауреаты. Т.1. — М.: Таурус Альфа, 1997 — С. 23–84.
3. Вайнштейн А. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам // Статистика народного богатства, народного дохода и национальные счета. М.: Наука, 1967. 370 с.
4. Дементьев, Г. М. Синергизм менеджмента как современная основа формирования национального богатства / Г. М. Дементьев. — Челябинск: УралГУФК, 2009 — 264 с.
5. Кларк, Дж. Распределение богатства. Пер. с англ. / Дж. Кларк. — М.: Альфа, 2000 — 216 с.
6. Критский М.М. Человеческий капитал. JL: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
7. Килин П.М. Воспроизводство регионального общественного продукта. -М.: Наука, 1984.
8. Нестеров Л.И. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века. М., 2006.
9. Попова, Е. А. Контрактная парадигма формирования национального богатства / Е. А. Попова, И. В. Лавров, Г. М. Дементьев. — М.: ВНИЭТУСХ, 2004 — 144 с.
10. Попов, А. Н. Менеджмент как когнитариат и основа формирования национального богатства / А. Н. Попов, Г. М. Дементьев. — Челябинск: УралГУФК, 2007 — 64 с.
11. Осадчая Т.Г., Смолина Е.Э. Национальное богатство в России: как управлять эффективно?: монография. Тамбов, 2005.
12. Попов, А. Н. Менеджмент в системе коллективного предпринимательства и формирования национального богатства / А. Н. Попов, Ю. Д. Доронин, Г. М. Дементьев. — Челябинск: УралГУФК, 2008 — 96 с.
13. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Пер. с англ. / Д. Рикардо. — М.: Экономика, 1987 — 460 с.
14. Смит, А. Теория нравственных чувств. Пер. с англ. / А. Смит. — М.: Экономика, 1997 — 318 с.
15. Соперничество теорий как основа генезиса политической экономии / В. Л. Берсенев, А. И. Татаркин, А. Г. Шеломенцев. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005 — 81 с.
16. Федоренко Н.П. Россия на рубеже веков. М., 2003.
17. Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономии. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. - 408 с.
18. Человеческий капитал России на рубеже XXI века. Монография под ред. И.В. Ильинского СПб.: СПГУТД, 1999-200 с.
19. Человеческий капитал : Учеб.-метод. пособие /А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, С. А. Курганский. СПб.: Изд-во С-П. гос. ун-та экономики и финансов, 1999-209 с.
20. Чихирева Н.В. Репродукция природных ресурсов в составе национального богатства в условиях современной системной трансформации. // Теоретическая экономика. – 2022. – №12(96). – С. 23-31.
21. Чихирева Н.В. Изменения в составе национального богатства в условиях трансформации социально - экономической системы // Вопросы политической экономии. – 2022. – №2(30). – С. 124-132.
22. Чихирева Н.В. Эволюция взглядов о национальном богатстве в условиях трансформации социально-экономической системы. // Теоретическая экономика. – 2021. – №8(80). – С. 84-91.
23. Чихирева Н.В. Систематизация целей развития человеческого потенциала в контексте теории национального богатства. // Теоретическая экономика. – 2022. – №6(90). – С. 121-129.
24. Derek H. Aldcroft. European economy 1914-2000. (Manchester Metropolitan university), 2001, 344 p.109. «Expanding the measure of wealth», Ch. 3 The World Bank, 1997.
25. Goldsmith R. A perpetual inventory of national wealth // Studies in income and wealth. N. Y. National

bureau of econ. research, 1951. Vol.14.

26.Kunte A. and others «Estimating National Wealth: Methodology and Results». The World Bank, 1998

27.Mincer J. The Production of Human Capital and The Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme. Working Paper of the NBER, No 4838 (Aug. 1994)

28.Miles D., Scott A. Macroeconomics: understanding the Wealth of Nations. 2001,704 p.

29.Mulligan C.B., X. Sala-i-Martin. Measuring Aggregate Human Capital. -Working paper of the NBER, No 5016 (Feb. 1995)

Institutional approach to determining the structure of national wealth

Chikhireva Natalia Viktorovna

degree candidate,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: 4mrsrnnv@gmail.com

Abstract. In economic theory, there are various approaches to determining the structure of a country's national wealth, many of which are based solely on quantitative indicators. At the same time, traditional economic models do not take into account new factors in the development of national wealth, such as environmental services and digital assets. It seems that despite methodological limitations, the structure of national wealth should include the value of intangible assets, such as intellectual property, human and social capital. Due to the need to take into account multiple aspects and intangible benefits when forming the structure of a country's national wealth, the authors proposed an institutional approach to determining the structure of national wealth, which is based on an assessment of the institutions and institutional environment that form the self-sufficiency of the national economy. The article discusses the main problems of modern society, which require investment in their elimination and, as a result of a decrease in the share of the country's national wealth, the problem of measuring the country's national wealth, due to the undeveloped methods for measuring modern conditions, which are mostly associated with the digitalization of economic, social and political processes, the structure of the country's national wealth in the digital economy is proposed, an institutional approach to determining the structure of national wealth, based on the principle of self-sufficiency of the country's economy, is proposed and justified.

Keywords: institutions, institutional environment, national wealth, sustainable development, digitalization, human capital

Теория эндогенного роста: исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста

Матризаев Бахадыр Джуманиязович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия

E-mail: matrizaev@mail.ru

Аннотация. На сегодняшний день в основных исследованиях по макроэкономической теории выделяется пять основных факторов экономического роста, которые будут определяющими в предстоящие десятилетия: население и человеческий капитал; капитал и рынки капитала; глобализация и торговля; технологии и инновации, а также новые рубежи для роста производительности. Неоспоримым остается тот факт, что инновации стимулируют современный экономический рост. Вместе с тем, в процессе своей эволюции всякая макроэкономическая парадигма сталкивается с определенными ограничениями, связанными с изменениями в социально-экономической системе общества, и как следствие, возникает необходимость переосмысления того, каковы исторические предпосылки и ретроспективные особенности эволюции эндогенной макроэкономической теории экономического роста. Целью статьи является исследование природы сходства и противоречий, характера взаимовлияния различных макроэкономических парадигм в рамках эволюции эндогенной макроэкономической теории экономического роста; роли обобщающих и разделяющих факторов, вызывающих зарождение и развитие отдельных элементов данного макроэкономической парадигмы. Научную новизну статьи представляет предложенный автором новый критический взгляд на исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции отдельных макроэкономических теорий и моделей экономического роста, в особенности модели эндогенного роста, чтобы показать, что природа инноваций сама по себе имеет неоднозначную оценку со стороны макроэкономической науки.

Ключевые слова: макроэкономическая теория, эндогенный рост, экономический рост, инновационная динамика, методология, модель

JEL codes: B00, B15, B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-61-73>

Для цитирования: Матризаев, Б.Д. Теория эндогенного роста: исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста / Б.Д. Матризаев - // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.61-73. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Экономический рост является центральной темой в макроэкономических исследованиях. Как правило, исследование теории экономического роста начинается с помощью основополагающей модели Солоу, разработанной Р. Солоу [7], [47] в 1956. Эта фундаментальная модель позволяет сделать следующий важный вывод: в долгосрочной перспективе экономический рост должен обеспечиваться за счет технического прогресса, а не накопления капитала. Однако модель Солоу принимает темпы технологического роста как данность и, следовательно, не дает никакого представления о детерминантах технологического прогресса. В свою очередь, Д. Тейлор [49] пишет, что «обучение начинающих студентов модели Солоу, дополненной эндогенными технологиями, является первым шагом к обучению их современной макроэкономической теории».

Позднее, П. Ромер [42] значительно расширил понимание экономистами эндогенных технологических изменений, разработав модель экономического роста, известную как модель Ромера, в которой технический прогресс определяется изобретением новых продуктов, что, в свою очередь, обусловлено исследованиями и разработками (НИОКР) предпринимателей, стремящихся к прибыли. К сожалению, модель Ромера относительно сложна, и многие исследователи сталкиваются с трудностями при ее использовании. В частности, хотя нетрудно продемонстрировать ключевое предположение о том, что технологические изменения обусловлены НИОКР, гораздо сложнее продемонстрировать, как уровень НИОКР определяется в рыночном равновесии в рамках модели Ромера. Поэтому отдельные последователи школы эндогенного экономического роста: К. Джонс [28] и Р. Барро [14] - часто предполагают определенный уровень НИОКР при представлении модели Ромера, не показывая, как определяется равновесный уровень НИОКР в рыночной экономике. Однако К. Джонс [28] пишет, что «...в оригинальной модели Ромера он создал рынки труда и продукции, ввел патенты и монопольную власть, чтобы обеспечить растущую отдачу, и позволил рынкам определять распределение рабочей силы. То, что обнаружил Ромер, поразительно [...], но, к сожалению, выходит за рамки стандартного понимания».

Теория эндогенного роста была выдвинута П. Ромером [42] в 1986 г., и далее Р. Лукасом [33] в 1988 г. О первоначальных результатах своих исследований в рамках парадигмы эндогенного роста писали Г. Гроссман [23], Е. Хелпман [27], Р. Барро [14], Х. Сала-и-Мартин [43], Ф. Агион [11], П. Ховитт [26], а дальнейшему росту популярности данной парадигмы начинает способствовать публикации результатов исследований в ежеквартальных выпусках журнала «Журнал экономического роста», который был основан в 1996 году. С тех пор как новые модели проникли в экономическую реальность, их приветствовали как возрождение теории, которая, несмотря на затишье 1970-х годов и более ранние серьезные сдвиги в области макроэкономической теории, так же стара, как и сама экономика. Глядя на это возрождение со стороны, могут возникнуть несколько вопросов. Является ли, например, это возрождение всего лишь данью моде, со временем обреченной на исчезновение из сферы научных интересов и дискуссий? И независимо от того, обречена она или нет, как она соотносится с другими теориями роста, будь то «великолепные» (по словам Баумоля), разработанные классиками, или более узкие, представленные в современных моделях? И сталкиваясь с подобными вопросами, многие исследователи, собираясь вместе на многочисленных международных конференциях пытаются вместе анализировать и сформулировать ответы, или хотя бы подходы для ответа на эти вопросы, при этом незримо внося свой вклад в эволюцию макроэкономической теории.

Соответственно, целью статьи является исследование природы сходства и противоречий, характера взаимовлияния различных макроэкономических парадигм в рамках эволюции эндогенной макроэкономической теории экономического роста; роли обобщающих и разделяющих факторов, вызывающих зарождение и развитие отдельных макроэкономических теоретических направлений. В статье проводится как «вертикальный» анализ теорий роста (которые определяются как классические, неоклассические и кейнсианские) и «горизонтальный» анализ (которые основаны на таких факторах, как: технический прогресс, накопление знаний, институты, бизнес-циклы, окружающая среда и финансовые механизмы).

Теоретико-методологические основы и определение отличительных особенностей теорий экономического роста

Существует точка зрения, которая прослеживается в ряде исследований [1], [5], [8], [16], о том, что существует преемственность между классической и кейнсианской теориями и что между этими теориями, с одной стороны, и неоклассической теорией, с другой, существует большая пропасть. Однако эта точка зрения явно не отстаивается и частично отвергается большинством последователей теории эндогенного роста, когда они утверждают, что «логическая структура» большинства моделей теории эндогенного роста «очень похожа» на «логическую структуру» классической теории. Это утверждение можно проверить, сравнив, с одной стороны, различия и сходства между различными

уровнями неоклассической теории роста и, с другой стороны, между этой теорией и неоклассической теорией как таковой. Разнообразие материалов, представленных в академических учебниках и научных исследованиях, дает достаточно пищи для размышлений о многих из этих различий и сходств.

Что касается неоклассической теории роста, то известно, что их, по сути, два: модель Солоу-Свона и модель эндогенного роста. Что касается их различий, то они, как известно, по существу сводятся к одному: предполагается, что технический прогресс является экзогенным в первом случае и эндогенным во втором.

Отсюда и названия «экзогенная модель роста» в первом случае и «эндогенная модель роста» во втором. Однако, несмотря на широкое использование и удобство во многих отношениях, эти определения могут вводить в заблуждение. Ведь технический прогресс - это одно, а экономический рост - совсем другое: при построении модели экономического роста исследователь может воздержаться от объяснения и даже введения в модель технического прогресса, но не может воздержаться от объяснения самого роста. В этом смысле модель Солоу-Свона является моделью эндогенного роста, поскольку сбережения, трансформируются в эндогенную переменную, рассматриваются как двигатель, который переводит экономику в соответствующее устойчивое состояние роста (которое, хотя и напоминает Маршалловское, не является стационарным состоянием Рикардо), в то время как технический прогресс, экзогенная переменная, - это двигатель, который переводит одну и ту же экономику из одного устойчивого состояния роста в другое по переходному пути (траектория Хикса). Таким образом, эту модель правильнее было бы назвать «моделью роста с учетом экзогенного технического прогресса» или, более объективно, «моделью перехода от одного устойчивого состояния роста к другому».

Таким образом, разница между двумя категориями моделей заключается не только в том, что первый имеет только дело с «экзогенным», а второй - с «эндогенным» ростом, а скорее в том, что сам рост, в отличие от перехода от одного устойчивого состояния к другому, является результатом эндогенного технического прогресса во втором случае, и отсутствием технического прогресса или только экзогенного технического прогресса в первом случае. В этом смысле вторая категория моделей начинается, собственно говоря, с К. Эрроу [13], в отличие от Н. Калдора [29] и Д. Мирлиза [37].

Это возвращает нас к различиям между неоклассической теорией роста и неоклассической теорией как таковой. Поскольку реальная аналитическая направленность эндогенной теории по сравнению с экзогенной теорией заключается не столько в том факте, что технический прогресс в первом случае предполагается эндогенным, а во втором - экзогенным (в конце концов, это всего лишь вопрос предположений, а изменение предположений - это название игры в современном моделировании), сколько в аргументах, с помощью которых эндогенность технического прогресса выдвигается на первый план в первой категории, наряду с эндогенностью сбережений в рамках второй категории моделей. Напомним, что эндогенность технического прогресса была смоделирована, хотя и только на макроэкономическом уровне, Х. Узавой [52] и К. Шеллом [45], в то время как эндогенность сбережений, в свою очередь, была смоделирована в рамках первой группы моделей, хотя опять-таки только на макроэкономическом уровне и, более того, на основе знакомой кейнсианской функции.

Теория эндогенного роста и проблема экономического роста.

Проблема экономического роста может быть определена как результат суммирования трех различных проблем, которые должны быть решены, возможно, с помощью трех различных теорий. Это проблемы причин, форм и следствий экономического роста. Эти различные аспекты и трактовки «большой» проблемы настолько важны для рассматриваемого феномена, что систематическая теория не может игнорировать ни один из них. Однако, чем больше отдельные исследователи (или целое поколение исследователей) углубляются в один из этих аспектов, тем легче становится либо пренебречь оставшимися двумя, либо перепутать один из них с любым другим. Выше уже говорилось, что задачей любой теории является выявление систематических причин возникновения объекта ее

исследования. Если этот объект - экономический рост, то теория занимается причинами роста; а если это экономическая теория, то причины, которые она ищет, относятся к области экономики, и теория, соответственно, является эндогенной теорией роста. Такова, несомненно, классическая теория. Причинами экономического роста, выявленными разными авторами, являются накопление капитала (отсюда важность теории капитала в рамках их более широком смысле) и технический прогресс. Иерархия между этими двумя причинами является важнейшей темой с тех пор, как родилась теория роста.

Например, А. Смит [2], [46], в своих исследованиях подчеркивает эту иерархию в своем обычном старомодном и непритязательном стиле: «Годовой продукт земли и труда какой-либо нации может быть увеличен в своей стоимости только посредством увеличения или числа её производительных работников или производительной силы прежде занятых работников. Число её производительных работников, само собою очевидно, может быть значительно увеличено только в результате увеличения капитала или фондов, предназначенных на содержание их. Производительные силы одного и того же числа работников могут быть увеличены только в результате некоторого добавления и усовершенствования тех машин и орудий, которые облегчают и сокращают труд, или в результате более правильного разделения труда. В любом случае почти всегда требуется дополнительный капитал».

В переводе на язык современности это предложение может звучать следующим образом: сначала происходит накопление капитала и рост объема производства; затем наступает технический прогресс, который «почти всегда» является его следствием, и рост производительности труда на одного занятого. Теория А. Смита, соответственно, является эндогенной теорией не только экономического роста, но и технического прогресса, причем последний является следствием первого, за исключением тех немногих случаев, когда он «падает как «манна небесная». Теперь, если мы хотим выйти за рамки устаревших слов А. Смита, у нас есть два варианта: либо перейти ко второму аспекту роста, упомянутому выше, то есть к анализу форм роста, либо начать исследовать неоклассические микроосновы роста. Оба варианта были приняты сторонниками эндогенной теории роста. В то время как второй вариант обсуждался выше и широко признается в экономической литературе, использование первого варианта признается не так широко, и причины будут рассмотрены в следующем разделе этой статьи. А пока перейдем к третьему аспекту проблемы роста, то есть к ее последствиям.

В этой связи основоположники эндогенной теории роста, помимо того, что сосредоточились на самых современных формах накопления (в основном с помощью своих моделей НИОКР и их акцента на производстве и распространении знаний), также сосредоточились на техническом прогрессе как основном результате (в основном с помощью различных эффектов масштаба и обучения) [12], [18]. Однако большинство из них упускают из виду влияние экономического роста на распределение богатства. Они, в частности, пренебрегли влиянием экономического роста на повышение (или снижение) ренты [31], [40]. В современной экономике это явление приобрело разнообразные формы, которые были неизвестны или неактуальны во времена Д. Рикардо [6], когда земельная рента едва ли рассматривалась как «вид большого рода»¹. Тем не менее, классическое наследие остается весьма

1 Д. Рикардо ограничил свою теорию ренты доходом только от земли. По его мнению, земельная рента возникает из-за фиксированного предложения земли и из-за различий в плодородии или положении различных участков земли. Превосходные земли получают избыточный доход по сравнению с затратами на выращивание сельскохозяйственных культур; и эта дифференциальная выгода или излишек производителя является арендной платой за землю. Рикардо дает определение ренты, используемое в экономике. По его мнению, рента - это «та часть производителя земли, которая выплачивается землевладельцу за использование изначальных и нерушимых свойств почвы».

А. Маршалл развил рикардианскую идею ренты, введя концепцию квазиренты. По его мнению, рента свойственна не только земле; она также может возникнуть в течение короткого периода в виде дохода от машин и приспособлений, созданных человеком. Последний тип созданных человеком капитальных благ может иметь избыток в течение короткого периода, поскольку их запасы, как и запасы земли, остаются более или менее постоянными в течение

полезным для более глубокого изучения этих тем.

Теперь обратимся к теоретическим воззрениям А. Смита [2], [46] и К. Маркса [3]. Эндогенность технического прогресса является характерной чертой не только в теории Адама Смита, но и в теории Карла Маркса. Однако это имеет место быть по двум разным причинам. В то время как А.Смит рассматривает эту эндогенность как факт (технический прогресс, наряду с разделением труда, «почти всегда» является следствием накопления капитала), К. Маркс рассматривает эндогенность как элемент своей собственной теории прибавочной стоимости (эксплуатации). Если обратимся к «Капиталу» [3], то можно обнаружить не только раннее различие между природой и формами технического прогресса, но и идею о том, что технический прогресс принадлежит логике капитала в целом, а не логике одного капитала по отношению к другому. Другими словами, это скорее побочный продукт непрекращающегося стремления к увеличению относительной прибавочной стоимости, чем результат конкуренции между капиталистами. Если и имеется сходство между трактовкой Марксом и основоположниками теории эндогенного роста касательно технического прогресса, то оно имеется только на поверхностном уровне, где Маркс признает роль «всеобщего» труда (распространение знаний) и «коллективного» труда (увеличение отдачи) и когда он показывает, как одна из форм технического прогресса превращается в другую, т.е. эффект «обучение на практике». Однако на самом глубоком уровне обоснование Марксом эндогенности технического прогресса относится исключительно к его теории прибавочной стоимости.

Однако, тот факт, что эндогенность технического прогресса глубоко укоренена в теории Маркса, не означает, что рост, хотя и эндогенный, также неизбежен. Например, теория Маркса о крахе капитализма основана на идее о том, что технический прогресс действительно носит эндогенный характер, но при этом рост (в основном являющийся результатом форм, принимаемых самим техническим прогрессом) ни в коем случае не является неизбежным.

Теория эндогенного роста и концептуальное определение роли знаний, человеческого и социального капитала.

Рассматривая накопление капитала как первоначальный фактор экономического роста, А.Смит [2], [46] рассматривает его как чрезвычайно абстрактный фактор, то есть как фактор *sub specie aeternitatis*². Следуя данной логике, когда, напротив, основоположники и сторонники эндогенной теории роста рассматривают накопление знаний или человеческого капитала как основной двигатель экономического роста, то на самом деле они следуют концепции Смита о накоплении капитала в чистом виде к тем формам, которые это явление принимает в некоторых случаях, особенно в

короткого периода; этот избыток, однако, исчезает в долгосрочной перспективе, когда предложение этих созданных человеком приспособлений увеличивается. По этой причине Маршалл описывает краткосрочную чистую прибыль от их искусственной техники как квазиренду, как дистанцию от собственно ренты, которая проявляется в случае с землей только из-за ее ограниченного предложения даже в долгосрочной перспективе. Таким образом, обнаружено, что элемент ренты может присутствовать в вознаграждении всех факторов, т. е. в заработной плате, процентах и прибыли. Фактически, земельная рента и доходы от других факторов за короткий период, обычно описываемые как квазиренда, принадлежат к одной и той же широкой группе, поскольку все они возникают из-за неэластичного предложения фактора. Предложение земли, однако, постоянно неэластично, и по этой причине избыточный элемент в доходе от земли более или менее постоянен, но предложение других факторов не столь фиксировано в долгосрочной перспективе; это так только в течение короткого периода. По этой причине элемент прибавки или элемент ренты, присутствующий в других доходах, обычно исчезает в долгосрочной перспективе. Соответственно, Маршалл описывает земельную ренту как ведущий вид большого рода. Таким образом, он отмечает, «...земельная рента рассматривается не как вещь сама по себе, а как ведущий вид большого рода».

Некоторые современные исследователи еще больше расширили концепцию ренты, но по-другому. Они определили экономическую ренту как превышение фактического дохода фактора над его минимальной ценой предложения или трансфертным доходом. В этом смысле рента возникает не только в виде дохода от земли, но и в виде вознаграждения любых других факторов (таких как труд, капитал и предприниматель) из-за неэластичного предложения фактора.

2 В переводе с латинского означает «с точки зрения вечности». Согласно Бенедикту Спинозе, данное выражение описывает универсальную и вечную истину, вне зависимости от текущей действительности

современном мире. Теория, которая вытекает из данной логики, - это теория форм роста, а не роста как такового.

Однако, в то время как некоторые формы накопления полностью соответствуют чистой концепции Смита, другие - нет. Рассмотрим, например, особую форму накопления, известную сегодня как «накопление нематериальных активов», и две формы, которые это накопление принимает в исследованиях теории эндогенного роста: накопление знаний; и, накопление человеческого капитала. С точки зрения эволюции теории эндогенного роста, эти различные формы накопления учитывались с самого начала в ряде различных моделей [4], [9], [15], [20], [34]. В то время как некоторые из этих моделей связаны с эффектами «спилловер» новых знаний и связанными с ними положительными внешними эффектами, неравномерностями и эффектом масштаба при производстве промежуточных и конечных товаров, другие модели ставят под сомнение эти эффекты, по крайней мере, в секторе НИОКР, где «эффекты сложности», «эффекты перегруженности» и т.д. скорее нейтрализуют друг друга без заранее определенного результата.

Однако накопление знаний - это совсем не то же самое, что накопление человеческого капитала. Основоположником последней концепции является А. Смит [2], [46]. В своем известном исследовании А. Смит [2], [46] рассматривает «приобретенные и полезные способности» как одну из форм основного капитала общества. В переводе на язык современной экономической теории это означает следование следующему алгоритму: сначала происходит накопление знаний (НИОКР), затем происходит накопление человеческого капитала (обучение) и, наконец, происходит рост производства (в расчете на одного занятого). Согласно этой точке зрения, решающим является то, что, независимо от масштабных или немасштабных эффектов, «почти всегда требуется дополнительный капитал»; и, кроме того, это не только знания как таковые, а человеческий капитал, и не человеческий капитал как таковой, а человеческий капитал в сочетании с другими факторами, как формы (основного и оборотного) капитала, необходимые для обеспечения экономического роста. В этой связи вышеупомянутая фраза «почти всегда» означает, что вполне могут быть случаи, когда создание знаний и их распространение (через упомянутые выше внешние факторы) являются достаточной причиной роста производства (в расчете на одного занятого); но это в большинстве случаев новые знания создаются и используются путем добавления физического и человеческого капитала (исследовательского труда) к человеческому капиталу (квалифицированной рабочей силе), то есть путем накопления капитала в определенных формах.

Однако, при этом, понятие накопления знаний может быть поставлено под сомнение еще до того, как мы придем к мысли о том, что эта форма накопления неуместна без соответствующего накопления человеческого капитала. Этот вопрос был поднят в исследованиях Ф. Агиона [11], П. Ховитта [26] в отношении концептуальной ясности моделей теории эндогенного роста, посвященном росту, основанному на знаниях, и к концептуальному различию между человеческим капиталом и так называемым «социальным капиталом» - новым термином, который вносит путаницу в понятие капитала. В свою очередь, Ян Стидман [48] приводит ряд примеров, когда в некоторых из этих моделей используется запас знаний и их накопление, при этом их авторы не разъясняют, каким образом достигается необходимая мера этой переменной.

Вопрос концептуальной ясности - это не только вопрос измерения. Что касается знаний, например, то это также требует, чтобы передача этого ресурса (от одного человека к другому в рамках отдельно взятой системы или сети) отличалась от его создания (из ничего или на основе предыдущих знаний) и это также требует, чтобы передаваемые или создаваемые знания (в результате действия социальных факторов, составляющих «социальный капитал») подразделялись на информацию (человек узнает то, что знают или не знают другие) и ноу-хау (он знает, как что-то делать независимо от того, знают ли другие). До тех пор, пока «социальный капитал» не превратится в знания (в смысле ноу-хау), а знания в этом смысле не станут человеческим капиталом (трансформация, которая в обоих случаях «почти всегда» требует значительных инвестиций), рост производства невозможен.

Исследуя эволюцию теории эндогенного роста в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста, нельзя не сказать несколько слов об исследованиях проблем роста, обусловленного спросом. В то время как в упомянутых выше исследованиях проблема человеческого капитала рассматривается как своего рода мост между теорией эндогенного роста и классической теорией, то роль, отводимая совокупному спросу, во многих других исследованиях рассматривается как разрыв теорией эндогенного роста и кейнсианской теорией [10], [21], [30]. Во всех этих исследованиях разброс точек зрения таков, что требуется некоторое разъяснение и приведение к единому знаменателю.

Начнем с того, что роль совокупного спроса почти повсеместно рассматривается как спрос на продукцию экономики, в которой, вопреки кейнсианской традиции, нет места финансовым рынкам и деньгам, которые рассматриваются как источники макроэкономической неопределенности. Но в некоторых отдельных исследованиях [22], [32], [38] это также рассматривается в том же т.н. «неденежном» контексте и, следовательно, с большей последовательностью, либо как взаимный спрос, т.е. как обратная сторона медали предложения или как нечто ограниченное протекционистской политикой (как в Индии).

В случае взаимного спроса, проблема роста, обусловленного спросом (понимаемого иногда как совокупный объем производства, а иногда как объем производства на душу населения), восходит к знаменитому тезису А. Смита [2], [46] о том, что «разделение труда ограничено масштабами рынка», а также к выводу Л. Янга [53] о том, что «разделение труда ограничивается разделением деятельности». Следует, однако, отметить, что вывод Л. Янга можно рассматривать как продолжение тезиса Смита в том смысле, что именно накопление капитала приводит в движение разделение труда по спирали, состоящей из все возрастающих стадий. Действительно, тезис Смита может выглядеть как метафора инженера о том, что «скорость автомобилей ограничена дорожными условиями», ибо из всех возможных интерпретаций тезиса Смита наиболее согласующаяся с его системой взглядов заключается в том, что накопление капитала (и, как следствие, рост производства) может сохраняться во времени (скорость автомобилей может увеличиваться) только в том случае, если оно идет рука об руку с расширением свободы торговли. Однако следует понимать, что одно дело - это экономический рост в целом (т.е. рост абстрактной экономики в условиях полной занятости), другое - это рост по отношению к другому (т.е. рост фирмы, отрасли, региона по отношению к другим фирмам, отраслям или регионам мира). Как известно, большинство кейнсианских работ в меньшей степени связаны с тезисом Смита о теоретическом экономическом росте, чем с изменчивостью степени использования производственного потенциала или, что, то же самое, с изменчивостью занятости и объема производства ниже их равновесного уровня полной занятости, т.е. с динамикой роста. Это позволяет дополнительно разделить явления экономического роста на несколько групп, которые можно было бы представить следующим образом: 1) рост выпуска как движение от уровня неполной занятости к равновесному уровню полной занятости; 2) рост выпуска как движение от уровня полной занятости к равновесному уровню полной занятости; 3) рост объема производства как движение от уровня полной занятости к неравновесному уровню полной занятости.

Объем производства действительно растет в любом из этих случаев. Но этот рост определяется различными принципами в зависимости от того, какой случай принимается во внимание. Совокупный спрос, например, в первом случае имеет такое же решающее значение, как сбережения во втором случае и технический прогресс (как экзогенный, так и эндогенный) в третьем случае. Рост производства на душу населения (производительность труда), в свою очередь, может иметь место быть в каждом из этих случаев. Но если это и происходит, то по другим причинам. В то время как в первом случае производительность труда повышается, если вообще повышается, в результате увеличения степени использования рабочей силы в сочетании с заданным производственным потенциалом, то второй случай подразумевает прямое увеличение этого потенциала наряду с повышением производительности труда в зависимости от того, насколько экономика развита. Т.е.

растет в «высоту» или в «ширину», или, выражаясь более современной терминологией, в зависимости от того, меняется ли его «структура» или «размер». Третий случай обычно подразумевает как изменение производственного потенциала, так и повышение производительности труда в результате накопления капитала наряду с техническим прогрессом. Тот факт, что все эти явления могут быть смешаны в истории реальной экономической системы (почти так же, как силы, способствующие падению тел, смешиваются в атмосфере), не означает, что для их удовлетворительного объяснения необходима или достаточна единая концепция или теория.

Тот факт, что суть кейнсианской теории заключается не столько в равновесном росте, сколько в его неравновесных колебаниях согласуется с общей основой различных направлений этой теории. Эта основа - модель роста Харрода [25]. Первоначальная цель Харрода состояла в том, чтобы использовать равновесный рост в качестве основы для сосредоточения внимания на неравновесных колебаниях (и на мерах, необходимых для их противодействия). Сам Харрод признает, что эти колебания находятся в центре внимания его исследования: «По мере того, как фактический рост отклоняется вверх или вниз от гарантированного уровня, сам гарантированный темп роста меняется и может преследовать фактический темп в любом направлении. Можно ожидать, что максимальные темпы роста или спада произойдут в тот момент, когда погоня будет успешной» [25].

Выводы и направления дальнейших исследований

Как отметил в своих исследованиях Ф. Меаччи [36] «Экономика — это аристократическая наука. Генеалогическое древо этой науки разветвляется на множество различных основателей и гораздо большее число последователей. По мере того, как дерево растет, становится все легче и легче путать одну ветвь с другой и упускать из виду разделение труда, которое отражается в разнообразии его ветвей. Это, скорее всего, произойдет, когда мы перейдем к теории поддерева роста». Проведенное выше исследование исторических предпосылок и ретроспективных особенностей эволюции теории эндогенного роста в рамках отдельных макроэкономических парадигм и моделей экономического роста показывает, что это поддерево не состоит из одного ствола и что для лучшего понимания любой из его ветвей или любого из его разделов необходимо провести сравнение между ними. Это с особой очевидностью относится к теории эндогенного роста. Такое сравнение способствует расширению наших знаний, предоставляя возможность критического анализа не только изнутри, как это было сделано П. Гроссманом [23], П. Хелпманом [27], Р Барро [14], Х. Сала-и-Мартинном [43], Ф. Агионом [11], П. Ховиттом [26], но и извне, как это делалось ранее.

Что же касается теории эндогенного роста, то изначально были весьма активны дискуссии касательно названия школы, и выбор стоял между названиями «модели эндогенного роста» или «теория эндогенного роста». Выбор в пользу второго названия был сделан без сомнений, ибо наиболее общей целью теории, и особенно теории роста, является исследование систематических причин явлений, в то время как целью моделей является скорее описание, основанное на гипотезах об этих явлениях.

Несмотря на то, что разные аргументы или исследования относятся к разным отдельным школам или направлениям, это разнообразие необходимо для полного понимания обширной и сложной области теории роста. Они также могут быть полезны тем, что помогают теории эндогенного роста развиваться дальше, с ее сходствами и различиями с остальными теориями и их методами, эволюционирует из своего далекого прошлого в ближайшее будущее.

Разнообразие теорий, представленных в данной статье, дает основание задуматься о склонности не только к анализу и синтезу, но и к проведению новых исследований, где каждый исследователь сможет выделить свою нишу для дальнейших перспективных исследований.

В этом контексте, в современной макроэкономической теории роста можно выделить три основные концепции, заслуживающие пристального внимания, с точки зрения потенциала становления в отдельную теорию.

Концепция «рост-распределение-прирост». Отдельные кейнсианские работы [35], [36], [50],

в рамках данной концепции, подчеркивают двустороннюю взаимосвязь между распределением и экономическим ростом. Эта взаимосвязь заслуживает дальнейшего развития из-за важности, придаваемой ей в классической и кейнсианской теориях, а также из-за новых аспектов, которые она приобретает в современной экономике. Отсюда возникает вопрос о том, влияют ли новые формы экономического роста, наблюдаемые в современном мире, не только на динамику доли факторов производства, но и на степень неравенства в рамках каждой конкретной доли (например, между квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой, между молодыми и старыми трудовыми ресурсами, между сельскохозяйственными и городскими землями, между физическим и человеческим капиталом).

Следующая концепция «экономический рост - структурные изменения - экономический рост». В то время как постклассическая привычка строить теории экономического роста без привлечения капитала сохраняется, теория эндогенного роста стремится построить теорию экономического роста, по крайней мере, с учетом технического прогресса. Какой бы похвальной ни была эта попытка, она, тем не менее, ограничена тем фактом, что структурные изменения – эндогенное явление, когда экономический рост ассоциируется с техническим прогрессом, - в значительной степени игнорируются. В большинстве исследований в теории эндогенного роста действительно приняты как отправные точки моделей такие предположения как предположение об одном товаре, предположение о бесконечно живущем и недифференцированном потребителе, предположение о рациональных ожиданиях и т.д. Например, обучение - это скорее процесс, чем событие, и, скорее всего, оно будет эндогенным в гетерогенной модели, чем в однородной. Отсюда возникает вопрос о том, учитывает ли теория эндогенного роста динамику экономического роста и в какой степени большинство его инструментов и допущений подходят для статического анализа совершенно разных явлений [19].

Ну и третья концепция «свободная торговля – экономический рост». За исключением нескольких исследований, в которых Н. Калдор [29] уделяет особое внимание международной торговле и экономическому росту, эта тема практически не затрагивалась более и не имеет решающего значения в теории эндогенного роста. Однако акцент на этой взаимосвязи так же стар, как и сама теория роста, и, как уже говорилось выше, способствует обозначению ограниченной истинности тезиса А.Смита о том, что разделение труда ограничено масштабами рынка. Удивительно, что авторы ряда исследований теории эндогенного роста уделили так много внимания внешним факторам знаний как безвозмездному фактору роста и так мало внимания свободной торговле, как фактору, влияние которого усилилось наступлением «эпохи интеграции», в которой живет современный мир [39, [51]. Отсюда возникает вопрос касательно эндогенности экономического роста, является ли свободная торговля необходимым фактором этой эндогенности, и если да, то какие меры, направленные на усиление или ослабление этого фактора, могут способствовать процессу эндогенного роста или эндогенного спада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев Н.Г., Арефьева А.И. Экономический рост и идеи. Москва. Государственный университет — Высшая школа экономики, 2010. Препринт WP12/2010/02. Серия WP12. «Научные доклады лаборатории макроэкономического анализа». https://www.hse.ru/data/2010/06/23/1220399037/WP12_2010_02f.pdf
2. Адам Смит Исследование о природе и причинах богатства народов. – Социум, ЛКИ, 2017. – 456 с.
3. Маркс К. Капитал. М.: «АСТ», 2020. 960 с.
4. Полтерович В.М. Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики. Журнал Новой экономической ассоциации, №2 (34), с. 193–201, 2017.
5. Полтерович В.М., Хенкин Г.М. Эволюционная модель взаимодействия процессов создания и заимствования технологий // Экономика и математические методы. Т. 24. Вып. 6. С. 1071—1083. 1988
6. Рикардо Д. Сочинения. Т.1-3. Начала политической экономии и налогового обложения.— М.: Госполитиздат, 1955 .— 360с. (полный текст).
7. Солоу Р.М. Техническое развитие и агрегированная производственная функция //The Rev. Econ. Stat. – 1957. – № 39. – С. 312–320.
8. Хенкин Г.М., Шананин А.А. Математическое моделирование шумпетеровской инновационной динамики // Математическое моделирование. Т. 26. Вып. 8. С. 3—19. 2014
9. Шараев Ю.В. Теория экономического роста. Издательский дом ГУ ВШЭ. Москва 2006
10. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.:«Эксмо», 2007. – С. 11–18.
11. Aghion, Philippe. «Innovation and Growth from a Schumpeterian Perspective» *Revue d'économie politique*, Dalloz, vol. 128(5), pages 693-711. 2018.
12. Archibugi D. and Coco A., A New indicator of technological capabilities for developed and developing countries (ArCo) // *World Development*. – 2004. – № 32. – p. 629–654.
13. Arrow, K., An Extension of the Basic Theorems of Classical Welfare Economics. Chapter presented at the Second Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability, Berkeley, CA, pp. 565-588, 1951.
14. Barro, Robert J. «Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study,» NBER Working Papers 5698, National Bureau of Economic Research, Inc. 1996.
15. Cantner U. and S. Vannuccini., Elements of Schumpeterian catalytic research and innovation policy, presented at the International Schumpeter Society conference in Montreal, presented at the International Schumpeter Society conference in Montreal. 2017
16. Capdevielle M., and Natera, J.M. Innovation, absorptive capacity and growth heterogeneity: Development paths in Latin America 1970–2010. *Structural Change and Economic Dynamics* 37: 27–42, 2016
17. Castellacci F. and Natera J.M. The dynamics of national innovation systems: A panel cointegration analysis of the coevolution between innovative capability and absorptive capacity // *Research Policy*. – 2013. – № 42. – p. 579–594.
18. Cowan R. and Foray D. Evolutionary economics and the counterfactual threat: on the nature and role of counterfactual history as an empirical tool in economics // *Journal of Evolutionary Economics*. – 2002. – № 12. – p. 539–562.
19. Edquist C. (ed.). *Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations*. London: Pinter Publishers/Cassell Academic, pp. 88–99, 1997
20. Fagerberg J. and Verspagen B., Innovation, growth and economic development: Have the conditions for catch-up changed? *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development* 1(1): 13–33, 2007
21. Fagerberg J. Technology and international differences in growth rates // *Journal of Economic Literature*. – 1994. – № 32. – p. 1147–1175.

22. Freeman C. *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*. – London: Pinter Publishers, 1987. – 74–88 p.
23. Grossman, Gene M. «Heterogeneous workers and international trade,» *Review of World Economics* (Weltwirtschaftliches Archiv), Springer; Institut für Weltwirtschaft (Kiel Institute for the World Economy), vol. 149(2), pages 211-245, June. 2013
24. Grupp H. and Schubert T. Review and new evidence on composite innovation indicators for evaluating national performance // *Research Policy*. – 2010. – № 39. – p. 67–78.
25. Harrod, Roy. «International Capital Movements,» Palgrave Macmillan Books, in: *Economic Dynamics*, chapter 9, pages 145-166, Palgrave Macmillan. 1973.
26. Howitt, Peter & Mayer-Foulkes, David. «R&D, Implementation, and Stagnation: A Schumpeterian Theory of Convergence Clubs,» *Journal of Money, Credit and Banking*, Blackwell Publishing, vol. 37(1), pages 147-177, February. 2005.
27. Helpman, Elhanan. «R&D and Productivity: The International Connection». Foerder Institute for Economic Research Working Papers 275633, Tel-Aviv University. Foerder Institute for Economic Research. 1998
28. Jones Charles I. *Population and Ideas: A Theory of Endogenous Growth*. Stanford University Economics Working Paper 97-018 Number of pages: 39 Posted: 22 Apr 1998
29. Kaldor, N. A. Memorandum on the Value Added Tax, submitted to the Committee on Turnover Taxation in July 1963, reprinted in *Essays on Economic Policy*, vol. I (London) pp. 266–293. 1964
30. Kim L. *Imitation to Innovation: The Dynamics of Korea's Technological Learning*. – MA: Harvard Business Press, 1997.
31. Kotsemir M. Measuring National Innovation Systems efficiency – A review of DEA approach. Basic Research Program Working papers WP BRP 16/STI/2013 // National Research University Higher School of Economics. – 2013. – p. 143–167.
32. Lee H.-Y. and Park Y.-T. An international comparison of R&D efficiency: DEA approach // *Asian Journal of Technology Innovation*. – 2005. – № 13. – p. 207–222.
33. Lucas Robert E. Ideas and Growth. NBER Working Paper No. w14133, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1152674>, June 2008
34. Lundvall B. A. *National Systems of Innovation towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. – London: Pinter Publishers, 1992. – 56–72 p.
35. Malerba F., Nelson R., Orsenigo L., and Winter S. *Innovation and the Evolution of Industries: History Friendly Models*. – UK: Cambridge University Press, 2016.
36. Meacci F. (ed.). *Italian Economists of the 20th Century*, Cheltenham: Edward Elgar. 1998
37. Mirrlees, J. A. «Optimum Growth when Technology is Changing,» *The Review of Economic Studies*, Review of Economic Studies Ltd, vol. 34(1), pages 95-124. 1967.
38. Nasierowski W. and Arcelus F.J. On the efficiency of National Innovation Systems // *Socio-Economic Planning Sciences an International Journal*. – 2003. – № 37. – p. 215–234.
39. Nelson R.R. *National Innovation Systems*. – NY: Oxford University Press, 1993. – 104–113 p.
40. Ramanathan, Ram, *An Introduction to Data Envelopment Analysis*. New Delhi: Sage Publications, pp. 211–237, 2009
41. Ray, Subhash C. *Data Envelopment Analysis. Theory and Techniques for Economics and Operations Research*. – Cambridge University Press, 2004. – 177–205 p.
42. Romer P., Endogenous technological change. *J. Pol. Econ.* 98 (5), 71–102. Royal Society, 1985. The Public Understanding of Science. Report of a Royal Society AdHoc Group Endorsed by the Council of the Royal Society (“Bodmer Report”). Royal Society, London. de Saille, S., 2015. Dis-inviting the unruly public. *Sci. Cult.* 24, 99–107, 1990
43. Sala-i-Martin, Xavier. «Cross-sectional regressions and the empirics of economic growth,» *European Economic Review*, Elsevier, vol. 38(3-4), pages 739-747, April. 1994.

44. Schumpeter J.A., *Capitalism, Socialism and Democracy*, Routledge, London, 1942
45. Shell, Karl. «Toward A Theory of Inventive Activity and Capital Accumulation,» *Levine's Working Paper Archive* 1407, David K. Levine. 2010.
46. Smith A. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». A new edition in four volumes. London, 1843, vol. I, p. 172-173
47. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // *The Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – № 70. – p. 65–94.
48. Steedman I. On the Marginalist Theory of 'Capital Supply' *Metroeconomica* 67(1) August 2015 67(1). doi:10.1111/meca.12095. August 2015
49. Taylor, John B. «The Evolution of Ideas in Macroeconomics,» *The Economic Record*, The Economic Society of Australia, vol. 65(2), pages 185-189, June. 1989.
50. Weel B., Soete L. and Verspagen B. *Systems of Innovation*, CPB Discussion Paper // CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. – 2010. – p. 215–237.
51. Whitley R.D. *National Innovation Systems*. / *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. – Amsterdam: Elsevier Science, 2001. – 323–345 p
52. Uzawa, H. «Optimal Growth in a Two-Sector Model of Capital Accumulation,» *The Review of Economic Studies*, *Review of Economic Studies Ltd*, vol. 31(1), pages 1-24. 1964.
53. Young L. & Stephen P. Magee. «Endogenous Protection, Factor Returns and Resource Allocation,» *The Review of Economic Studies*, *Review of Economic Studies Ltd*, vol. 53(3), pages 407-419. 1986

The theory of endogenous growth: the study of historical prerequisites and retrospective features of evolution within the framework of individual macroeconomic paradigms and models of economic growth

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich

Doctor of Economics, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: matrizaev@mail.ru

Abstract. To date, the main research on macroeconomic theory identifies five main factors of economic growth that will be decisive in the coming decades: population and human capital; capital and capital markets; globalization and trade; technology and innovation, as well as new frontiers for productivity growth. It remains an undeniable fact that innovations stimulate modern economic growth. At the same time, in the process of its evolution, any macroeconomic paradigm faces certain limitations associated with changes in the socio-economic system of society, and as a result, there is a need to rethink what are the historical prerequisites and retrospective features of the evolution of the endogenous macroeconomic theory of economic growth. The purpose of the article is to study the nature of similarities and contradictions, and the nature of the mutual influence of various macroeconomic paradigms within the framework of the evolution of the endogenous macroeconomic theory of economic growth; the roles of generalizing and separating factors that cause the emergence and development of individual elements of this macroeconomic paradigm. The scientific novelty of the article is presented by the author's new critical view of the study of historical prerequisites and retrospective features of the evolution of individual macroeconomic theories and models of economic growth, especially the endogenous growth model, in order to show that the nature of innovation itself has an ambiguous assessment from the side of macroeconomic science.

Keywords: macroeconomic theory, endogenous growth, economic growth, innovative dynamics, methodology, model

К вопросу о вреде избыточного документооборота

Цуриков Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кострома, Российская Федерация

E-mail: tsurikov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема избыточного документооборота и ненужной отчетности, захлестнувших бюджетные организации современной России и приводящих к огромным затратам времени и сил работников бюджетной сферы. Цель статьи состоит в том, чтобы с помощью математического моделирования проанализировать причины образования и результаты избыточного документооборота и рассмотреть возможности для его регулирования. В основу модели положены следующие предположения. Агент (сотрудник бюджетной организации) не может уклониться от выполнения выдаваемого чиновником задания, предусматривающего составление того или иного документа в виде отчета, плана, программы. Чиновник (представитель вышестоящей организации или органов государственного управления) имеет неконтролируемую возможность требовать от подведомственной организации выполнения выдаваемого им задания в назначаемый им же срок. Показано, что если чиновник использует получаемые им документы в личных целях, то ему выгодно неограниченно увеличивать трудоемкость возлагаемой на агента отчетной нагрузки. Под влиянием бумажного прессинга агент вынужден сокращать все свои оплачиваемые усилия, направленные на выполнение должностных обязанностей, вплоть до их некоторого минимального значения, полностью исключаяющего проявление любой активности и инициатив. Из полученных результатов следует, что нет никаких оснований для того, чтобы обвинять такого чиновника, максимизирующего свою функцию полезности, в каких-либо враждебных намерениях. Обсуждаются четыре возможных к практическому применению меры для ограничения и регулирования бумаготворческой активности чиновника: 1) компенсация затрачиваемых сотрудниками подконтрольной организации усилий на составление требуемых документов; 2) обложение контролирующей организации корректирующим налогом на использование трудовых ресурсов подконтрольной организации; 3) сокращение кадров в контролирующей организации с сохранением всех функций и фонда заработной платы; 4) введение на законодательном уровне ограничений на количество, виды и размеры документов, которые контролирующая организация вправе требовать от подконтрольной.

Ключевые слова: избыточный документооборот, бюрократизация, отчетная нагрузка, отчетность, бумажный прессинг, чиновник

JEL codes: C62, D62, D73

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-74-87>

Для цитирования: Цуриков, В.И. К вопросу о вреде избыточного документооборота / В.И. Цуриков. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.74-87. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Статья посвящена проблеме избыточного документооборота, сложившегося в бюджетных организациях РФ. На актуальность этой проблемы указал в своем выступлении на XVIII Общероссийском форуме, проходившем в октябре 2019-го года в Санкт-Петербурге, Максим Орешкин, руководивший в то время Министерством экономического развития. Вот как об этом сообщает «Интерфакс»: «Госаппарат тратит огромное количество времени и ресурсов на ненужную отчетность, это одно из препятствий на пути к реализации национальных целей, считает глава Минэкономразвития РФ Максим Орешкин. В качестве примера избыточного “бумажного” регулирования он назвал количество справок, которые приходится готовить по требованию Счетной палаты» [14].

Сайт Минэкономразвития РФ на страничке «Максим Орешкин рассказал о системных проблемах реализации нацпроектов» сообщает: «Среди других проблем министр выделил сложность бюрократических процедур и отчетности. По каждому нацпроекту сотрудники министерства регулярно отправляют справки. “Все это происходит на бумаге, каждый раз происходит зачастую в

новой форме, под новым углом. Сотрудники сидят и пишут-пишут-пишут, отправляют», – отметил министр» [11].

Максим Орешкин вспомнил высокопоставленного сотрудника британской Ми-6 Кима Филби, работавшего на советскую разведку. По словам К. Филби, он позволял «советским агентам работать в полный рост, поскольку сотрудники контрразведки Ми-6 были заняты написанием никчемных бумажных справок и отчетов» [14]. М. Орешкин процитировал Кима Филби: «Когда мой сотрудник начинал активно вести работу ... я заваливал его никому ненужной бумажной рутинной, и его активность очень быстро сводилась на нет. Я горжусь тем, что лично разработал и ввел несколько новых форм отчетов» [11].

В данной статье под алгоритмом Кима Филби и подразумевается этот прием – для нейтрализации и пресечения активной и успешной работы сотрудника заваливать «его никому ненужной бумажной рутинной».

Девятый вал отчетности

Оказывается, что среди высокопоставленных госслужащих не только Максим Орешкин недоволен «сложностью бюрократических процедур и отчетности».

Отвечая на вопрос, насколько остра проблема отчетности, Вячеслав Никонов в свою бытность председателем Комитета Государственной Думы по образованию сказал: «Да просто стон вселенский стоит во всех образовательных организациях Организации готовят в год порядка 300 отчетов, что больше количества рабочих дней в году, с числом показателей около 15 тысяч. Из них около 80 процентов первично заполняется непосредственно педагогическими работниками» [13].

На заседании Совета по науке и образованию, состоявшемся 20 декабря 2013-го году, глава РАН В.Е. Фортов поднял вопрос о бюрократизации науки. Вот цитата из его выступления: «Бюрократизм, волокита, бумажотворчество, а на самом деле безответственность, мелочная опека и диктат махрового чиновника превратились сегодня у нас в тяжелейшую, всеми признанную проблему, от этого страдают буквально все. ... В науке постоянно усиливается диктат малокомпетентных чиновников, слабо либо вообще не представляющих, что такое настоящая наука, поэтому вводящих новый и малоосмысленный критерий, требующий от учёных горы бумаг» [19].

В последние годы в научной литературе появилось множество работ, посвященных проблеме бюрократизации и избыточности отчетной нагрузки в средней и высшей школе. Например, в работе [3], основанной на анализе 50-ти глубинных интервью, авторы пришли к выводу о том, что в качестве одного из последних важнейших институциональных изменений в высшем образовании респонденты усматривают бюрократизацию. В качестве примеров приводятся следующие высказывания респондентов: «Огромное количество ненужной, бессмысленной работы», «Эта нагрузка не связана с преподаванием, она бессмысленна», «Мы тратим так много сил и времени на обеспечение учебного процесса, что до самого процесса часто руки просто не доходят» [3, с. 65].

Представитель социологии (д.с.н.) П.А. Амбарова в своей статье под названием «Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России» приводит следующий отрывок из интервью с преподавателем:

«Мы только пишем и переписываем программы А качественно подготовиться к лекциям, прочитать новую статью или монографию некогда. ... А кто заглядывает в эти программы? Кто ими руководствуется? Кому они нужны? Только проверяющим, комиссиям и нашим шкафам, в которых все эти программы хранятся» [1, с. 179].

Как мне представляется, под этими словами относительно бессмысленного и бесконечного написания и переписывания планов, программ и отчетов, чем вынуждены заниматься преподаватели во имя, если воспользоваться метафорой Карла Маркса, «грызущей критики мышей» [12, с. 8], готовы подписаться очень многие преподаватели высшей школы.

Другой представитель социологии (д.с.н.) А.М. Осипов в своей статье «Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании», отметив, что для российской науки проблема

бюропатологии является новой, дает следующее определение: «С позиции зарубежных ученых бюропатология выражается в росте безответственности и коррупции, в отчуждении персонала и институтов гражданского общества от выработки решений, в деформации организационно-нормативной структуры и профессиональных культур ..., в болезненном социальном расслоении персонала [15, с. 954].

На бессмысленность отчетной нагрузки в вузе, непродуктивную трату сил и времени преподавателя на ее выполнение в ущерб учебной и научной работе, на необходимость дебюрократизации высшей и средней школы, на отрицательные последствия реформ указывают в своих статьях Ю. Тамбиянц и В. Шалин [20], Ж. Тощенко [23], М. Курбатова и И. Донова [7], О. Смолин [18], А. Слива и др. [17], К. Каплун и Д. Труханович [5].

Красноречив следующий результат Интернет-анкетирования 450-ти вузовских преподавателей: «Три четверти опрошенных преподавателей (74,5%) посчитали, что в первую очередь необходимо уменьшить учебную нагрузку и сократить количество отчетной документации» [6, с. 77].

Бюрократизация охватила не только образование и науку. Например, д.ю.н. С.Ю. Бытко дал одной из своих статей очень жесткое и красноречивое название: «Бюрократизация правоохранительной системы как криминогенный фактор». Отметив, что «Формализация системы отчетности в ОВД приводит к деформации правоприменительной практики» [2, с. 252], он выносит довольно строгий вердикт: «...бюрократизацию правоохранительной системы следует рассматривать как самостоятельный фактор преступности, а преодоление бюрократизма в этой сфере – как одно из направлений предупреждения преступности» [2, с. 256].

Интересно отметить некоторую параллель, просматриваемую в оценках министра М. Орешкина и профессора-юриста С. Бытко. Дело в том, что М. Орешкин на XVIII Общероссийском форуме расценил избыточную отчетность, насаждаемую Счетной палатой, как враждебную [11, 14].

Цель и задачи, теория и методы

Прежде всего, следует отметить, что в статье не ставится задача проведения анализа методов и результатов реформирования научной и образовательной деятельности. Этому анализу посвящены, например, работы [4, 8-9, 16, 21-22]. Цель статьи состоит только в том, чтобы, исходя из предположения (очень похожего, как показано выше, на достоверный факт) о существовании в ряде бюджетных организаций избыточного документооборота, показать, что простая личная заинтересованность в получении справок и отчетов вполне себе заурядного рядового чиновника, не имеющего никаких враждебных намерений, может играть роль основной причины, порождающей неудержимый вал отчетности, действительно способного создать серьезное препятствие на пути к достижению национальных целей.

Для достижения цели статьи ставятся следующие задачи.

1. Построение предельно простой математической модели взаимодействия чиновника и сотрудника подконтрольной бюджетной организации, основанной на предположении о том, что чиновник выдает сотруднику некое задание на предмет составления того или иного документа, а тот обязан его выполнить.

2. В рамках модели выявить причины и последствия образования избыточного документооборота.

3. Сформулировать предложения по обузданию бумаготворческой активности чиновника.

Предлагаемая в статье модель удовлетворяет требованиям неоклассической теории и, соответственно, принципу методологического индивидуализма, предполагающему рациональность индивида и его стремление к максимуму собственного индивидуального выигрыша.

Поставленные задачи имеет некоторое сходство с проблемой «принципал-агент», возникающей в том случае, в котором агент, преследующий личные цели, выполняет поручение принципала в условиях асимметрично распределенной информации [31, 33]. Однако нашу задачу нельзя в полной мере рассматривать как частный случай этой проблемы. Дело в том, что в моделях принципал-агентских отношений принципал фактически заключает с агентом взаимовыгодное соглашение. В нашей же

модели никакого соглашения и никакой компенсации со стороны чиновника затрачиваемых агентом усилий не предусматривается. Чиновник использует административный ресурс и, соответственно, решаемая в статье задача относится к задачам экономики бюрократии, основные положения которой были сформулированы в работах [30, 34-35, 39]. По типологии мотивов бюрократов, предложенной Энтони Даунсом, рассматриваемый нами чиновник является карьеристом («эгоистический» чиновник), преследующим исключительно личные цели – собственные престиж, власть, доход [30, р. 88].

Поведение бюрократа такого типа к настоящему времени представлено математическими моделями довольно широко. В первую очередь это относится к моделям коррупционного поведения чиновника, которое зависит от ряда различных факторов, таких, например, как род его деятельности, отношение к риску, степень неопределенности, наличие или отсутствие конкурентов, вероятность наказания и т.п. [10]. Например, Сьюзан Роуз-Аккерман разработала целый ряд моделей поведения коррумпированного чиновника, наделенного полномочиями заключать контракты на поставку продукции [38], а в моделях [27] исследуется поведение чиновника, выдающего по результатам тестирования разрешение на осуществление некоторой деятельности. В работе [28] проведено исследование взаимосвязи бюрократической коррупции с развитием теневого сектора экономики.

Помимо работ, посвященных анализу коррупционного поведения «эгоистического» чиновника, исследуется роль бюрократов других типов [25, 32,], изучается связь качества бюрократии и мотивации чиновников с политическими неудачами [36] и экономическим развитием [26], осуществляется поиск причин низкой эффективности бюрократии [37] и т.п.

Кроме статьи [24], нам не известны работы, посвященные математическому моделированию поведения чиновника, создающего избыточный документооборот. В отличие от модели, представленной в [24], предлагаемая здесь модель гораздо проще, что делает более наглядными причину роста документооборота, его последствия, а также вытекающие из модели рекомендации по принятию мер, направленных на снижение бумаготворческой активности чиновника.

Модель алгоритма Кима Филби

Обратимся к построению простейшей модели отношений между чиновником и сотрудником бюджетной организации, которого ниже для краткости мы будем называть агентом. Чиновником мы будем называть представителя вышестоящей организации или органов государственного управления, который имеет право и возможность требовать от подконтрольной бюджетной организации предоставления ему в назначаемый им срок тех или иных документов, составляемых по предлагаемой им форме.

Предполагается, что чиновник не оказывает никакого влияния на условия труда или вознаграждение агента. Между ними вообще может отсутствовать любая непосредственная связь, а взаимоотношение осуществляться через одно или несколько иерархических звеньев. Взаимодействие между чиновником и агентом заключается только в следующем: со стороны чиновника поступает требование составить ту или иную справку, предоставить план какого-либо мероприятия и/или отчет о его проведении, сформулировать те или иные предложения по организации, участию, повышению, выполнению, улучшению чего-либо и т.п. Агент в свою очередь не может игнорировать эти требования и выполняет соответствующую работу, не получая за нее никакого (ни материального, ни нематериального) вознаграждения. Для упрощения модели будем считать, что все задания чиновника выполняет один и тот же агент.

Если судить по сложившемуся к настоящему времени валу отчетности и документооборота в бюджетных организациях, то можно думать, что кто-то в нем заинтересован. Если отбросить мысль о существовании некоего зловредного центра, управляющего данным процессом, то остается только считать, что этот вал порождают сами чиновники. Иначе говоря, мы должны признать, что сотрудники контролирующих и управляющих организаций имеют свой интерес в таком документообороте с подотчетными им учреждениями. Другими словами, чиновник получает некоторую полезность от

предоставляемых ему сотрудниками подконтрольной организации подготавливаемых ими для него справок и отчетов.

Эта полезность может быть обусловлена различными факторами. Прежде всего, надо учесть, что чиновник всегда заинтересован в демонстрации перед руководством своей компетентности. Поэтому он стремится к регулярной подаче своему руководителю сигналов о своем крайне ответственном отношении к порученному ему делу. В целях создания имиджа старательного, трудолюбивого и перспективного работника, он должен постоянно демонстрировать свою готовность ответить на любой вопрос относительно состояния дел в курируемой им бюджетной организации, в том числе готовность подтвердить свое мнение соответствующей справкой, заверенной руководителем этой организации. Нельзя также исключить, что заинтересованность чиновника в получении различных справок и отчетов, может быть обусловлена и какими-то другими причинами, например сбором материала для написания им или его родственником диссертации.

В основу предлагаемой ниже математической модели и положена такая заинтересованность чиновника. Адекватность модели позволяет увидеть возможности для противодействия безудержному росту интенсивности документооборота и сформировать соответствующие рекомендации по его сдерживанию. Для того чтобы не утяжелять получаемые в модели формулы излишними коэффициентами, будем считать все используемые величины безразмерными.

Представим доход сотрудника бюджетной организации в виде суммы двух частей. Первая из них равна фиксированной величине D_0 , начисляемой ему в виде денежного вознаграждения за работу, требующую приложения усилий в минимальном объеме σ_0 . Вторая часть дохода формируется за счет проявления агентом активности и инициатив, требующих от него приложения дополнительных усилий, объем которых обозначим через σ_{ak} . Будем считать, что величина этой второй части дохода прямо пропорциональна размеру его дополнительных усилий σ_{ak} . Так как величина всех его усилий, направленных на получение дохода, равна

$$\sigma = \sigma_a + \sigma_{ak} \quad (1)$$

то выражение для его дохода имеет вид:

$$D = D_0 + k \sigma_{ak} \quad (2)$$

где коэффициент пропорциональности k представляет собой величину оплаты единицы дополнительных усилий агента. За единицу усилий можно брать объем усилий, осуществляемых в течение учебного или календарного года. В качестве примера отметим, что у преподавателя вуза или школы вторая часть дохода может формироваться за счет проведения дополнительных платных курсов, подготовки учащихся к конкурсу или олимпиаде, премий за публикационную активность и/или за ту или иную удачно проявленную и реализованную инициативу, за оказание репетиторских услуг и т.п.

Необходимо отметить, что помимо работы, выполняемой за денежное вознаграждение, агент может выполнять некоторые виды работ бесплатно. Например, учитель может безвозмездно консультировать учащихся, пропустивших занятия по болезни, вести какой-либо научный кружок, более тщательно, чем того требует минимальный уровень подготовки, готовиться к занятиям и пр. Вузовский преподаватель безо всякой оплаты может, помимо перечисленного, проводить научные исследования, выполнять обязанности члена редколлегии или диссовета, осуществлять работу рецензента, состоять в комиссии или комитете по организации и проведению какого-либо конкурса, семинара, конференции и т.п.

Такого рода деятельность вполне способна вызывать у агента моральное удовлетворение, проистекающее от осознания выполняемой им социально значимой работы. Фактически в этом случае агент за свои формально неоплачиваемые дополнительные усилия получает нематериальное вознаграждение, которое соответствует положительному значению Δ -параметра, введенному С. Крауфордом и Э. Остром в [29]. Поэтому если агент от своей деятельности испытывает моральное удовлетворение, то его соответствующие усилия мы также будем считать оплачиваемыми. С учетом

нематериального вознаграждения выражение (2) следует трактовать не как доход, а как полезность U .

Помимо оплачиваемых усилий (1) агент вынужден осуществлять неоплачиваемые усилия, направленные исключительно на удовлетворение требований чиновника. Обозначим их объем через σ_b и будем считать его пропорциональным объему x_b тех усилий чиновника, которые он направляет на излишний документооборот:

$$\sigma_b = ax_b, \quad (3)$$

где коэффициент пропорциональности $a > 0$. Такая зависимость обусловлена существованием связи между усилиями чиновника и агента. Ведь чиновнику для оформления своего задания, так или иначе, приходится затрачивать усилия на формулировку перечисленных задач и разработку формы предоставления информации, а также на ознакомление с получаемым в результате документом и его использование.

Чиновник, так же, как и агент, вынужден заниматься собственной отчетностью. Объем соответствующих усилий прямо пропорционален тем усилиям, которые прилагает его руководитель или вышестоящий чиновник, имеющий возможность обременять нашего чиновника требованием предоставлять те или иные документы. Будем считать объем неоплачиваемых усилий чиновника постоянной величиной b . Соответственно, объем всех осуществляемых чиновником усилий равен

$$x_0 + x_b + b$$

где x_0 – минимальная часть его усилий, оплачиваемая в размере D_{0x} .

Зависимость издержек и агента, и чиновника от размера осуществляемых усилий можно представить в виде возрастающей и строго выпуклой вниз функции. В частности, для объема усилий t такой

$$I = \frac{1}{2}t^2 \quad t \geq 0 \quad (4)$$

С учетом введенных обозначений выражение для полезности агента примет вид:

$$U = D_0 + k(\sigma - \sigma_0) - \frac{1}{2}(\sigma + ax_b)^2 \quad (5)$$

Аналогично для полезности чиновника получим:

$$U_c = D_{0c} + hax_b - \frac{1}{2}(x_0 + x_b + b)^2 \quad (6)$$

где коэффициенты пропорциональности $q, h > 0$. Слагаемое hax_b обусловлено той полезностью, которую чиновник получает от неоплачиваемых усилий агента, составляющего ему документы.

И агент, и чиновник заинтересован в максимуме своей полезности. При этом агент выбирает уровень своих усилий σ , а чиновник – уровень своих усилий x_b . Функция полезности чиновника (6) строго выпукла вверх. Ее производная имеет вид:

$$(U_c)'_{x_b} = ah - x_0 - x_b - b \quad (7)$$

Предположим, что параметры a, h, b, x_0 удовлетворяют условию:

$$ah - x_0 - b > 0 \quad (8)$$

В этом случае функция полезности чиновника имеет максимум, который достигается при уровне усилий

$$x_b = ah - x_0 - b > 0 \quad (9)$$

отвечающему условию $(U_c)' = 0$.

Функция полезности агента (5) также строго выпукла вверх и поэтому может иметь не более одного максимума. Так как производная функции (5) имеет вид:

$$\frac{\partial U}{\partial \sigma} = k - \sigma - ax_b \quad (10)$$

то максимум функции U удовлетворяет условию

$$\sigma = k - ax_b \quad (11)$$

Подставив в (11) выражение усилий чиновника из (9), получим:

$$\sigma = k - a(ah - x_0 - b) \quad (12)$$

В случае выполнения неравенства

$$k - a(ah - x_0 - b) \leq \sigma_0 \quad (13)$$

объем оплачиваемых усилий агента принимает наименьшее значение $\sigma = \sigma_0$, и соответственно, $\sigma_{ak} = 0$. Как видим, в этом случае все усилия агента направлены только на удовлетворение требований чиновника (написание различных справок и отчетов) и на выполнение своих профессиональных обязанностей исключительно в минимальном объеме. Никакой активности и никаких инициатив агент не проявляет. Для преподавателя это означает, что он в первую очередь снижает до минимума время, уделяемое научной работе, подготовке к занятиям и их проведению.

Если же неравенство (13) не выполняется, то оптимальный объем усилий агента определяется выражением (12). В этом случае $\sigma > \sigma_0$ и $\sigma_{ak} > 0$.

Таким образом, чиновнику невыгодно прилагать усилия для создания излишнего документооборота только в том случае, в котором, как следует из (8), справедливо неравенство:

$$ah \leq x_0 + b \quad (14)$$

Другими словами, неравенству (14) отвечают нулевая направленная на избыточность документооборота активность чиновника: $x_0 = 0$ при максимальной активности агента: $\sigma > k$, $\sigma_{ak} = k - \sigma_0$.

Если оказывается справедливым неравенство (13), которое мы перепишем в виде:

$$ah \geq x_0 + b + \frac{k - \sigma_0}{a} \quad (15)$$

то, согласно (9), усилия чиновника, усилия агента минимальны, и его активность равна нулю.

В случае выполнения двойного неравенства

$$x_0 + b < ah < x_0 + b + \frac{k - \sigma_0}{a} \quad (16)$$

активность, направленную на избыточный документооборот, проявляют оба актора: согласно (9), $x_b = ah - x_0 - b > 0$ и, согласно (11) и (16), $\sigma_{ak} = k - ax_b - \sigma_0 > 0$.

Если полагать, что все параметры сохраняют свои значения, то оптимальные уровни усилий, направленных на избыточность документооборота, однозначно определяется условиями (14)-(16) и выражениями (9) и (11). Во всех случаях каждый из участников максимизируют свою полезность. А так как никому из них невыгодно в одностороннем порядке менять уровень своих усилий, направленных на избыточный документооборот, то оба агента находятся в состоянии равновесия Нэша.

Однако, как легко видеть, усилия обоих агентов находятся в сильной зависимости от значения параметра a . А величину этого параметра чиновник может легко менять, причем в довольно значительных пределах. Параметр a определяет величину обусловленных отчетностью усилий агента, приходящихся на единицу усилий чиновника. Для повышения его значения чиновнику достаточно, например, просто потребовать предоставлять ему тот или иной отчет чаще или включить в старую форму новые показатели или потребовать представлять более детальные и обстоятельные материалы,

т.е. не затрачивая сколько-нибудь заметных усилий значительно увеличить трудоемкость составления и информативность документа. Конечно, при условии, что этими добавочными сведениями чиновнику в той же степени, что и прежними, удастся произвести положительное впечатление на свое руководство.

На просторах интернета легко получить сведения, подтверждающие эти возможности чиновника. Например, в средней школе на учителей вполне может обрушиться требование (и подобные попытки уже были) заниматься мониторингом социальных сетей своих учеников, проверять их аккаунты, следить за их подпиской на те или иные сайты, просматривать те сайты, которые посещают учащиеся, осуществлять поиск подозрительных постов и фотографий, причем не только своих учеников, но и их друзей на предмет выявления признаков асоциального поведения с выявлением лидеров тех или иных группировок, вести регулярную отчетность с приложением скриншотов, доводить результаты до сведения руководства и родителей учеников и т.п.

Так как рост параметра a влечет за собой, как следует из (9), рост объема усилий чиновника, a , значит, и рост издержек, то необходимо убедиться в том, что чиновнику повышать параметр a выгодно. Подставим в функцию полезности чиновника (9) выражение оптимального уровня его усилий (11). Получим:

$$U_c = D_{0c} + ah(ah - x_0 - b) - \frac{1}{2}(ah)^2 = D_{0c} + \frac{1}{2}(ah)^2 - ah(x_0 + b) \quad (17)$$

Производная этой функции по a имеет вид:

$$\frac{\partial U_c}{\partial a} = h(ah - x_0 - b) \quad (18)$$

Из (18) видно, что при условии $ah > x_0 + b$ функция дохода чиновника является возрастающей по значению параметра a , откуда следует, что чиновнику выгодно неограниченно увеличивать значение параметра a . С ростом a , согласно (12), в силу неумолимого возрастания бумажного прессинга неуклонно снижается величина усилий агента σ , пока не примет наименьшее значение σ_0 .

Таким образом, если чиновник в стремлении к повышению собственного выигрыша, неограниченно увеличивает издержки агента (3), обусловленные отчетностью, то, в конце концов, агент снижает свою активность до нуля в полном соответствии с алгоритмом Филби.

Интересно отметить, что на том Форуме, на котором Максим Орешкин сетовал на чрезмерное бумажное регулирование, он после своего рассказа о найденном Кимом Филби способе парализовать успешную активность любого контрразведчика, предложил председателю Счетной палаты Леониду Кудрину поискать в своем ведомстве скрытых врагов. По его словам, только их наличием можно объяснить требования Счетной палаты заполнять огромное количество ненужных справок, создавая тем самым препятствия для работы Минэкономразвития РФ [11, 14]. Можно отметить, что Максим Орешкин совершенно справедливо указав на вред, причиняемый избыточным документооборотом, не вполне прав, усматривая причину этой избыточности только в поисках скрытых врагов.

Обсуждение, результаты и выводы

Будем исходить из того, что девятый «бумажный» вал избыточного регулирования обусловлен, как получается в рамках рассматриваемой модели, простым стремлением чиновников к повышению своей полезности. Возникает вопрос, как обуздать этот вал?

В силу того, что вред, наносимый активностью чиновника, представляет собой отрицательную экстерналию, относящуюся к числу принципиально компенсируемых, то, согласно экономической теории, ее следует просто интернализировать. Другими словами, следует переложить на получателя выгоды, т.е. на чиновника, все те издержки, которые несет агент, выполняя его требования.

Самый простой вариант для практической реализации состоит в осуществлении чиновником полной или частичной компенсации агенту затраченных им усилий на составление документа. Если

размер компенсационных выплат прямо пропорционален усилиям агента, то такая компенсация равносильна покупке чиновником документа у агента. В этом случае функции полезности агента и чиновника с учетом компенсации примут вид:

$$U = D_0 + k(\sigma - \sigma_0) + apx_b - \frac{1}{2}(\sigma + ax_b)^2 \quad (19)$$

$$U_c = D_{0c} + ahx_b - apx_b - \frac{1}{2}(x_0 + x_b + b)^2 \quad (20)$$

где коэффициент пропорциональности $p > 0$. Параметр p играет роль цены единицы усилий агента. Легко видеть, что в случае выполнения неравенства

$$p \geq h \quad (21)$$

всякая деятельность, направленная на избыточность документооборота, становится для чиновника невыгодной, т.е. в этом случае $x_b = 0$.

Рассмотрим случай невыполнения неравенства (21). Из сравнения функций (6) и (20) сразу видно, что формулы (7)-(9) и (12)-(18), полученные для функции (6), в результате замены параметра h на параметр $(h-p)$ становятся справедливыми для функции (20). Поэтому теперь чиновнику имеет смысл направлять свои усилия на документооборот только в том случае, в котором выполняется условие:

$$a(h - p) > x_0 + b \quad (22)$$

При этом оптимальный объем этих усилий выражается в виде:

$$x_b = a(h - p) - x_0 - b > 0 \quad (23)$$

Как следует из (22)-(23) величиной параметра p можно полностью регулировать деятельность чиновника, направленную на документооборот. Отметим, что в результате перемещения отношений между чиновником и агентом в товарно-денежную плоскость проблема избыточного документооборота перейдет в проблему «принципал-агент» с сопутствующим моральным риском.

Другая возможность для снижения активности чиновника, направленной на документооборот, состоит, как видно из условий (7), (14), (22)-(23), в увеличении значения параметра x_0 , представляющего собой тот минимальный объем усилий, который необходимо приложить чиновнику для сколь угодно удовлетворительного выполнения своих служебных обязанностей. Для увеличения значения этого параметра достаточно просто сократить численность чиновников в соответствующем министерстве или департаменте. При этом можно полностью сохранить фонд зарплаты, что отразится в нашей модели в росте величины D_{0x} .

Следует отметить, что во всех формулах параметры x_0 и b фигурируют в виде суммы $x_0 + b$. Поэтому любое изменение значения параметра b равносильно такому же изменению параметра x_0 . Отсюда следует, что регулировать бумаготворческую активность чиновника можно изменением параметра b . Рост его значения означает применение к чиновнику алгоритма Филби, т.е. заваливание его «ненужной бумажной рутинной». Эту меру нельзя считать рациональной, так как она не влечет за собой общего снижения избыточного документооборота, а только инициирует его перемещение из одной организации в другую.

Третья возможность для обуздания чиновничьего стремления к бумаготворчеству состоит в обложении контролирующей организации корректирующим (пигуанским) налогом на использование трудовых ресурсов подконтрольной бюджетной организации. Причем вся тяжесть этого налога должна лежать на самих чиновниках. Рассмотрим случай, которым предусматривается снижение денежной выплаты чиновнику на величину, определяемую объемом неоплачиваемых усилий агента. Функция полезности чиновника в этом случае принимает вид:

$$U_u = D_{0u} + ahx_b - f(\sigma_b) - \frac{1}{2}(x_0 + x_b + b)^2 \quad (23)$$

где $f(\sigma_b)$ и возрастает при всех $\sigma_b > 0$. Для того, чтобы сохранить вид зависимости усилий чиновника и агента от всех остальных параметров, используем вместо функции $f(ax_b)$ функцию $f(a)$ вида:

$$f = q(ah - x_0 - b)^\gamma \quad (24)$$

где постоянные $q > 0$, $\gamma > 2$. В этом случае производная по x_b от функции (23) с учетом (24) имеет тот же вид, что производная (7) от функции (6). Соответственно, для функций (6) и (23) совпадают все формулы (8)-(18).

Убедимся в этом. Предположим, что условие (8) выполняется, т.е. исходим из того, что чиновник удачно для своих личных целей использует документы, получаемые от агента. В этом случае вводится налогообложение, и функция полезности чиновника (23) принимает вид:

$$U_u = D_{0u} + ahx_b - q(ah - x_0 - b)^\gamma - \frac{1}{2}(x_0 + x_b + b)^2 \quad (25)$$

Функция (25) строго выпукла вверх по обоим аргументам и достигает максимума при выполнении условий:

$$\frac{\partial U_u}{\partial x_b} = 0, \quad \frac{\partial U_u}{\partial a} = 0 \quad (26)$$

из которых получаем уравнения:

$$ah - x_0 - x_b - b = 0 \quad (27)$$

$$hx_b - qh\gamma(ah - x_0 - b)^{\gamma-1} = 0 \quad (28)$$

Как видим, действительно, выражение (27) совпадает с (9). Подставив значение x_b из (27) в (28), получим

$$hx_b(1 - q\gamma(x_b)^{\gamma-2}) = 0$$

откуда следует выражение для того объема усилий чиновника, при котором его полезность достигает максимума:

$$x_b = \left(\frac{1}{q\gamma} \right)^{\frac{1}{\gamma-2}} \quad (29)$$

Из (29) следует, что выбор значения γ (при выполнении условия $\gamma > 2$) и варьирование значений множителя q позволяют регулировать оптимальную для чиновника величину его усилий x_b и, соответственно, величину параметра a . Отсюда следует, что выбором значения коэффициента q можно регулировать, и в том числе, снижать до сколь угодно малой величины объем усилий агента $\sigma_b = ax_b$, направленных на выполнение заданий чиновника.

И в качестве последнего, причем, по-видимому, наиболее простого для практического внедрения способа укрощения бумаготворческого пыла чиновника можно рассматривать введение на законодательном уровне ограничения на количество тех документов и содержащихся в них показателей, которые должна оформлять подконтрольная организация.

Заключение

В основу предложенной в статье модели положено предположение о том, что чиновник, представляющий вышестоящую организацию или органы государственного управления, может

получать некоторую полезность от тех документов, которые для него по его требованию готовят сотрудники подконтрольной организации. Этого условия вполне достаточно для вывода о том, что такой чиновник в условиях отсутствия контроля над его активностью, направленной на документооборот, будет неограниченно увеличивать его интенсивность, вынуждая сотрудников подконтрольных организаций затрачивать, по словам Максима Орешкина, «огромное количество времени и ресурсов на ненужную отчетность» [14].

Следует подчеркнуть, что согласно модели, нет никаких оснований для того, чтобы обвинять нашего чиновника в каких-либо преступных или враждебных намерениях. Его поведение нельзя даже расценивать как оппортунистическое, так как он не нарушает никаких соглашений. Весь вред, проистекающий от его бумаготворческой активности, может быть объяснен желанием выслужиться при отсутствии контроля за этой составляющей его профессиональных обязанностей.

Анализ модели позволяет выявить несколько различных возможных к практическому применению мер для ограничения и регулирования бумаготворческой активности чиновника. Перечислим их.

1. Компенсация затрачиваемых сотрудниками подконтрольной организации усилий на составление требуемых документов. Эту компенсацию можно рассматривать как покупку контролирующей организацией у подконтрольной соответствующих справочных и отчетных материалов, не входящих в некоторый заранее определенный минимум. Если соответствующее соглашение достигается без использования административного ресурса при небольших транзакционных издержках, то этот вариант представляется оптимальным.

2. Обложение контролирующей организации корректирующим налогом на использование трудовых ресурсов подконтрольной организации. К недостатку этого варианта можно отнести высокие транзакционные издержки, обусловленные проблемой измерения и соответствующей корректировки величины налога.

3. Сокращение сотрудников контролирующей организации с сохранением всех функций и фонда заработной платы.

4. Введение на законодательном уровне ограничений на количество, виды и размеры документов, которые контролирующая организация вправе требовать от подконтрольной. К нежелательным особенностям этого способа можно отнести недостаточную степень гибкости и оперативности с возможностью углубления бюрократизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбарова П.А. Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 173-183.
2. Бытко С.Ю. Бюрократизация правоохранительной системы как криминогенный фактор // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 252-256.
3. Вольчик В.В., Филоненко Ю.В., Аверкиева Е.С., Ширяев И.М. Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // Journal of Economic Regulation. 2016. № 4. С. 57-71.
4. Голик Ю.В. Бюрократизация науки недопустима (заметки после прочтения книги В.Н. Протасова «Методологические проблемы защиты диссертаций (на примере юриспруденции)» // Государство и право. 2021. № 12. С. 67-72.
5. Каплун К.Р., Труханович Д.С. Бюрократизация образовательного процесса как проблема реализации образовательной политики (на примере Мясниковского района Ростовской области) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-8. С. 89-93.
6. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73-82.
7. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(2). С. 122-145.
8. Курбатова М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. 2016. № 4. С. 59-86.
9. Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С. Импорт инструментов научной политики в современной России // Journal of Institutional Studies. 2021. № 13(3). С. 37-52.
10. Левин М.И., Левина Е.А., Покатович Е.В. Лекции по экономике коррупции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2011. 356 с.
11. Максим Орешкин рассказал о проблемах реализации нацпроектов Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_oreshkin_rasskazal_o_sistemnyh_problemah_v_realizacii_nacproektov.html (дата обращения: 30.0.2024).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. 771 с.
13. Никонов В. 2015. Как оптимизировать отчётность в системе образования? [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://russkiymir.ru/publications/189024/> (дата обращения: 30.0.2024).
14. Орешкин предложил Кудрину искать врагов в Счетной палате [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.interfax.ru/business/681995> (дата обращения: 30.0.2024).
15. Осипов А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 953-966.
16. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 55-61.
17. Слива А.В., Березовский В.А., Фокина В.Н., Басов В.А. Финансовые и интеллектуальные потери вуза вследствие излишней бюрократизации в системе образования // Экономика образования. 2015. № 5(90). С. 4-16.
18. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 30-37.
19. Стенографический отчет о заседании Совета по науке и образованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://science.gov.ru/events/sten/1923/> (дата обращения: 30.0.2024).
20. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Бюрократизация отечественного высшего образования: факторы и перспективы // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 31-39.

21. Тамбовцев В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. № 1. С. 15-39.
22. Тамбовцев В., Рождественская И. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 97-108.
23. Тощенко Ж.Т. Высшее образование на перепутье: куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 400-417.
24. Цуриков В.И. О влиянии избыточного документооборота на трудовую активность сотрудника бюджетной организации // Экономика и математические методы. 2023. № 1. С. 65-78.
25. Abbott K., Genschel P., Snidal D., Zangl B. Beyond opportunism: intermediary loyalty in regulation and governance // Regulation and Governance. 2021. S1. P. 83-101.
26. Besley T., Burgess R., Khan A., Xu G. Bureaucracy and Development. // Annual Review of Economics. 2022. No 14. P. 397-424.
27. Cadot O. Corruption as a gamble // Journal of Public Economics. 1987. No 2. P. 223-244.
28. Choi J.P., Thum M. Corruption and the Shadow Economy // International Economic Review. 2005. No 3. P. 817-836.
29. Crawford S.E.S., Ostrom E. A grammar of institutions. American Political Science Review. 1995. No 3. P. 582-600.
30. Downs A. Inside Bureaucracy. 1967. Boston: Little Brown and Co. 292 p.
31. Furubotn E.G., Richter R. Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics. 2000. University of Michigan Press. 556 p.
32. Gailmard S.F., Patty J.W. Slackers and Zealots: Civil Service, Policy Discretion, and Bureaucratic Expertise // American Journal of Political Science. 2007. No 4. P. 873-889.
33. Holmstrom B.R., Milgrom P. Multitask principal-agent analyses: Incentive contracts, asset ownership, and job design // Journal of Law, Economics and Organization. 1991. No 7 (special issue). P. 24-52.
34. Niskanen W.A. Peculiar Economics of Bureaucracy // American Economic Review. 1968. No 2. P. 293-305.
35. Niskanen W.A.. Bureaucrats and Politicians // Journal of Law and Economics. 1975. No 3. P. 617-643.
36. Park S. Politics or Bureaucratic Failures? Understanding the Dynamics of Policy Failures in Democratic Governance // Journal of Policy Studies. 2021. No 3. P. 25-36.
37. Prendergast C. The Limits of Bureaucratic Efficiency // Journal of Political Economy. 2003. No 5. P. 929-958.
38. Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy. Cambridge: Academic Press. 1978. 256 p.
39. Tullock G. The Politics of Bureaucracy. Washington, D.C.: Public Affairs Press. 1965. 228 p.

Towards the issue of redundant paperwork abuse

Tsurikov Vladimir Ivanovich

Doctor of Economics, Professor

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation

E-mail: tsurikov@inbox.ru

Abstract. The article deals with the problem of redundant paperwork and unnecessary reporting which have overwhelmed state-funded organisations of modern Russia and lead to huge time and effort loss of public sector employees. The purpose of the research is to analyse the causes and results of redundant paperwork using mathematical modelling and to consider the possibilities for its regulation. The model is based on the following assumptions. An agent (employee of a state-run organisation) cannot evade performing a task issued by an official, which provides for drawing up a certain document in the form of a report, plan or programme. An official (a representative of a superior organisation or state governance body) has an uncontrolled possibility to demand the subordinate organisation's performing the entrusted task within the appointed period. The paper shows that if an official uses such documents for personal purposes he/she is interested in unlimitedly increasing the labour intensity of the reporting burden imposed on the agent. Under the paperwork pressure, the agent has to reduce his/her efforts to comply with the officially prescribed paid duties up to minimising them to a level which completely excludes any activity and initiatives. The obtained results show that there is no reason, nevertheless, to accuse an official seeking to maximise his/her utility function of any hostile intentions. The article discusses four practical measures to limit and regulate the official's paperwork activity: 1) compensation of efforts of the controlled organisation employees to draft the required documents; 2) imposing an adjustment tax upon the controlling organisation on the use of the controlled organisation's labour resources; 3) the controlling organisation's staff reduction with the preservation of all functions and the wage fund; 4) introduction of legislative restrictions on the number, types and volume of documents the controlling organisation has the right to demand from the controlled organisation.

Keywords: redundant paperwork, bureaucratisation, reporting burden, reporting, paperwork pressure, official

Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов

Крылова Любовь Вячеславовна

доктор экономических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия

E-mail: kryloffs@yandex.ru

Аннотация. Последовательная изоляция России от мировой валютно-финансовой системы и присущих ей финансовых механизмов определяет необходимость изучения возможности и целесообразности их использования в существующих геополитических условиях. Целью исследования является определение характера взаимосвязи основных международных финансовых механизмов и последствий внешнего воздействия на них с применением санкций. Использован новый подход, при котором анализ процессов в современной мировой валютно-финансовой системе проводился через призму основных международных финансовых механизмов. Такой подход не только обеспечивает еще один ракурс их рассмотрения, но и позволяет выявить новые аспекты их взаимосвязей и взаимного влияния. В процессе исследования применялись методы сравнительного логического и контекстного анализа, систематизация, классификация и обобщение. На основе синтеза теории финансовых механизмов и концепции глобальной ликвидности показана взаимосвязь ключевых международных финансовых механизмов, а также роль международных резервов. В результате исследования сделан вывод о невозможности для России использования в условиях санкций имеющихся международных финансовых механизмов, контролируемых США, и необходимости создания новых региональных цифровых финансовых механизмов с участием стран ЕАЭС и государств БРИКС.

Ключевые слова: международные финансовые механизмы; международные финансовые отношения; мировая валютно-финансовая система; глобальная ликвидность; международные резервы.

JEL codes: F01, F29, F39

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-88-98>

Для цитирования: Крылова, Л.В. Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов // Л.В. Крылова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.88-98. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Система международных финансовых отношений (МФО) представляет собой упорядоченную совокупность общественных экономических отношений, возникающих в процессе функционирования мировой валютно-финансовой системы (МВФС) и мирового финансового рынка (МФР). Упорядоченность международным финансовым отношениям придает их функционирование в рамках действующей МВФС как институционально-правовой форме организации и регулирования этих отношений. Основу современной системы МФО заложили Бреттон-Вудские соглашения и принципы Вашингтонского консенсуса, которые определили ее ключевые принципы, а также функционал наднациональных институтов в качестве институциональной основы. Развитие в этой парадигме МФО обусловило формирование асимметричной МВФС, нарастание глобальных дисбалансов, финансиализацию и долларизацию МФО [1, с. 71–73].

В рамках системы МФО происходит распределение и перераспределение глобальных финансовых ресурсов. Это перераспределение осуществляется через финансовые механизмы и институты мирового финансового рынка (МФР), каналы международных платежных систем. В свою очередь финансовые механизмы представляют собой систему взаимосвязанных звеньев, обеспечивающих

функционирование финансовой системы. При этом выделяют перераспределительные финансовые механизмы официального и частного секторов, что отражает современные представления о денежной эмиссии, в рамках которой выделяют создание резервных и депозитных денег [2. с. 142].

Анализ процессов, протекающих в современной мировой валютно-финансовой системе, через призму основных международных финансовых механизмов не только обеспечивает еще один ракурс их рассмотрения, но и позволяет выявить новые аспекты их взаимосвязей и взаимного влияния. В этой связи целью исследования является определение характера взаимосвязи основных международных финансовых механизмов и последствий внешнего воздействия на них в изменяющихся геополитических условиях.

Теория финансовых механизмов является частным случаем общей теории экономических механизмов, разрабатываемых Л. Гурвицем [3], М. Эскином [4], Р. Майерсоном [5] и другими исследователями. Первый рассматривал экономический механизм в качестве системы взаимосвязей (звеньев) «стратегия-результат», второй называл его «обратным проектированием» в экономике, в рамках которого сначала определяется цель, а затем дизайн механизма, способствующего ее достижению, третий считал основой экономических механизмов институты, обеспечивающие информационное взаимодействие и координацию действий экономических агентов.

Систематизация существующих подходов к анализу финансовых механизмов позволяет выделить следующие их ключевые характеристики:

- они носят объективный характер, поскольку функционируют на основе устойчивых прямых и обратных связей между формирующими их элементами;
- изменения в их функционировании происходят в результате получения новой информации;
- представляют собой, как правило, открытые системы, на которые можно воздействовать.

Тот факт, что финансовые механизмы открыты для внешнего воздействия, задаваемого субъектом регулирования, позволяет использовать регуляторные импульсы для достижения целей регулятора. Наиболее изученным и широко используемым финансовым механизмом является, трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики.

Финансовые механизмы в системе МФО

В системе МФО важнейшими являются механизмы формирования и перераспределения глобальной ликвидности, представляющей собой совокупность всех возможных способов и источников финансирования глобального платежного оборота и обеспечивающей его международными платежными средствами. Для нормального функционирования МВФС глобальная ликвидность должна обладать определенными количественными и качественными характеристиками. Иными словами, требуется достаточный объем ликвидных средств в системе и определенная структура формирующих ее компонентов, прежде всего речь идет об их валютной структуре. Последнее обусловлено тем, что в неметаллической МВФС функции мировых денег выполняют определенные национальные фиатные валюты.

В научной литературе сформировалось два основных подхода к трактовке понятия глобальной ликвидности: (1) ликвидность при фондировании (*funding liquidity*) и (2) рыночная ликвидность (*market liquidity*), или, соответственно глобальная финансовая и глобальная денежная ликвидность. Первая представляет собой совокупность финансовых инструментов, способных в кратчайшие сроки и с минимальными издержками обмениваться на средства платежа. Вторая — это совокупный объем находящихся в глобальной экономике средств платежа в мировых валютах или глобальное денежное предложение. Ряд авторов высказывает мнение о необходимости комплексного изучения этой категории, включающего оба подхода [6].

Для оценки количественных и структурных параметров глобальной ликвидности используются соответствующие показатели, отражающие ее двойственный характер. Так, Банк международных расчетов (БМР) публикует три показателя глобальной ликвидности:

1. банковские международные требования (*banks' international claims*);

2. совокупные банковские требования на частный нефинансовый сектор (banks' total claims on private non-financial sector);
3. совокупный объем кредитования в конкретной валюте (total credit by currency of denomination) [7].

Показатели глобальной ликвидности БМР характеризуют общий объем кредитов небанковским заемщикам, включая как кредиты, предоставленные банками, так и финансирование на мировых рынках облигаций. Основное внимание уделяется требованиям в трех основных резервных валютах (долларах США, евро и японских иенах) к нерезидентам, то есть заемщикам за пределами соответствующих валютных зон. Эти показатели позволяют оценить как количественные, так и структурные параметры глобальной ликвидности. Так, по данным БМР в конце 2023 года сумма кредитов в долларах США небанковским организациям за пределами США составила чуть менее 13 триллионов долларов США, кредиты в евро за пределами зоны евро - 4,1 трлн евро [8].

Требования банков возникают в результате предоставления их контрагентам финансовых ресурсов, которые те могут использовать в качестве средства платежа. Одновременно требования представляют собой отраженные по активу банковских балансов выданные кредиты, долговые и долевыми ценные бумаги, деривативы, прочие финансовые инструменты, приобретаемые банками.

Именно банки создают основной объем глобальной ликвидности; частный канал ее формирования и перераспределения является основным. Поскольку кредитная и рыночная активность банков носит проциклический характер, в период ухудшения мировой конъюнктуры, во время глобальных кризисов возможен дефицит глобальной, прежде всего долларовой, ликвидности, проявляющийся в росте процентных ставок международного финансирования, укреплении доллара США и ужесточении условий кредитования на международных рынках.

Увеличение масштабов мировой экономики требует соответствующего увеличения объема глобальной ликвидности. Основными факторами роста ее предложения являются развитие международной банковской деятельности и банковского кредитования, расширение масштабов операций на международных финансовых рынках. Отметим, что формирование глобальной ликвидности происходит вне национальных юрисдикций и неподконтрольно государственным органам денежно-кредитного регулирования.

Проциклический механизм банковской мультипликации в рамках частного сектора мировой экономики дополняется контрциклическим компонентом экстренного предоставления ликвидности по официальному каналу в рамках антикризисных операций центральных банков и международных валютно-финансовых институтов (МВФИ). В терминологии Банка международных расчетов официальный компонент глобальной ликвидности представляет собой «финансирование, безусловно доступное для урегулирования требований через органы денежно-кредитного регулирования» [9].

Если перераспределение частного компонента ликвидности происходит через рыночные механизмы, то официального компонента - через своп-линии центральных банков-эмитентов соответствующих валют, кредитные программы и механизмы МВФ, а также международные резервы центральных банков различных стран. В современных условиях решение о предоставлении доступа к своп-линиям Федеральной резервной системы или Европейского центрального банка может быть политически ангажированным, ориентированным преимущественно на геополитических союзников.

Устойчивость системы МФО в кризисные периоды в значительной степени обусловлена адекватным функционированием эмиссионных механизмов Центральными банками стран-эмитентов резервных валют, эффективной работой МВФ и других валютно-финансовых институтов глобального, регионального и национального уровня, достаточностью международных резервов для купирования внешних и внутренних шоков.

Взаимодополняющие механизмы формирования глобальной ликвидности призваны обеспечивать потребности экономических агентов официального и частного секторов глобальной экономики при любой мировой конъюнктуре. Однако на практике действие этих механизмов не

всегда адекватно в связи с неконтролируемостью основного, частного, канала и ангажированностью официального канала создания и перераспределения глобальной валютной ликвидности [10, с. 6], что выражается в периодическом дефиците долларовой ликвидности и ухудшении доступа к ней развивающихся стран-привозников в период глобальных шоков. Следует отметить, что целенаправленное ограничение доступа к долларовой ликвидности в периоды кризисов для определенных стран может выступать в качестве своеобразного «гибридного» оружия и иметь весьма серьезные последствия.

Особую роль в системе финансовых механизмов МВФС играют международные резервы. Механизмы резервирования обеспечивают как межстрановое перераспределение глобальной ликвидности, так и взаимосвязь официального и частного ее компонентов при их использовании центральными банками в рамках валютных интервенций.

Механизмы формирования и распределения международных резервов в МВФС в значительной степени обуславливают присущие ей дисбалансы и асимметричность [11]. Требование МВФС размещать официальные международные резервы в валютах ведущих развитых стран поддерживает спрос на эти валюты и вынуждает развивающиеся страны формировать значительные объемы резервных активов для обеспечения своих международных обязательств, обслуживания внешнего долга, поддержания устойчивости своих валют, противодействия финансовым шокам и кризисам. В силу зависимости от мировой конъюнктуры, слабости финансовых систем, волатильности валют и ограниченности бюджетных ресурсов, эти страны вынуждены накапливать большую часть (2/3) из 12 трлн долл. совокупных глобальных валютных резервов. К тому же ограниченный доступ к антикризисному финансированию Глобальной сети финансовой безопасности (Global Financial Safety Net – GFSN) побуждает развивающиеся страны ориентироваться на «самострахование» в виде своих международных резервов. Коронакризис продемонстрировал, что из общего объема антикризисного финансирования по линии GFSN (4 трлн. долл. США) для поддержки развивающихся государств было доступно лишь четверть (менее 1 трлн долл), что вдвое меньше, чем их потребности в антикризисной поддержке в период кризиса [2, с. 144].

Существующие механизмы международного резервирования и размещения резервов в финансовые инструменты стран-эмитентов резервных валют создают основу для неэквивалентного обмена и замораживания значительных средств развивающихся стран (свыше 7 трлн долл США), которые могли бы использоваться в целях их внутреннего социально-экономического развития.

После 2014 г. и особенно после 2022 г. наблюдалось последовательное отстранение России от основных источников глобальной ликвидности. Сначала путем введения секторальных санкций США и ЕС был закрыт доступ к ресурсам международного рынка капитала, затем введен запрет финансовых операций с российскими резидентами, внесенными в SDN-список¹, происходит расширение санкционного давления за счет экстерриториальных вторичных санкций, заморозка финансовых активов, включая международные резервы Банка России. К настоящему времени количество санкционных мер превысило 20 тыс., финансовые и нефинансовые институты Российской Федерации практически изолированы от международных платежных систем, системы SWIFT, зарубежных банков-корреспондентов, институтов и инфраструктуры международных финансовых рынков, включая рынок криптовалют [12]. Особо отметим невозможность использования Россией всех без исключения существующих компонентов антикризисного финансирования GFSN, включая значительную часть международных резервов, что является фактором, подрывающим общую устойчивость МВФС.

Банковские и рыночные механизмы финансирования экономической деятельности

Для современной МВФС характерно существование двух различных систем финансирования

¹ Включение в SDN-список (Specially Designated Nationals List) предусматривает блокировку активов провинившихся компаний и банков, размещенных как в США, так и в юрисдикциях других государств, присоединившихся к американским санкциям, запрет на использование валют присоединившихся к санкциям государств и на проведение любых операций с их резидентами. Фактически это приводит к изоляции от МВФС

экономической деятельности – рыночной модели, ориентированной на привлечение финансовых ресурсов с рынка ценных бумаг, и банковской модели. Первая характерна для США, вторая – для стран континентальной Европы, России, Китая, многих других развивающихся стран. Эти модели выстроены на различных финансовых механизмах, обеспечивают разные объемы и условия аккумуляции и перераспределения финансовых ресурсов, предполагают различные подходы к оценке и принятию рисков инвесторов и кредиторов. Эти различия в итоге влияют на всю систему финансовых отношений микро-, мезо-, и макроуровня, формируя в них альтернативные, не всегда совместимые финансовые механизмы. При этом наблюдается более существенный разрыв в уровнях развития финансовых систем и финансовых рынков развитых и развивающихся стран, чем в развитии их нефинансовых секторов. Тем самым на глобальном уровне воспроизводится асимметричность финансовой системы.

Американская модель рыночного финансирования базируется на механизмах рынка ценных бумаг, формирует большой аппетит к рискам и позволяет генерировать значительные объемы финансовых ресурсов и инструментов с разным профилем рисков и ликвидности. При этом она менее устойчива в условиях кризисов при отсутствии внутренней системы антикризисного рефинансирования и поддержания текущей ликвидности со стороны центрального банка. В период шока на финансовых рынках во время коронакризиса только за март 2020 г. объем кредитов на балансах банков США увеличился на 700 миллиардов долларов [13], именно они обеспечили в критический момент доступ коммерческих и промышленных фирм к антикризисному финансированию. Кроме того, у США есть возможность транслировать финансовые шоки на глобальную финансовую систему, одновременно купируя их в национальной системе. Доминирование американской финансовой системы имеет потенциал кризисогенности и формирует каналы распространения финансовых шоков на другие страны и регионы мира.

Банковская система финансирования экономической деятельности базируется на особой роли депозитных финансовых посредников, принимающих на себя риски вкладчиков и кредиторов банков. В еврозоне около 80% корпоративного финансирования осуществляется на основе банковского кредитования и лишь 20% долгового финансирования идет с рынка капитала [14]. При этом банковская деятельность регулируется системой нормативов Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН), тогда как наднациональное регулирование международных финансовых рынков и движения капитала отсутствует, формируя дисбаланс между глобальным характером МФР и преимущественно национальным уровнем его регулирования.

Внедрение в мировой банковской системе Базельских требований резко сократило возможности банков наращивать свой кредитный потенциал, в то время, как цифровизация создает альтернативные каналы финансирования (краудфандинг, краудинвестинг и др.) вне регуляторного контура, принятого в банковской деятельности. В этих условиях основной функцией банков становится качественная трансформация активов (по параметрам «риск-ликвидность-доходность») и управление рисками. При этом они теряют свои конкурентные позиции перед небанковскими финансовыми институтами (НБФИ) и FinTech: в 2022 г. доля банков в глобальных финансовых активах снизилась до 39,7% [15].

Различия в моделях финансирования имеют следствием еще один значимый в контексте исследуемых проблем аспект, который остается, как правило, вне поля зрения исследователей. Банковские системы способны генерировать меньший объем финансовых инструментов в сравнении с финансовыми рынками. В странах с преобладанием банковской модели финансирования финансовые рынки имеют меньшую глубину. Этот аспект ограничивает интернационализацию национальных валют соответствующих стран, что наглядно демонстрирует Китай. Для расширения международного использования юаня требуется не только спрос на него, но и достаточный объем финансовых инструментов с различными характеристиками риска и ликвидности, деноминированных в юанях, для размещения различных, в том числе международных, резервов. Если объем совокупных

глобальных валютных резервов находится в диапазоне 11–12 трлн долл. США, то госдолг США превысил 34 трлн. Совокупный объем мирового рынка облигаций составляет свыше 133 трлн долл., из которых 39% приходится на США и 16% на Китай. При этом основную массу китайских облигаций держат китайские же банки [16].

Изменение соотношения сил и геополитическая ситуация

Накопление в течение длительного времени серьезных проблем, не находящих своего решения, привело МВФС к системному кризису из-за несоответствия структурных принципов организации МФО с одной стороны и изменений в мировой экономике, - с другой. Основными факторами, определившими кризис существующей системы МФО и деградацию ее финансовых механизмов, стали:

- структурные сдвиги в мировой экономике, переход к новому технологическому базису;
- изменение соотношения сил между мировыми экономическими и финансовыми центрами;
- геополитические интересы ведущих стран, их национальная экономическая и валютно-финансовая стратегия.

Прежде всего изменилось соотношение сил между развитыми (40,56% от мирового ВВП по ППС) и развивающимися государствами (59,44) (Рис. 1). Доля стран G7, составлявшая в 1992 г. 47% глобального ВВП снизилась к 2022 г. до 30,8%, стран БРИКС за тот же период увеличилась с 16% до 31,5% (по ППС). В мировой торговле доля развивающихся стран увеличилась с 37% в 2016 г. до 41% в 2022 г., тогда как доля развитых стран в мировом экспорте сократилась с 62% до 58% [17]. И тренд на усиление позиций развивающихся стран весьма устойчив.

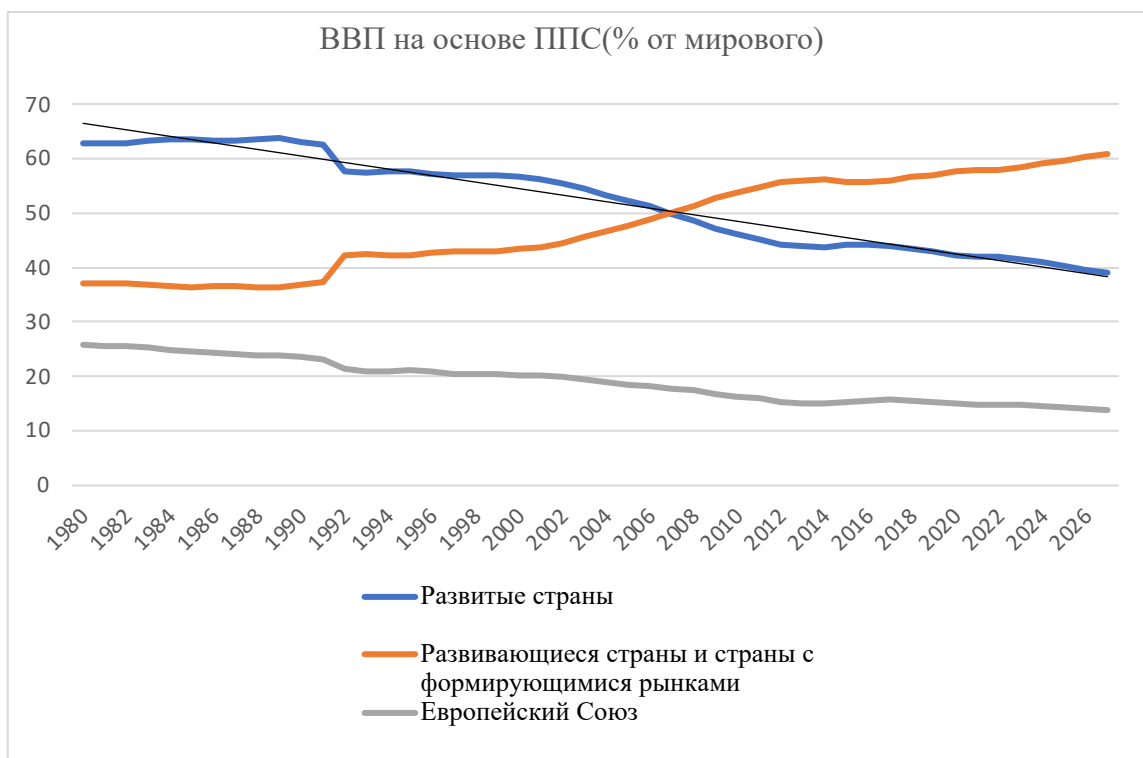

Рисунок 1 - Динамика удельного веса групп стран в глобальном ВВП по ППС, 1980 – 2023 годы, %. 2024 - 2026 г. – прогноз.

Источник: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD>

Однако изменение соотношения сил в глобальной экономике не привело к соответствующим изменениям в мировых финансах, что вызвало недовольство ведущих развивающихся стран и обострение отношений в системе МФО и геополитике.

Эти изменения требуют реформирования устаревших бреттон-вудских конструкций МВФС, однако США и их союзники противодействуют этому реформированию. Несмотря на

признание того, что глобализация, основанная на парадигме неолиберализма, себя исчерпала [18], американский истеблишмент видит стратегические перспективы не в признании законных интересов развивающихся стран и соответствующей трансформации МВФС, и даже не в рамках фрагментации мирового сообщества и блочного объединения союзных государств, а в формате модернизированной глобализации на основе усиления и развития трансатлантического ядра (США, Великобритания, Франция, Германия, Италия) и расширения круга дружественных им стран. Объединительным принципом провозглашен тезис «демократия против авторитаризма» [19, с. 62.], а основным мотивом - противодействие многополярности и сдерживание инновационного экономического развития стран-конкурентов за счет санкционных ограничений в финансах, экономике и торговле. При этом США стремятся сдерживать развитие не только «авторитарных» стран – Китая, России, Ирана, Северной Кореи и т.п., но и стран ЕС как своих основных конкурентов. Игнорирование законного права независимых государств самостоятельно выбирать пути и приоритеты своего развития вызывает активное противодействие. Неприятие развивающихся рынков как равноправных партнеров [11, с. 191], наряду с углублением имманентных противоречий и дисбалансов МВФС, становится важнейшим драйвером трансформационных тенденций.

Следует отметить, что современная МВФС является гораздо более гибкой и адаптивной, чем предыдущие системы золотого стандарта. Плавающие валютные курсы, доступ к глобальной ликвидности через мировые финансовые рынки, возможность быстрой смены монетарной и курсовой политики, аналитические, прогностические и иные возможности, обеспечиваемые цифровыми технологиями, позволяли длительное время решать возникающие проблемы в рамках существующей системы. Однако нежелание ее основных бенефициаров признать законные интересы развивающихся стран, других участников МФО, не позволили и далее трансформировать принципы организации МФО эволюционным способом. Ее функционирование все больше поддерживается внеэкономическими методами принуждения и санкционного давления.

Решая свои внутренние проблемы, США создают чрезмерные объемы долларовой ликвидности в рамках своей политики количественных смягчений, вследствие чего доллар быстро утрачивает свою покупательную способность, что проявляется в росте мировых цен на сырьевые и топливно-энергетические товары, провоцируя волны инфляции по всему миру.

Усиление геополитической напряженности и конфликтности МФО вылилось в необходимость парадоксального выбора между параметрами эффективности для оптимизации использования ограниченных ресурсов, и обеспечением устойчивости финансовых систем как условия выживания и сохранения национальной идентичности, экономического и финансового суверенитета [20, с. 41.]. Кризис системы межгосударственного взаимодействия на многосторонней основе обусловили приоритетность обеспечения финансовой устойчивости на всех уровнях финансовой системы: от компаний до государства и МВФС. Сегодня перед государствами, членами МФО, стоит непростой выбор между приоритетами внутреннего независимого экономического развития с учетом национальных интересов и интеграцией в мировую финансовую систему по правилам доминирующего государства.

Укрепление позиций развивающихся стран в этих условиях сформировало объективную тенденцию к регионализации и валютному полицентризму, протекционизму и усилению роли государства в экономике, в финансовой сфере. Несмотря на то, что взаимозависимость экономик сохранится, именно те страны, которые сознательно разрабатывали и последовательно реализовывали долгосрочные стратегии национального развития, - Китай, Индия, Япония, Корея, - смогли извлечь максимальную пользу из глобализации, сформировав в ее рамках деглобализационный тренд [21].

В существующей глобальной валютно-финансовой системе Россия не сможет ни купировать влияние санкций, используя имеющиеся финансовые механизмы, ни создать новые, альтернативные долларовой системе, контролируемой США. Необходимо ориентироваться на формирование новых региональных цифровых финансовых механизмов, ориентируясь на страны ЕАЭС и государства

БРИКС.

Заключение

Понимание природы и взаимосвязи основных международных финансовых механизмов позволяет, с одной стороны, прогнозировать возможные угрозы и направления дальнейших ограничений и заранее предпринять меры для снижения их негативных последствий, а с другой – разрабатывать стратегии формирования альтернативных финансовых механизмов вне контуров действующей глобальной системы долларového финансирования.

Неметаллическая МВФС, не имеющая золотой основы, для своего устойчивого функционирования требует безусловного взаимного доверия, свободного доступа к глобальной ликвидности и уверенности членов международного сообщества относительно готовности эмитентов резервных валют выполнять соответствующие обязательства.

Заморозка валютных резервов России, Ирана, отключение их финансовых институтов от системы SWIFT, закрытие доступа к ключевым элементам мировой финансовой инфраструктуры – мировым финансовым рынкам, запрет Минфину США предоставлять России и Белоруссии доллары взамен имеющихся в их распоряжении СДР, санкции против Венесуэлы, Сирии, Северной Кореи разрушили парадигму доверия в глобальной системе МФО и нарушили функционирование ее базовых финансовых механизмов. В этих условиях России необходимо разрабатывать альтернативные цифровые финансовые механизмы со своими геополитическими партнёрами.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в мировой финансовой архитектуре / П. В. Алексеев, В. В. Антропов, В. Ю. Барабанов [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 203 с. . – DOI 10.12737/1984071.
2. Крылова Л.В., Мудрецов А.Ф., Прудникова А.А.. Значение международных резервов в глобальной системе антикризисного финансирования // Проблемы прогнозирования. 2024. № 3 (204). С. 141–150. DOI: 10.47711/0868-6351-204-141-150
3. Hurwicz L. But Who Will Guard The Guardians? //American Economic Review. 2008. Vol. 98. № 3. Pp. 577–85. DOI: 10.1257/aer.98.3.577
4. Maskin E. Mechanism design: how to implement social goals. Nobel Prize lecture/ December 8. 2007. URL: https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/maskin_lecture.pdf
5. Myerson R. Perspectives on Mechanism design in economic theory // American Economic Review. 2008. Vol. 98. №. 3. Pp. 586–603. DOI: 10.1257/aer.98.3.586.
6. Бурлачков В.К., Головнин М. Ю., Тихонов А.О. Глобальная денежная ликвидность: теоретические основы, показатели, тенденции динамики // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 3-8. Burlachkov V.K., Golovnin M. Yu., Tikhonov A.O. Globalnaya denezhnaya likvidnost: teoreticheskie osnovy, pokazateli, tendencii dinamiki // Dengi i kredit. 2017. No. 12. S 3-8. (In Russ.)].
7. Банк международных расчетов. URL: https://www.bis.org/statistics/about_gli_stats.htm?m=2689
8. Банк международных расчетов. URL: <https://www.bis.org/statistics/gli2404.htm>
9. Global liquidity – concept, measurement and policy implications. Committee on the global financial system. Bank for International Settlements, CGFS Papers. 2011. No. 45. <https://www.bis.org/publ/cgfs45.pdf> (дата обращения 11.04.2024).
10. Крылова Л. В. Децентрализация мировой валютно-финансовой системы в условиях деглобализации // Банковские услуги. 2022. № 7. С. 2–8. DOI: 10.36992/2075-1915_2022_7_2
11. Кузнецов А. В . Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. №2. С. 190-203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203
12. Крылова Л. В. Санкции как новая реальность мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т.3. № 2. С. 5–10. DOI: 10.24412/2949-6454-2024-0130
13. Annual Economic Report, Bank for International Settlements, June 2020. URL: www.bis.org/publ/arpdf/ar2020e.htm. С. 47. (дата обращения 11.04.2024).
14. URL: <https://www.societegenerale.com/en/banking-explained/financing-the-economy/disintermediation> (дата обращения 11.04.2024).
15. Global Monitoring Report on Non-Bank Financial Intermediation. FSB. 2023. <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P181223.pdf>. (дата обращения 11.04.2024).
16. <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/MegaStrategy/52d89411-e35b-4cf7-af3b-b91dc77f34a5/> (дата обращения 11.04.2024).
17. <https://eadaaily.com/ru/news/2024/02/14/briks-obhodit-g7-dolya-v-mirovom-vvp-semerki-snizhaetsya> (дата обращения 11.07.2024).
18. Кузнецов А.В. Реорганизация мировой валютно-финансовой системы в контексте стабилизации глобальной экономики / А.В. Кузнецов. - DOI 10.52957/22213260_2022_8_74. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №8. - С.74-83. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2022)
19. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 60–69. – DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69.
20. Федулова М., Чернядьев Д., Поршаков А. Перестройка глобальных производственных цепочек: от эффективности к устойчивости. Банк России. Январь 2022. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132380/analytic_note_20220125_dip.pdf (дата обращения 11.04.2024).

21. Сапир Ж. Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики? // Проблемы прогнозирования. 2020. №6 (183). С. 27–45.

Analysis of international financial relations through the prism of financial mechanisms

Krylova Lyubov Vyacheslavovna

Doctor of Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: kryloffs@yandex.ru

Abstract. The consistent isolation of Russia from the global monetary and financial system and its inherent financial mechanisms determines the need to study the possibility and feasibility of their use in the existing geopolitical conditions. The purpose of the study is to determine the nature of the relationship between the main international financial mechanisms and the consequences of external influence on them with the use of sanctions. A new approach was used, in which the analysis of processes in the modern global monetary and financial system was carried out through the prism of the main international financial mechanisms. This approach not only provides another perspective on their consideration, but also allows us to identify new aspects of their relationships and mutual influence. During the research, methods of comparative logical and contextual analysis, systematization, classification and generalization were used. Based on a synthesis of the theory of financial mechanisms and the concept of global liquidity, the relationship of key international financial mechanisms, as well as the role of international reserves, is shown. As a result of the study, it was concluded that it is impossible for Russia to use existing international financial mechanisms controlled by the United States under sanctions and the need to create new regional digital financial mechanisms with the participation of the EAEU countries and the BRICS states.

Keywords: international financial mechanisms; international financial relations; global monetary and financial system; global liquidity; international reserves.

Влияние трудовой миграции на технологическое развитие стран ЕАЭС

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Маркин Максим Игоревич

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: markinmi@ystu.ru

Аннотация. Формирование единого рынка труда на пространстве ЕАЭС создает новые возможности и риски для национальных экономик: свободное перемещение трудовых ресурсов внутри интеграционного объединения воздействует не только на уровень оплаты труда или занятости, но и ведет к более сложным, комплексным последствиям для стран доноров и реципиентов рабочей силы. С помощью корреляционного анализа в работе верифицируется гипотеза о том, что обратный спилловер-эффект, связанный с возвращением трудовых мигрантов к себе на родину, способствует не только росту добавленной стоимости в странах-донорах трудовых ресурсов, но и стимулирует спрос на новые технологии и услуги, что в конечном счете ведет к повышению уровня технологического развития стран ЕАЭС. В результате проведенного анализа установлено, что между исследуемыми переменными отсутствует статистически значимая связь – трудовая миграция не оказывает существенного влияния на уровень технологического развития стран ЕАЭС. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегии технологического развития стран ЕАЭС с учетом параметров внешней трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, ЕАЭС, спилловер-эффекты, технологическое развитие, корреляционный анализ.

JEL codes: F22; F02; O15

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-99-106>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Анализ международных финансовых отношений через призму финансовых механизмов / С.В. Шкиотов, М.И. Маркин. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.99-106. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Открытость границ, гармонизация правовых норм, стандартов и процедур обеспечивают свободу перемещения факторов производства – рабочей силы, капитала и технологий и тем самым формируют единое экономическое пространство межрегионального интеграционного объединения. При этом важно понимать, что либерализация экономических отношений на пространстве интеграционного объединения может оказывать неоднозначное воздействие на динамику социально-экономического развития стран, входящих в это объединение. В частности, свободное перемещение трудовых ресурсов внутри интеграционного объединения воздействует не только на уровень оплаты труда или занятости, но и ведет к более сложным, комплексным последствиям для стран доноров и реципиентов рабочей силы.

В нашем предыдущем исследовании [1] были идентифицированы два типа спилловер-эффектов трудовой миграции на пространстве ЕАЭС :

- прямой спилловер-эффект оказывает отрицательное влияние на страну-реципиент трудовых ресурсов: приток дешевой рабочей силы из стран ЕАЭС может замедлить внедрение новых технологий и снизить производительность труда в принимающей экономике (дорогие технологии замещаются дешевым трудом);

- обратный спилловер-эффект оказывает положительное влияние на страны-доноры трудовых ресурсов: трудовые мигранты, возвращаясь к себе на родину, создают большую добавленную стоимость (за счет полученных знаний, навыков и компетенций), и начинают предъявлять спрос на новые технологии, более сложные сервисы и услуги.

В результате проведенного анализа было установлено, что трудовая миграция из стран ЕАЭС не оказывает существенного влияния на уровень технологического развития российской экономики (в силу низкой квалификации иммигрантов и их незначительном вкладе в технологическое развитие крупной экономики).

Необходимо отметить, что полученные результаты вступают в противоречие с целым рядом научных исследований [2-7].

Так, Caroani, Chabert & Izzo (2024) пишут о том, что иммигранты способствуют общему уровню экономического роста и инноваций в принимающих странах, поскольку переток предпринимательских способностей и научно-технических знаний, по-видимому, является основополагающим фактором для инноваций в принимающих странах [2].

Fackler, Giesing & Laurentsyeva (2020) приходят к выводу о том, что трудовая миграция положительно влияет на инновации в странах-донорах и при этом не увеличивает асимметрию в уровне инноваций между более и менее развитыми странами (хотя квалифицированные мигранты больше не занимаются инновациями в своей стране, они способствуют трансграничному распространению знаний и технологий) [3].

Zhang G. & Zhang H. (2023) установили, что локдаун и ограничения на движение рабочей силы внутри Китая в период пандемии коронавируса нанесли огромный ущерб инновационному развитию этой экономики [4].

Mercan & Göktaş (2011) исследуя компоненты инновационной экосистемы акцентируют внимание на том, что нельзя недооценивать влияние высококвалифицированной трудовой миграции на формирование инновационной культуры, выступающей фундаментом технологического развития страны [5].

Laut, Pranizty, & Sugiharti (2023) анализируя четвертую густонаселенную экономику мира – Индонезию, делают интересный вывод о том, что перелив знаний сопровождающий трудовую миграцию повышает качество человеческого капитала, но при этом перемещение рабочей силы не создает положительных внешних эффектов для окружающей среды, в частности для развития технологий и роста производительности труда [6].

Andersson, Karadja & Prawitz (2022) используя данные о зарегистрированных патентах, обнаружили, что трудовая миграция привела к росту инновационной активности в странах-донорах как ответу на рост стоимости рабочей силы из-за нехватки рабочей силы [7].

В данной работе будет проанализирован обратный спилловер-эффект трудовой миграции на пространстве ЕАЭС.

По нашему мнению, возвращение трудовых мигрантов к себе на родину окажет положительное влияние на экономики этих стран (Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Армению):

- трудовые мигранты, вернувшись на родину, обычно обладают новыми знаниями, навыками и компетенциями, которые они получили за границей, в частности в России. Эти знания и навыки могут быть связаны с применением новых технологий, использованием более сложных сервисов или производством более качественной продукции. Поэтому, возвращаясь домой, мигранты могут создавать большую добавленную стоимость в экономике своей страны благодаря применению этих знаний и навыков на родине;

- трудовые мигранты, вернувшись на родину, могут начать предъявлять спрос на новые технологии, более сложные сервисы и услуги. Привыкнув к высокому качеству жизни, они могут ожидать и требовать лучшего уровня сервиса и качества продукции, что стимулирует развитие новых технологий и услуг на родине.

Таким образом, мы исходим из гипотезы о том, что обратный спилловер-эффект, связанный с возвращением трудовых мигрантов к себе на родину, способствует не только росту добавленной стоимости в странах-донорах трудовых ресурсов, но и стимулирует спрос на новые технологии и услуги, что в конечном счете ведет к повышению уровня технологического развития стран ЕАЭС.

Цель исследования – оценить влияние перетока трудовых ресурсов на уровень технологического развития стран ЕАЭС.

Методы

Гипотеза исследования – возвращение трудовых мигрантов из России в страны ЕАЭС оказывает положительное воздействие на уровень технологического развития этих экономик.

Методологическая база исследования:

1. Исследуемые показатели (см. табл. 1 и 2):

- трудовая миграция в странах ЕАЭС в интервале 2015-22 гг. (данные приведены по статистическому ежегоднику Евразийского экономического союза, ЕАЭК) [8];

- уровень технологического развития государств-членов ЕАЭС в интервале 2015-23 гг. (данные приведены по Global Innovation Index, ВОИС) [9].

2. Границы исследования: страны ЕАЭС за исключением России, 2018-2023 годы.

3. Методы исследования: для проверки выдвинутой гипотезы используется корреляционный анализ (p -value= 5% и 10%).

Таблица 1 – Показатели международной миграции в государствах-членах ЕАЭС, 2015-22 гг.

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Армения								
Миграционный прирост (+),								
отток (-)	-25 906	-24 792	-23 962	-18 286	-15 430	3 374	-4 119	6 080
Беларусь								
Миграционный прирост (+),								
отток (-)								
в том числе с:								
государствами - членами ЕАЭС	4 412	1 559	574	1 247	3 690
Казахстан								
Миграционный прирост (+),								
отток (-)								
в том числе с:								
государствами - членами ЕАЭС	-21 479	-26 253	-28 158	-32 746	-36 451	-21 318	-22 983	-13 053
Киргизия								
Миграционный прирост (+),								
отток (-)								
в том числе с:								

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
государствами - членами ЕАЭС	-4 902	-4 452	-4 067	-5 394	-5 946	-5 147	-1 999	3 949

Приведено по: [8]

Таблица 2 – Уровень технологического развития государств-членов ЕАЭС в соответствии с Global Innovation Index, 2015-23 гг.

Страны	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Белоруссия	38.23	30.39	29.98	29.35	32.07	31.27	32.6	27.5	26.8
Казахстан	31.25	31.51	31.50	31.42	31.03	28.56	28.6	24.7	26.7
Армения	37.31	35.14	35.65	32.81	33.98	32.64	31.4	26.6	28.0
Киргизия	27.96	26.62	28.01	27.56	28.38	24.51	24.5	21.1	20.2

Приведено по: [9]

Результаты

Результаты корреляционного анализа представлены на рисунке 1-2 и в сводных таблицах 3 и 4.

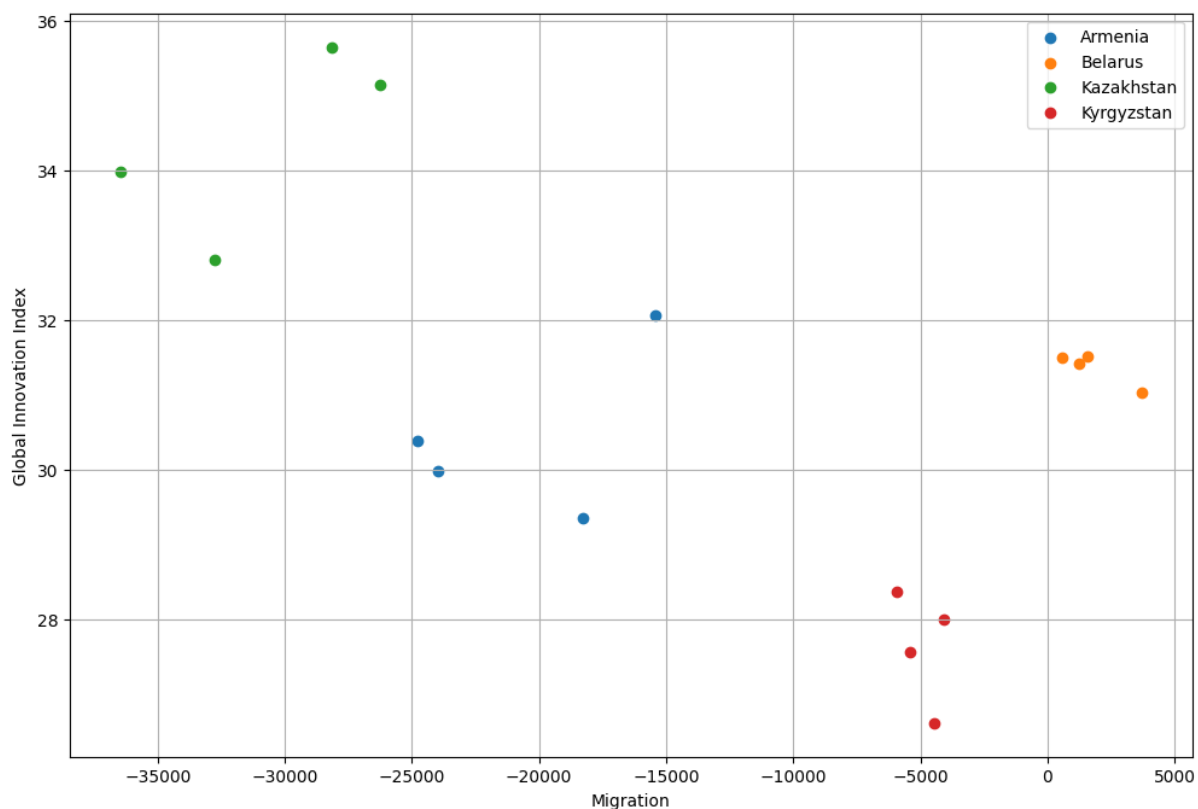

Рисунок 1. Диаграмма рассеивания между трудовой миграцией и уровнем технологического развития государств-членов ЕАЭС

Источник: построено авторами

Случай Армении

Значение p -value (0.2321) значительно превышает оба пороговых значения (0.05 и 0.10). Это означает, что корреляция между трудовой миграцией и уровнем технологического развития Армении не является статистически значимой ни при одном из значений. Следовательно, нельзя утверждать, что существует линейная зависимость между этими переменными для экономики Армении.

Случай Белорусии

Значение p-value (0.0929) превышает порог 5% (0.05), но находится ниже порога 10% (0.10). Это указывает на то, что корреляция между трудовой миграцией и уровнем технологического развития Белоруссии является статистически значимой при уровне значимости 10%, но не при уровне 5%. Таким образом, можно говорить о наличии линейной зависимости с некоторой уверенностью (при более высоком пороге значимости) для экономики Белоруссии.

Случай Казахстана

Значение p-value (0.1042) превышает оба пороговых значения (0.05 и 0.10). Это означает, что корреляция между трудовой миграцией и уровнем технологического развития Казахстана не является статистически значимой при любом из рассмотренных пороговых значений. Таким образом, нельзя утверждать о наличии значимой линейной зависимости между этими переменными для экономики Казахстана.

Случай Киргизии

Значение p-value (0.5494) значительно превышает оба порога (0.05 и 0.10). Это означает, что корреляция между трудовой миграцией и уровнем технологического развития Киргизии не является статистически значимой ни при одном из пороговых значений. Следовательно, нет оснований говорить о линейной зависимости между этими переменными для экономики Киргизии.

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа для стран ЕАЭС

Страны	Correlation Coefficient	P-Value	Power
Армения	-0.7679248862818847	0.2320751137181154	0.19360787324499878
Белоруссия	0.9071095155134808	0.092890484448651904	0.2484085158131037
Казахстан	0.8957565752961754	0.10424342470382464	0.2436704787720244
Киргизия	-0.4506190646247661	0.5493809353752339	0.09976879594756224

Источник: построено авторами

Далее верифицируем нашу гипотезу с учетом временного лага в 1 год (распространение обратного спилловер-эффекта может быть не моментальным).

Рисунок 2. Диаграмма рассеивания между трудовой миграцией и уровнем технологического развития государств-членов ЕАЭС с лагом в 1 год

Источник: построено авторами

Таблица 4 – Результаты корреляционного анализа для стран ЕАЭС с лагом в 1 год

Страны	Correlation Coefficient	P-Value	Power
Армения	-0.6360840734632842	0.5611062819942529	0.10458365197678271
Белоруссия	-0.980975328867	0.12437830665613252	0.17471913749540768
Казахстан	0.8853918121744446	0.30778026153885146	0.15290412589047658
Киргизия	-0.8181342855914933	0.3900170851009585	0.13859009815291215

Источник: построено авторами

Мы видим, что значение p-value превышает оба пороговых значения (0.05 и 0.10). Это означает, что корреляция между трудовой миграцией и уровнем технологического развития стран ЕАЭС не является статистически значимой при любом из рассмотренных пороговых значений с учетом временного лага в 1 год.

Заключение

В результате проведенного в работе анализа можно сделать вывод о том, что между исследуемыми переменными отсутствует статистически значимая связь – трудовая миграция не оказывает существенного влияния на уровень технологического развития стран ЕАЭС.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты могут свидетельствовать: о низкой квалификации трудовых мигрантов из государств-членов ЕАЭС (трансфер знаний может не состояться – работники «замкнуты» в низкоквалифицированных секторах экономики); диффузия технологических знаний, формирование спроса на более технологичные товары и сервисы, прирост добавленной стоимости может занимать более длительное время (более 1 года); отсутствие спроса в странах-донорах на новые технологии (из-за инфраструктурных, инвестиционных или социокультурных ограничений и барьеров).

- выбросы данных, искажающие общую картину под влиянием пандемии коронавируса и последующего локдауна в 2020 и 2021 годах;

- внешние шоки, оказывающие существенное влияние на динамику социально-экономического развития стран ЕАЭС;

- некорректно выбранные показатели (Global Innovation Index), характеризующие уровень технологического развития стран ЕАЭС;

- возможно, применение корреляционного анализа для решения поставленной исследовательской задачи было не оптимальным (происходит апробация и поиск адекватной исследовательским задачам методики исследования).

Надеемся, что полученные в результате исследования данные, решаемые задачи, активизируют новую волну прикладных исследований межрегиональной трудовой миграции на пространстве ЕАЭС.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

АВТОРСКИЙ ВКЛАД

Маркин М.И. – корреляционный анализ; визуализация данных;
Шкиотов С.В. – концепт статьи; написание оригинального текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шкиотов С.В., Майорова М.А. Влияние перетока трудовых ресурсов из стран ЕАЭС на технологическое развитие России // Экономическое развитие России. №6 (31). 2024. С.17-22.
2. Caporali, Chabert, & Izzo. (2024). Understanding the Relationship Between Immigration and Innovation: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Economics, Race, and Policy*, 7(2), 122–136. <https://doi.org/10.1007/s41996-023-00135-x>
3. Fackler, T. A., Giesing, Y., & Laurentsyeva, N. (2020). Knowledge remittances: Does emigration foster innovation? *Research Policy*, 49(9). <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103863>
4. Zhang, G., & Zhang, H. (2023). Human mobility restrictions and innovation: evidence from China. *Asian Journal of Technology Innovation*, 31(1), 1–26. <https://doi.org/10.1080/19761597.2021.1986411>
5. Mercan, B., & Göktaş, D. (2011). Components of innovation ecosystems: A cross-country study. *International Research Journal of Finance and Economics*, 76, 102–112.
6. Laut, L. T., Pranizty, T. P. I., & Sugiharti, R. R. (2023). Does human capital spillover affect labor productivity? *Journal of Socioeconomics and Development*, 6(1), 36. <https://doi.org/10.31328/jsed.v6i1.3759>
7. Andersson, D., Karadja, M., & Prawitz, E. (2022). Mass Migration and Technological Change. *Journal of the European Economic Association*, 20(5), 1859–1896. <https://doi.org/10.1093/jeea/jvac017>
8. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2023. – 498 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 01.06.2024)
9. Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 01.06.2024)

Impact of labor migration on the technological development of EAEU countries

Shkiotov Sergei Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Markin Maksim Igorevich

Senior Instructor
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: markinmi@ystu.ru

Abstract. The formation of a single labor market in the EAEU creates new opportunities and risks for national economies: the free movement of labor resources within the integration association affects not only the level of wages or employment, but also leads to more complex, complex consequences for donor and recipient countries. Using correlation analysis, the paper verifies the hypothesis that the reverse spillover effect associated with the return of migrant workers to their home countries contributes not only to the growth of value added in labor donor countries, but also stimulates demand for new technologies and services, which ultimately leads to an increase in the level of technological development of EAEU countries. As a result of the analysis, it was found that there is no statistically significant relationship between the variables under study – labor migration does not have a significant impact on the level of technological development of the EAEU countries. The results of the study can be used to develop a strategy of technological development of the EAEU countries, taking into account the parameters of external labor migration.

Keywords: labor migration, EAEU, spillover effects, technological development, correlation analysis.

Особенности торговой политики Китая: текущее состояние и направления развития

Федоров Дмитрий Константинович

студент

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва, Россия

E-mail: Fedorov_D_K@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье анализируется современное состояние, основные инструменты и направления развития торговой политики КНР в современных условиях противостояния двух мировых экономических лидеров – КНР и США. Понимание смысла, вкладываемого Китаем в понятие «торговая политика», позволит России видеть логику принимаемых Китаем решений и эффективно выстраивать взаимодействие с ним в экономической и связанных с ней сферах. Цель данной работы – выявить особенности торговой политики Китая в настоящее время. Для этого в статье проанализированы основные показатели и инструменты торговой политики Китая на современном этапе, рассмотрена актуальная точка зрения китайских ученых-экономистов на торговую политику, а также проанализирована деятельность по ее реализации. Особое внимание уделено методам, которые Китай использует для повышения своего влияния в мировой экономике. Результаты исследования показывают, что Китай посредством торговой политики стремится не только к наращиванию экономической мощи, но и к формированию новых глобальных правил и стандартов, что отражает его стремление к лидерству в международных экономических отношениях. Тарифная система КНР и вводимые Китаем нетарифные меры эффективно защищают внутренний рынок от конкуренции со стороны зарубежных производителей и поощряют инвестиции в развитие конкурентного на мировом рынке высокотехнологичного производства. В статье показано, что в Китае понятие «торговая политика» содержит более широкий набор инструментов и мер, чем общепринятые тарифные и нетарифные меры. В рамках торговой политики Китай решает ряд задач, начиная с интернационализации национальной валюты до объединения развивающихся стран и получения приоритета в установлении технических стандартов на товарную продукцию и услуги. Показано, что работу в данном направлении Китай ведет уже несколько десятилетий, а именно с начала 2000-х годов, в широком географическом охвате.

Ключевые слова: торговая политика Китая, интернационализация юаня, международная торговля, инструменты торговой политики, правила международной торговли, международные экономические отношения

JEL codes: O24, F13, F14, F52

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-107-121>

Для цитирования: Федоров, Д.К. Особенности торговой политики Китая: текущее состояние и направления развития / Д.К. Федоров. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С107-121. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

Китай имеет исторический опыт изолированного развития, который закончился крахом страны в начале XX в. Во второй половине XX в. Китай был вынужден встраиваться в мировую экономическую систему, правила в которой к этому времени уже были установлены развитыми западными странами в своих интересах. В настоящее время происходит противостояние двух мировых экономических лидеров – КНР и США, и для Китая критически важно выиграть это состязание, так как он имеет отрицательный опыт взаимодействия с Западом, который идет вразрез с его самоидентификацией как «срединного государства» (буквальный перевод слова 中国 – Китай). Для Китая торговая политика является как инструментом наращивания экономической мощи, так и инструментом ее демонстрации, а посредством этого и демонстрации величия самого Китая.

Для достижения своей цели Китай использует различные инструменты. В последние годы стала обсуждаться смена модели информационного и идеологического влияния Китая на остальной мир с «мягкой силы» на стратегию повышения авторитета Китая в целом и в отдельных областях [12]. В данной работе рассмотрена стоящая перед Китаем цель повышения авторитета своей страны в сфере торговой политики, а также связанная с этим экономическая выгода. Публикация и анализ актуальных статистических и информационных материалов по означенной теме определяют новизну данной работы.

Понимание смысла, вкладываемого Китаем в понятие «торговая политика», позволит России видеть логику принимаемых Китаем решений и эффективно выстраивать взаимодействие с ним в экономической и связанных с ней сферах, поэтому исследование торговой политики Китая делает данную работу актуальной. Цель данной работы – выявить особенности торговой политики Китая в настоящее время. Для этого необходимо решить следующие задачи: проанализировать основные показатели и инструменты торговой политики Китая на современном этапе, рассмотреть актуальную точку зрения китайских ученых-экономистов на торговую политику, а также проанализировать деятельность по ее реализации. Объектом исследования данной работы является торговая политика Китая, предметом исследования являются инструменты и другие меры по повышению эффективности внешней торговли Китая.

При написании работы были изучены труды российских ученых. Теоретические вопросы внешней торговли рассмотрены в трудах Олейнова А.Г. [24]. Торговая политика Китая и ее инструменты рассмотрены в работах Александровой М.В. [9] и Виноградовой И.В. [10], тема взаимодействия Китая и низкоразвитых стран (НРС) – в работе Михневича С.В. [23], инициатива «Один пояс, один путь» рассмотрена в работе Кулинцева Ю.В. [20]. Также использованы законодательные акты КНР, официальные документы ВТО, проанализирована работа китайских ученых-экономистов, а также использованы статистические данные и аналитические отчеты Государственного статистического управления КНР и ВТО. Методами исследования являются анализ, сравнение и обобщение статистических и информационных данных.

Сущность торговой политики

Торговая политика представляет собой комплекс мероприятий, реализуемых государством с целью регулирования торговых отношений с другими странами. Эта политика включает в себя разработку и применение правил, норм и стандартов, которые определяют условия ведения торговли товарами и услугами между странами. Торговая политика направлена на достижение экономических целей, таких, как защита национального производства, стимулирование экспорта, улучшение торгового баланса и обеспечение экономической безопасности государства [24, с. 1].

Торговая политика регулируется на различных уровнях. Нормы и правила могут приниматься на национальном уровне, на региональном уровне и в рамках международных торговых союзов, а также в рамках ВТО. Выбор конкретной торговой политики зависит от множества факторов, а именно, экономической цели государства, его политической и экономической стабильности, уровня развития национальной экономики, а также от международных обязательств и договоренностей.

Меры торговой политики страны должны быть согласованы с соглашениями ВТО, а также с двусторонними и многосторонними преференциальными торговыми соглашениями. Соглашения ВТО, регулирующие торговые отношения между странами, – это приложение 1А «Многосторонние соглашения о торговле товарами», которое включает Генеральное соглашение о тарифах и торговле 1994 г. (ГАТТ), приложение 1В «Генеральное соглашение по торговле услугами» (ГАТС) и приложение 1С «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» [29].

В статье 1 ГАТТ сформулирован принцип режима наибольшего благоприятствования: обеспечение одинакового доступа на рынок поставщикам из различных стран. В статье 3 ГАТТ закреплено положение о национальном режиме, который заключается в недискриминации национальных и зарубежных производителей [22, с. 532].

Основные документы, определяющие торговую политику Китая

Внешнюю торговлю в КНР регулирует Закон КНР «О внешней торговле» [13], Соглашения ВТО [29] и двусторонние и многосторонние торговые соглашения с другими странами. Торговая политика Китая является составной частью экономической политики государства, которая определяется Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) и реализуется Госсоветом КНР. В 2021 г. ВСНП утвердило «14-й пятилетний план национального экономического и социального развития КНР и долгосрочные цели на 2035 г.», в котором сказано, что основные цели 14-й пятилетки – добиться новых успехов в экономическом развитии и вывести благосостояние населения на новый уровень [1, с. 8], а к 2035 г. осуществить социалистическую модернизацию, войти в число передовых инновационных стран, поднять ВВП на душу населения до уровня среднеразвитых стран [1, с. 7].

В соответствии с поставленными целями, задачей Министерства торговли (the Ministry of Commerce's, MOFCOM) является разработка стратегии, руководящих принципов и политики развития внутренней и внешней торговли и международного экономического сотрудничества. В его обязанности входит, во-первых, подготовка проектов законов и нормативных актов, регулирующих внутреннюю и внешнюю торговлю, иностранные инвестиции в Китае, иностранную помощь, зарубежные инвестиции и внешнеэкономическое сотрудничество, разработка соответствующих ведомственных правил и положений; во-вторых, изучение и выдвижение предложений по гармонизации внутреннего законодательства по торгово-экономическим вопросам, а также по приведению китайского экономического и торгового законодательства в соответствие с многосторонними и двусторонними договорами и соглашениями; в третьих, изучение тенденций развития экономической глобализации, регионального экономического сотрудничества и современных моделей распределения, а также подготовка предложений по этим вопросам [25].

Основные показатели динамики внешней торговли КНР

Рассмотрим основные показатели внешней торговли Китая. В 2022 г. ВВП Китая вырос почти в 8 раз по сравнению с 2005 г. и составил 18 076 млрд долл. США (таблица 1), темп роста ВВП в 2022 г. составил 3,0% [4].

Таблица 1 – Динамика ВВП, экспорта и импорта товаров КНР с 2005 г. по 2022 г. (млрд долл. США)

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2022 г.
ВВП в текущих ценах	2 285,96	6 087,19	11 061,57	18 076,13
Экспорт товаров	761,95	1 577,75	2 273,47	3 593,52
Импорт товаров	659,95	1 396,25	1 679,57	2 716,15
Торговый баланс товаров	102, 00	181,51	593,9	877,37

Источник: *General profile: China* [4]

Вместе с ростом ВВП произошел рост внешнеторговых показателей. С 2005 г. по 2022 г. экспорт товаров в денежном выражении вырос в 4,7 раза и составил в 2022 г. 3 593,52 млрд долларов США, импорт товаров вырос в 4,1 раза и составил 2 716,15 млрд долларов США. Китай является нетто-экспортером, профицит торгового баланса вырос в 8,6 раза и составил 877,37 млрд долл. США (таблица 1). Темп роста товарного экспорта в 2022 г. составил 7,0% [4], с 2005 г. по 2022 г. доля сырьевых товаров в экспорте снизилась на 1,69 п.п., доля промышленных товаров выросла на 2,31 п.п., (таблица 2).

Таблица 2 – Товарная структура экспорта КНР с 2005 по 2022 г., %

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Сырьевые товары, всего. Из них:	6,44	5,18	4,57	4,46	4,75

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
продукты питания и живые животные преимущественно для пищевых целей	2,95	2,61	2,56	2,45	2,06
минеральное топливо, смазочные материалы и сопутствующее сырье	2,31	1,69	1,23	1,25	1,80
прочие сырьевые товары	1,17	0,88	0,79	0,77	0,88
Промышленные товары, всего. Из них:	93,56	94,82	95,43	95,54	95,25
химикаты и сопутствующие товары	4,69	5,55	5,70	6,53	8,77
промышленные товары, классифицированные по сырью	16,95	15,79	17,20	16,76	16,61
механизмы и транспортное оборудование	46,23	49,45	46,59	48,57	47,51
прочая продукция	25,70	24,03	25,94	23,68	22,36

Источник: рассчитано автором по данным Государственного статистического управления КНР[11]

За рассматриваемый период времени доля сырьевых товаров в экспорте снизилась на 1,69 п.п. с 6,44% в 2005 г. до 4,75% в 2022 г., доля промышленных товаров соответственно выросла. Наибольший рост доли в экспорте произошел в категории «химикаты и сопутствующие товары»: с 4,69% в 2005 г. до 8,77% в 2022 г. Доля в экспорте среднетехнологичных и высокотехнологичных товаров – категории «механизмы и транспортное оборудование» выросла на 1,28 процентных пункта (таблица 2), в денежном выражении экспорт этой категории товаров вырос в 4,8 раз: в 2005 г. составил 352,2 млрд долл. США, в 2022 г. 1691,6 млрд долл. США [11]. Доля товаров категории «продукты питания ...» в экспорте незначительно снизилась с 2,95% до 2,06%, в денежном выражении экспорт этой категории товаров вырос с 22,48 млрд долл. США в 2005 г. до 73,50 млрд долл. США в 2022 г. [11].

Структура импорта товаров принципиально отличается от структуры экспорта: доля сырьевых товаров в импорте неизменно росла, в 2005 г. она составила 22,38% импорта, а в 2022 г. уже 40,20%, увеличившись на 17,82 п.п., доля промышленных товаров в импорте соответственно снизилась на 17,82 п.п. с 77,62% до 59,80% (таблица 3).

Таблица 3 – Товарная структура импорта КНР с 2005 по 2022 г., %

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.
Сырьевые товары, всего. Из них:	22,38	31,07	28,11	33,25	40,20
продукты питания и живые животные преимущественно для пищевых целей	1,42	1,54	3,01	4,76	4,84
минеральное топливо, смазочные материалы и сопутствующее сырье	9,69	13,54	11,82	13,07	19,77
прочие сырьевые товары	11,27	15,99	13,28	15,42	15,59
Промышленные товары, всего. Из них:	77,62	68,93	71,89	66,75	59,80
химикаты и сопутствующие товары	11,78	10,72	10,20	10,33	9,83
промышленные товары, классифицированные по сырью	12,30	9,40	7,92	8,17	7,30
механизмы и транспортное оборудование	44,02	39,35	40,63	40,10	34,62
прочая продукция	9,53	9,45	13,15	8,15	8,06

Источник: рассчитано автором по данным Государственного статистического управления КНР[11]

Доля продуктов питания в импорте выросла на 3,42 п.п. с 1,42% (9,4 млрд долл. США) в 2005 г. до 4,84% (131,1 млрд долл. США) в 2022 г. [11]. По мере наращивания внутреннего производства доля

химикатов в импорте сократилась (таблица 3). В денежном выражении экспорт категория «механизмы и транспортное оборудование» в 2005 г. (352,2 млрд долл. США) превышала импорт (290,5 млрд долл. США) в 1,2 раза; в 2022 г. экспорт этой категории (1691,6 млрд долл. США) превышал импорт (938,1 млрд долл. США) в 1,8 раза. Мы видим, что с начала 2000-х гг. Китай переориентировал свою экономику с производства низкотехнологичной продукции на производство среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции. С 2005 г. по 2022 г. в 1,8 раза выросла доля импорта сырьевых товаров, в первую очередь энергоносителей: в 2 раза выросла доля импорта продукции категории «минеральное топливо...», так как потребности в энергии выросли вслед за ростом ВВП, а внутреннее производство энергии их не удовлетворяет.

В структуре торговли услугами импорт превышает экспорт, наибольшая разница между ними наблюдалась в 2015 г., в 2022 г. объем экспорта приблизился к объему импорта. Экспорт и импорт услуг выросли более, чем в 5 раз (таблица 4).

Таблица 4 – Экспорт и импорт услуг КНР и иностранные инвестиции КНР с 2005 по 2022 г. (млрд долл. США)

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2022 г.
Экспорт услуг	78,47	178,34	218,63	424,06
Импорт услуг	83,97	193,40	435,54	465,05
Торговый баланс услуг	-5,50	-15,06	-216,91	-40,99
Приток ПИИ	72,41	114,73	135,58	189,13
Вывоз ПЗИ	12,26	68,81	145,67	146,5

Источник: *General profile: China* [4]

С 2005 г. по 2022 г. приток ПИИ в Китай и вывоз ПЗИ росли. Вывоз ПЗИ в 2015 г. (145,67 млрд долл. США) обогнал приток инвестиций (135,58 млрд долл. США), к 2022 г. вывоз ПЗИ вырос незначительно и составил 146,50 млрд долл. США, при этом приток ПИИ значительно обогнал ПЗИ и составил 189,13 млрд долл. США. (таблица 4).

Накопленные прямые зарубежные инвестиции КНР в 2021 г. составили 278,5 трлн долл. США. Наибольший объем вложений КНР – это инвестиции в Азию, Гонконг и Латинскую Америку. На четвертом и пятом месте в списке, ранжированному по 2021 г., находятся офшорные территории Британские Виргинские острова и Каймановы острова, из чего следует, что направление накопленных на 2021 г. зарубежных инвестиций в общем размере 67,7 трлн долл. США не представляется возможным проследить (таблица 5). Существуют исследования, которые показывают, что половина инвестиций Китая в зарубежные развивающиеся страны носит теневой характер [23, с. 95].

Таблица 5 – Рейтинг территорий по накопленным прямым зарубежным инвестициям КНР с 2008 по 2021 г. (трлн долл. США). Ранжирован по 2021 г., первые 10 территорий

	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Всего	18,4	31,7	109,8	258,1	278,5
Азия	13,1	22,8	76,9	164,5	177,2
Гонконг	11,6	19,9	65,7	143,9	155,0
Латинская, Америка	3,2	4,4	12,6	63,0	69,4
Британские Виргинские острова	1,0	2,3	5,2	15,6	44,7
Каймановы острова	2,0	1,7	6,2	45,7	23,0
Европа	0,5	1,6	8,4	12,2	13,5
Северная Америка	0,4	0,8	5,2	10,0	10,0

	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
США	0,2	0,5	4,1	8,0	7,7
Сингапур	0,3	0,6	3,2	6,0	6,7
Африка	0,8	1,3	3,5	4,3	4,4

Источник: рассчитано автором по данным Государственного статистического управления КНР[11]

Около 13 % внешних инвестиций Китая в 2021 г. составили инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [8, с. 11], основная часть направлена на проекты в Центральной и Юго-Восточной Азии. За десять лет общая сумма инфраструктурных контрактов составила более 1 трлн долл. Приоритетными отраслями инвестиций стали металлургия и горнодобывающая промышленность, на них в первой половине 2023 г. пришелся прирост в 130% [20]. Тем самым Китай выносит вредные производства из страны и обеспечивает себя сырьем.

Основные инструменты торговой политики КНР

С целью либерализации и упрощения процедур торговли в Китае созданы пилотные зоны свободной торговли (ЗСТ) – многофункциональные особые экономические зоны, они также являются платформой самого высокого уровня открытости в Китае в настоящее время [30]. Первая пилотная ЗСТ была создана в Шанхае в 2013 году, в настоящее время их количество увеличилось до 21. В 2022 г. фактический объем иностранных инвестиций в пилотных ЗСТ достиг 222,52 млрд юаней, увеличившись за год на 4,5%, общий объем импорта и экспорта достиг 7,5 трлн юаней, что соответствует росту на 14,5 % в годовом исчислении. Несмотря на то, что пилотные ЗСТ занимают менее 0,4% от общей площади страны, в 2022 г. на их долю пришлось 18,1% от фактического объема ПИИ и 17,8% от общей стоимости импорта и экспорта [7].

Для регулирования торговых потоков применяются тарифное и нетарифное регулирование. Таможенный тариф Китая состоит из следующих тарифных ставок [8, с. 51]:

- тарифные ставки режима наибольшего благоприятствования (РНБ) для стран – членов ВТО;
- договорные ставки, применяются к импорту из стран и таможенных территорий, с которыми Китай имеет преференциальные торговые соглашения;
- особые преференциальные ставки (ОПС): односторонние преференции, применяемые к импорту из низкоразвитых стран (НРС), которые установили дипломатические отношения с Китаем;
- общие тарифные ставки, которые применяются к продукции, происхождение которой невозможно установить; товарам из стран, не имеющих взаимного торгового соглашения с Китаем, стран, не являющихся членами ВТО и некоторых территорий государств - членов ЕС;
- тарифные квоты [8, с. 51].

Размер простой средней ставки в режиме РНБ в 2022 г. составил 7,5% [3] (при вступлении в ВТО в 2001 г. ее размер составлял 15,3%), наибольший вклад в снижение ставки внесли заключенные Китаем двусторонние соглашения о свободной торговле [9, с. 279]. Наименьшие тарифные ставки применяются к товарам из НРС, которые являются сырьевыми товарами [9, с. 279]. В начале 2021 г. Китай применял нулевые тарифы на 97% тарифных позиций для 41 НРС. Доля тарифных позиций со ставками выше 15% (пиковые международные тарифы) составляла 4,5% в 2021 г., это значительно ниже, чем 13,9% в 2017 г. Линии беспошлинной торговли составили 12,6% всех линий [8, с. 12].

Самые высокие тарифы в рамках режима РНБ в 2021 г. в размере 65% применялись к 20 сельскохозяйственным тарифным позициям [8, с. 12]. Это объясняется тем, что Китай продолжает оставаться нетто-импортером сельскохозяйственной продукции. Китай реализует стратегию возрождения сельских районов [8, с. 14] и защищает своих сельхозпроизводителей. К 8 товарным группам КНР применяет импортные квоты: пшеница, кукуруза, рис, сахар, шерсть, шерстяные изделия, хлопок и химические удобрения [8, с. 51]. В 2022 году средний применяемый тариф РНБ на сельскохозяйственную продукцию составил 13,9 %, средневзвешенная ставка составила 13,1% [3].

В 2020 г. был принят Закон «Об экспортном контроле». Он регулирует экспорт товаров двойного назначения, военный экспорт, а также экспорт услуг, связанных с национальной безопасностью [15]. В 2020 г. все экспортные пошлины были адвалорными. В 2021 г. 102 тарифные линии (на 8-значном уровне ГС) облагались экспортными пошлинами, которые не изменялись с 2015 г., а 75 тарифных линий облагались временными пошлинами (180 в 2017 г.). Самая высокая ставка налога (50%) применялась к оловянным рудам и концентратам [8, с. 68].

В последние годы в торговой политике все большую роль стали играть нетарифные меры. К этому привело постепенное снижение тарифной защиты внутреннего рынка в силу выполнения Китаем условий присоединения к ВТО и других договоренностей. В период с 2010 г. по 2023 г. большая часть новых вмешательств государства в торговую политику была запретительной (минимум составил 86% в 2010 г. и максимум составил 97% в 2023 г.), их большая часть касалась торговли товарами (минимум 81% в 2023 г. и максимум 98% в 2023 г.). Вмешательства государства в торговлю услугами были в основном запретительными (от 80% до 100% от всех вмешательств в торговлю услугами). Вмешательства государства в инвестиции, напротив, были по большей части либерализационными, наибольшее количество либерализационных мер в инвестиции было принято с 2013 г. по 2020 г. (от 56% до 90% всех мер, касающихся инвестиций). После 2020 г. доля либерализационных мер в инвестициях начала снижаться и достигла 69% в 2023 г. (рассчитано автором по [2]).

Таблица 8 – Количество новых вмешательств государства в торговую политику в КНР с 2010 по 2023 г.

	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2023 г.
Общее количество вмешательств:				
либерализующие	34	42	43	31
запретительные	203	468	673	866
Вмешательства в торговлю товарами:				
либерализующие	28	33	32	18
запретительные	193	451	656	824
Вмешательства в торговлю услугами:				
либерализующие	1	0	2	1
запретительные	6	14	16	37
Вмешательства в инвестиции:				
либерализующие	5	9	9	11
запретительные	4	2	1	5
Вмешательства в миграцию:				
либерализующие	0	0	0	1
запретительные	0	1	0	0

Источник: рассчитано автором по данным Global Trade Alert [2]

В области регулирования ПИИ в 2019 г. произошли положительные изменения: был принят Закон «Об иностранных инвестициях». В него включена глава «Защита инвестиций», в которой говорится, что «государство не имеет права экспроприировать инвестиции иностранных инвесторов», а также защищает инвесторов от ограничений на трансграничные денежные переводы, от нарушения прав интеллектуальной собственности и от принудительной передачи технологий [14].

Основными инструментами, используемыми в Китае для регулирования ПИИ, являются негативные списки и Каталог отраслей, поощряемых для иностранных инвестиций. В Негативном

списке 2017 г. содержалось 63 ограничительные меры, в 2020 г. он сократился до 33. Запрещены иностранные инвестиции в разведку, разработку и переработку редкоземельных металлов, радиоактивных минералов и вольфрама [8, с. 11]. Крупнейшим сектором притока ПИИ является производство. Ряд мер по либерализации ПИИ направлен на развитие производственного сектора, в том числе в рамках инициатив «Сделано в Китае 2025» и «Интернет Плюс», запущенных в 2015 г. Сняты ограничения на долю ПИИ в производстве коммерческих автомобилей с целью повышения конкурентоспособности этого сектора. В список поощряемых отраслей были включены некоторые виды производственной деятельности, связанные с микросхемами, облачными вычислениями, промышленными роботами и инновационными технологиями, связанными с транспортными средствами [8, с. 15].

Тарифная система КНР и вводимые Китаем нетарифные меры эффективно защищают внутренний рынок от конкуренции со стороны зарубежных производителей и поощряют инвестиции в развитие конкурентного на мировом рынке высокотехнологичного производства. Таким образом, инструменты и меры внешней торговли КНР способствуют выполнению поставленных перед ней задач и усилению экономической мощи страны.

Основные цели и задачи торговой политики Китая

В последние годы Китай занимает первое место в мире по торговле товарами. Однако в связи с тем, что индустриализация и экономическое развитие Китая произошло позднее, чем у развитых западных стран, он был вынужден встраиваться в сложившуюся мировую торговую систему и принимать имеющиеся стандарты, инструменты и правила мировой торговли. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в докладе XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая отметил, что необходимо «повышать авторитет Китая на международной арене, соответствующий совокупной мощи и международному статусу нашего государства» [цит. по 21, с. 3]. Эта тема касается и торговой политики.

С этой точки зрения заслуживает внимания статья «Придание большего веса голосу Китая в международной торговле: текущая ситуация и идеи», опубликованная в журнале «Международная торговля» в разделе «Изучение и интерпретация духа XX съезда КПК». Авторы этой статьи – профессор Ма Гуанмин (马光明) и профессор Ван Лиюн (王立勇) Центрального университета экономики и финансов (中央财经, г. Пекин) [21]. Статья размещена на крупнейшей китайской электронной платформе академического контента CNKI (China National Knowledge Infrastructure).

В статье сформулирована одна из целей, стоящих перед торговой политикой Китая, а именно, повышение ее авторитета, который будет способствовать влиянию Китая на правила мировой торговли в интересах страны; сформулированы задачи, решение которых способствует повышению авторитета Китая в международной торговле, а также пути их реализации. Решение этих задач способствует трансформации положения Китая из страны, которая подчиняется существующим правилам международной торговли, в страну, которая сама разрабатывает эти правила и внедряет их в мировую торговлю.

По мнению авторов статьи, базой для рассматриваемых мер должна стать китайская теория международной торговли, которую предстоит создать и распространить в международном сообществе посредством всех имеющихся коммуникативных платформ и средств массовой информации, а также посредством распространения влияния китайских социальных медиа-платформ [21, с. 7]. Далее будут рассмотрены задачи, которые необходимо решить для достижения обозначенной цели.

Первая задача, по мнению профессора Ма Гуанмин и профессора Ван Лиюн, стоящая перед Китаем в рассматриваемой сфере, – это проведение реконструкции правил международной торговли в наиболее разработанных Китаем областях [21, с.6]. В настоящее время сложилась благоприятная ситуация для этой деятельности. После завершения в 2006 г. Дохийского раунда переговоров участников ВТО в правилах международной торговли наметилась новая тенденция – стагнация многосторонних торговых переговоров и появление региональных торговых соглашений, а влияние

ВТО на многосторонние торговые соглашения глобального характера стало постепенно ослабевать. Для Китая это дает возможность активно участвовать в реконструкции правил международной торговли и руководить ими, в том числе продвигать реформу ВТО.

В части реконструкции правил многосторонней торговли для Китая имеются два приоритетных направления: управление цифровой торговлей и разработка правил для цифровой экономики. Китай обладает высокой конкурентоспособностью в области международных платформ электронной торговли, логистических предприятий, информационных технологий 5G и других областях, связанных с развитием торговли ММСП (микро-, малые и средние предприятия). Поэтому Китай должен стремиться играть ведущую роль в реформе ВТО по вопросам упрощения торговли ММСП, международной электронной торговли и в многостороннем нормотворчестве в этой области [21, с.8]. В данном направлении Китай проводит в ВТО следующую работу: участвует в инициативах по совместным заявлениям по электронной торговле; содействует инвестициям в целях развития ММСП и регулирования в сфере услуг [8, с. 11]. Также Китай является участником Соглашения об информационных технологиях. В нем состоит 82 участника, представляющих около 97% мировой торговли ИТ-продукцией. Участники обязуются в соответствии с графиком уступок участников ВТО полностью отменить тарифы на ИТ-продукцию, подпадающую под действие данного Соглашения [5].

Вторая задача, которая связана с первой – это объединение развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки для участия в международном разделении труда и глобальном экономическом управлении на равных в рамках существующих многосторонних торговых организаций, с целью поднять вес своего голоса в регулировании правил международной торговли [21, с.6]. Это необходимо для того, чтобы противостоять западным странам во главе с США в сдерживании дальнейшего развития китайской экономики. В целях объединения развивающихся стран необходимо в полной мере использовать сотрудничество группы БРИКС и инициативы «Один пояс – один путь», выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином [21, с. 8].

В рамках созданного в 2006 г. объединения БРИКС Китай осуществляет активное сотрудничество в области финансов, торговли и экономики, финансовых услуг и т. д. В 2022 г. Китай председательствовал в БРИКС и провел большую работу в рассматриваемом направлении. Среди принятых документов – «Совместное заявление по поддержке многосторонней торговой системы и реформированию ВТО», «Инициатива БРИКС по укреплению сотрудничества в цепочке поставок», также Китай официально выдвинул предложение начать процесс расширения БРИКС [28].

Важным шагом в рассматриваемом направлении стало подписание в 2020 г. соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), объем торговли со странами которого составляет около одной трети общего объема внешней торговли Китая. На конец 2020 г. Китай подписал 19 соглашений о свободной торговле с 26 странами и регионами [17], по состоянию на конец января 2024 г. – 22 соглашения с 29 странами и регионами [19]. RCEP является самым крупным торговым соглашением в мире, на его страны-участники приходится более четверти международной торговли и мирового ВВП. Основные договоренности заключаются по торговле, экономическому и техническому сотрудничеству, инвестициям, поэтапному устранению тарифных и нетарифных барьеров [10, с. 102].

Китай проводит большую работу по расширению круга своих торгово-экономических партнеров. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» за 10 лет Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве со 152 странами и 32 международными организациями, что охватывает 83% стран, установивших дипломатические отношения с Китаем [18]. В этих странах Китай развивает торговлю своими товарами и услугами, а также использует свою рабочую силу.

Третья задача, стоящая перед Китаем – из пассивного получателя международных правил и стандартов стать их активным разработчиком [21, с.8]. Для этого в процессе изучения и заимствования стандартов и системы международной торговли необходимо повышать способность страны устанавливать торговые правила и отраслевые технические стандарты, создавать китайские

стандарты, соответствующие тенденциям промышленного развития. Находящиеся в Китае передовые международные платформы электронной торговли, логистические компании, информационные технологии 5G и другие технологии, связанные с развитием малых, средних и микро торговых предприятий, взяли на себя инициативу в формировании государственных стандартов и норм, а также посредством экспериментальных зон свободной торговли и других открытых каналов распространяют эти китайские стандарты и правила на международный уровень, чтобы сделать их стандартными правилами международной торговли, тем самым коренным образом усиливая голос Китая в международной торговле [21, с. 9].

Создавая инфраструктуру и внедряя свои разработки в странах, участвующих в соглашениях инициативы «Один пояс – один путь», Китай тем самым распространяет свои технические стандарты. Этому также способствуют участие Китая в Соглашении ВТО об информационных технологиях и Закон КНР «Об электронной торговле», который регулирует заключение и исполнение договоров электронной торговли для ее операторов, разрешение споров в области электронной торговли и ее продвижение [16].

Четвертая важная задача в области торговой политики с точки зрения китайских ученых-экономистов – это интернационализация юаня [21, с.7]. Валюта оценки и расчетов является важной частью правил международной торговли. Право определять валюту ценообразования и расчетов в международной торговле является важной частью правил и норм международной торговли. Для Китая интернационализация юаня является ключевой мерой в мероприятиях по повышению его авторитета в международной торговле и расчетах в будущем. Увеличение доли юаневых расчетов во внешней торговле Китая способствует созданию фьючерсных рынков на энергоносители, металлы, минералы и другие важные товары. Также необходимо продолжать стимулировать интернационализацию юаня и создание цифрового юаня, что позволит избавиться от сложной финансовой инфраструктуры банков-корреспондентов и давления на безопасность международной торговли и финансовых платежей Китая со стороны системы SWIFT. Право определять валюту ценообразования и расчетов в международной торговле является важной частью правил и норм международной торговли [21, с. 9].

Китай начал осуществлять интернационализацию юаня примерно в 2010 г., и самым значительным достижением этой деятельности стала постепенная трансформация юаня в международную расчетную валюту. Важную роль в этом процессе играет трансграничная электронная торговля, в 2018 г. был принят Закон КНР «Об электронной торговле» [10]. Согласно отчету Центрального банка КНР о финансовой статистике, ежегодный объем трансграничных расчетов в юанях по торговле товарами в 2022 г. составил 7,92 трлн юаней [26], в 2023 г. составил уже 10,69 трлн юаней [27]. Согласно статистике Сообщества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций (SWIFT), доля юаня в мировом объеме платежей увеличилась с менее чем 0,3% в конце 2011 года [21, с. 6] до максимального значения 4,69% в марте 2024 г. [6].

Авторы статьи считают, что для географического расширения использования юаня в качестве международной расчетной валюты необходимо сформировать «недолларовый торговый круг», состоящий из богатых ресурсами дружественных торговых партнеров, распространяя его на обширные развивающиеся страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки [21, с. 9].

Проанализировав статью китайских ученых-экономистов профессора Ма Гуанмин и профессора Ван Лиюн, мы видим, что в понятие «торговая политика» они вкладывают более широкий смысл, чем обычно принято считать. Для того, чтобы поднять авторитет Китая в международной торговле, необходимо решить ряд задач, начиная с создания теории международной торговли до объединения развивающихся стран и получения приоритета в установлении технических стандартов на товарную продукцию и услуги. Как было показано выше, работу в данном направлении Китай ведет уже несколько десятилетий, а именно с начала 2000-х годов, в широком географическом охвате.

Выводы

В данной работе рассмотрены основные документы, регулирующие торговую политику Китая, динамика показателей внешней торговли, а также ее инструменты и меры, направленные на повышение ее эффективности. Анализ динамики внешней торговли показал, что Китай последовательно переводит свою промышленность с производства низкотехнологичной продукции к среднетехнологичной и высокотехнологичной продукции. Тем самым Китай решает сразу две задачи. Во-первых, получает увеличивающуюся добавленную стоимость, которая позволяет ему развивать экономику и претворять в жизнь решения высшего органа государственной власти ВСНП по повышению уровня жизни населения. Во-вторых, разрабатывает стандарты для тех областей, в которых является лидером, с перспективой сделать их всеобщими стандартами и тем самым оказывать влияние на данные отрасли во всем мире.

Показано, что Китай, несмотря на снижение тарифных ставок в соответствии с договоренностями при вступлении в ВТО, при необходимости с помощью нетарифных мер защищает внутренний рынок и своих производителей от конкуренции с зарубежными производителями, а стратегические области от зарубежного вмешательства. Созданные в последнее десятилетие ЗСТ служат мощным катализатором внешней торговли. Используя ПИИ, Китай стимулирует развитие высокотехнологичных конкурентоспособных на внешнем рынке производств; инвестиции в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и в НРС способствуют решению проблемы сырья.

Изучив работу китайских ученых-экономистов, мы видим, что особенность торговой политики Китая состоит в широком спектре направлений деятельности. Помимо тарифных и нетарифных мер, которые считаются традиционными инструментами торговой политики, в нее входят мероприятия, направленные на реализацию планов Китая от трансформации национальной валюты в международное средство расчетов до реформирования ВТО и изменения правил международной торговли. Как следует из статистических и информационных материалов, деятельность по повышению влияния своей торговой политики Китай проводит с начала 2000-х гг.

Для дальнейшего развития экономики и повышения уровня жизни населения Китаю необходимо повысить производство высокотехнологичной продукции и занять её рынки сбыта. В этой сфере Китай конкурирует с США и развитыми западными странами, поэтому Китаю необходимо выиграть технологическое противостояние, так как в противном случае ограниченность емкости внутреннего рынка будет препятствовать экономическому росту и уровень жизни населения в Китае заметно снизится, что приведет к дестабилизации социальной обстановки.

Итак в данной работе показано, что с позиции Китая понятие «торговая политика» существенно шире общепринятого и включает полный комплекс мер – от внутреннего регулирования до активного влияния на международные стандарты и правила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 14-й пятилетний план национального экономического и социального развития КНР и долгосрочные цели на 2035 г. — Текст : электронный // Государственный комитет развития и реформ КНР (NDRC): [сайт]. — URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/P020210323538797779059.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).
2. China / [Электронный ресурс] // Global Trade Alert : [сайт]. — URL: https://www.globaltradealert.org/country/42/period-from_20050101/period-to_20240630 (дата обращения: 30.06.2024).
3. China Tariff Profile — Текст: электронный // WTO : [сайт]. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/daily_update_e/tariff_profiles/CN_E.pdf (дата обращения: 09.04.2024).
4. General profile: China — Текст: электронный // UNCTADstat : [сайт]. — URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/156/GeneralProfile156.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).
5. Information Technology Agreement. — Текст : электронный // WTO : [сайт]. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/inftec_e/inftec_e.htm (дата обращения: 01.04.2024).
6. Monthly reporting and statistics on renminbi (RMB) progress towards becoming an international currency. February 2024 / [Электронный ресурс] // RMB Tracker document centre : [сайт]. — URL: <https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmb-tracker/rmb-tracker-document-centre> (дата обращения: 24.06.2024).
7. The Role of China's Pilot Free Trade Zones in Promoting Institutional Innovation, Industrial Transformation and South-South Cooperation / [Электронный ресурс] // UNCTAD : [сайт]. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/gds2023d5_en.pdf (дата обращения: 30.03.2024).
8. Trade Policy Review: China. 9 March 2022 — Текст: электронный // WTO [сайт]. — URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/TPR/S415R1.pdf&Open=True> (01.04.2024).
9. Александрова, М. В. Тарифное и нетарифное регулирование импорта в КНР и его влияние на ввоз товаров из России / М. В. Александрова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — : 2018. — С. 275-291. Текст: электронный// — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tarifnoe-i-netarifnoe-regulirovanie-importa-v-knr-i-ego-vliyanie-na-vvoz-tovarov-iz-rossii?ysclid=luu7rk9cj8902555056> (дата обращения: 30.03.2024).
10. Виноградова, И. В. Современные тенденции во внешнеторговой политике Китая, Индии, стран Южной Азии / И. В. Виноградова // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 10. С.100-110. Текст: электронный// — URL: <https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/215> (дата обращения: 30.03.2024).
11. Внешнеэкономическая и торговая деятельность / [Электронный ресурс] // Государственное статистическое управление КНР: [сайт]. — URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 30.03.2024)
12. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР / И.Е.Денисов, И.Ю.Зуенко; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Институт международных исследований. — Москва: МГИМО-Университет, 2022. — 24 с. Текст: электронный// — URL: https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/?ysclid=luu61anflw441156667&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 30.03.2024).
13. Закон КНР «О внешней торговле» — Текст: электронный // : [сайт]. — URL: https://chinalawinfo.ru/economic_law/law_foreign_trade (дата обращения: 30.03.2024).
14. Закон КНР «Об иностранных инвестициях» — Текст: электронный // Министерство торговли КНР: [сайт]. — URL: <http://tfs.mofcom.gov.cn/article/fl/202101/20210103034662.shtml> (дата обращения: 04.04.2024).
15. Закон КНР «Об экспортном контроле» — Текст : электронный // Всекитайское собрание народных представителей: [сайт]. — URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202010/>

t20201017_308277.html (дата обращения: 04.04.2024).

16. Закон КНР «Об электронной торговле» — Текст : электронный // Министерство торговли КНР: [сайт]. — URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/zt_dzswf/ (дата обращения: 02.04.2024).

17. Китай подписал 19 соглашений о свободной торговле с 26 странами и регионами — Текст: электронный // Министерство торговли КНР (MOFCOM). Сеть обслуживания зон свободной торговли Китая: [сайт]. — URL: http://fta.mofcom.gov.cn/article/rcep/rcepfgfd/202012/44121_1.html (дата обращения: 31.03.2024).

18. Китай подписал документы о сотрудничестве по инициативе «Один пояс, один путь» со 152 странами и 32 международными организациями / — Текст: электронный // Новостная сеть «Синьхуа»: [сайт]. — URL: http://www.news.cn/fortune/2023-08/24/c_1129822163.htm (дата обращения: 02.04.2024).

19. Круг друзей свободной торговли Китая продолжает расширяться — Текст: электронный // Министерство торговли КНР (MOFCOM). Сеть обслуживания зон свободной торговли Китая: [сайт]. — URL: http://fta.mofcom.gov.cn/article/fzdongtai/202402/55198_1.html (дата обращения: 31.03.2024).

20. Кулинцев Ю. Десятилетие китайской инициативы «Один пояс, один путь»: вызовы, достижения и перспективы / Кулинцев Ю. — Текст : электронный // РСМД : [сайт]. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoj-initsiativy-odin-royasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/?ysclid=luib9bcksi696218747> (дата обращения: 02.04.2024).

21. Ма Гуанмин, Ван Лиюн. Укрепление права голоса Китая в международной торговле: текущая ситуация и идеи // Международная торговля. — 2023. — № 4. С.3-10. Текст: электронный// CNKI [сайт]. Доступ по подписке — URL: <https://www-cnki2.xstsg.top/kns8s/defaultresult/index> (дата обращения: 30.03.2024).

22. Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс/ А. С. Булатов [и др.] ; под общей редакцией А. С. Булатова. — Москва : Издательство КноРус, 2023. — 677 с. — Текст : электронный. Доступ по подписке . — URL: <https://bibliocatalog.mgimo.ru:2337/books/948878> (дата обращения: 07.01.2024).

23. Михневич С. В. Стремясь к балансу: анализ деятельности КНР по решению торгово-инвестиционных задач ЦУР на примере сотрудничества с ключевыми партнерами из числа наименее развитых стран (НРС)/ С. В. Михневич // Вестник международных организаций. — 2020. — Т. 15. № 1. — С. 84-119. Текст: электронный// — URL: https://iorj.hse.ru/data/2020/05/14/1546467910/VESTNIK_1_%202020__SITE-82-117.pdf?ysclid=lurbubv27f629999418 (дата обращения: 30.03.2024).

24. Олейнов А. Г. Теории международной торговли и внешнеторгового регулирования (Часть II) [Текст] / А. Г. Олейнов // «Мировое и национальное хозяйство». — 2020. — № 3 (52). Текст: электронный// — URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/teorii-mezhdunarodnoj-torgovli-i-vneshnetorgovogo-regulirovaniya-chast-2.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

25. Основные функции министерства торговли — Текст: электронный // Министерство торговли КНР (MOFCOM): [сайт]. — URL: <http://www.mofcom.gov.cn/mofcom/zhize.shtml> (дата обращения: 30.03.2024).

26. Отчет о финансовой статистике за 2022 г. / — Текст: электронный // Народный банк Китая: [сайт]. — URL: <http://www.pbc.gov.cn/diaochatongjisi/116219/116225/4761016/index.html> (дата обращения: 02.04.2024).

27. Отчет о финансовой статистике за 2023 г./ — Текст: электронный // Народный банк Китая: [сайт]. — URL: <http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/5202055/index.html> (дата обращения: 02.04.2024).

28. Плодотворные результаты сотрудничества в рамках БРИКС под председательством Китая — Текст : электронный // «Жэньминь жибао» он-лайн : [сайт]. — URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0705/c95181-10119319.html> (дата обращения: 01.04.2024).

29. Соглашения ВТО — Текст : электронный // Центр экспертизы ВТО : [сайт]. — URL: <https://>

www.wto.ru/about-WTO/WTO-agreements/?ysclid=lu30vupnyg688323210 (дата обращения: 30.03.2024).

30. Что такое «пилотная зона свободной торговли»? — Текст: электронный // Район Цзиньши пилотной зоны свободной торговли провинции Чжэцзян: [сайт]. — URL: http://www.jinhua.gov.cn/art/2021/1/4/art_1229497160_59868768.html (дата обращения: 04.04.2024).

Peculiarities of China's trade policy: current state and directions of development

Fedorov Dmitry Konstantinovich

Student

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

E-mail: Fedorov_D_K@my.mgimo.ru

Abstract. This article analyzes the current state, main instruments, and directions of development of China's trade policy in the context of the confrontation between the two global economic leaders, China and the USA. Understanding the meaning that China embeds in the concept of «trade policy» will enable Russia to perceive the logic of China's decisions and effectively build cooperation with China in the economic sphere and the related ones. The aim of this study is to identify the peculiarities of China's trade policy. To achieve this, the article examines the main indicators and instruments of China's trade policy, considers the current viewpoints of Chinese economists on trade policy, and analyzes activities concerning its implementation. Particular attention is given to the methods China uses to increase its influence in the global economy. The findings demonstrate that through its trade policy, China aims not only to enhance its economic power but also to shape new global rules and standards, reflecting its aspiration for leadership in international economic relations. China's tariff system and the enforcement of non-tariff measures effectively protect its domestic market from foreign competition and encourage investments in the development of competitive high-technology production on the global market. The article shows that in China, the concept of «trade policy» encompasses a broader set of tools and measures than the commonly accepted tariff and non-tariff measures. Within its trade policy framework, China addresses a range of tasks, from the internationalization of the national currency to uniting developing countries and gaining priority in setting technical standards for goods and services. It is shown that China has been working in this direction for several decades, specifically since the early 2000s.

Keywords: China's trade policy, internationalization of the yuan, international trade, trade policy instruments, rules of international trade, international economic relations

Безусловный базовый ДОХОД VS социальная справедливость: возможно ли единство?

Иванникова Анастасия Александровна

студент

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Росси

E-mail: ivannikovaaa.cd@yandex.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия

E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация. С каждым годом вопрос реализации принципов социальной справедливости становится всё более актуальным. В связи с чем, во многих странах начинает приобретать популярность концепция безусловного базового дохода, призванная разрешить множество проблем социально-экономического характера. Цель работы заключается в выявлении эффективности введения безусловного базового дохода в целях обеспечения реализации принципов социальной справедливости. К основным методам, использованным в исследовании, можно отнести анализ и оценку аналитических и статистических материалов, их сравнение, диалектический подход к анализу информационной базы исследования, а также сценарный анализ. В результате проделанной работы авторами было выявлено, что существующие проекты по введению универсальных трансфертов нельзя в полной мере назвать равноценными аналогами полноценной программы по предоставлению безусловного базового дохода. Вследствие чего на данный момент не представляется возможным сделать конкретные выводы касательно последствий реализации подобной политики «равенства результатов». Тем не менее, на основании анализа таких экспериментов были выявлены ключевые факторы, влияющие на реальные последствия введения универсальных трансфертов. К ним относятся размер безусловных выплат, а также сформированный в условиях реализации исследуемой концепции уровень заработной платы. В связи с чем дальнейшее выявление последствий предоставления универсальных выплат в процессе моделирования возможных сценариев введения безусловного базового дохода основывалось именно на данных факторах. На основании проведённого анализа были сделаны выводы о том, что введение безусловного базового дохода может привести к возникновению множества негативных последствий. В связи с чем авторы предлагают обратить внимание на возможность реализации принципа «равенства возможностей» для всего населения. Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейшем в целях поиска новых путей совершенствования социально-экономической политики страны для повышения благополучия её населения.

Ключевые слова: безусловный базовый доход, социальная справедливость, социальная политика, неравенство населения, уровень занятости, уровень бедности

JEL codes: H53, I31, O15

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-122-144>

Для цитирования: Иванникова, А.А. Безусловный базовый ДОХОД VS социальная справедливость: возможно ли единство? / А.А. Иванникова, М.Л. Альпидовская. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С122-144. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

Введение

На современном этапе развития социально-экономических отношений вопрос реализации принципов социальной справедливости становится всё более актуальным. Развитие капиталистических отношений привело к усугублению противоречий в обществе, спровоцировав высокую степень дифференциации доходов населения и, как следствие, множество других проблем социально-экономического характера.

В связи с чем, сегодня во многих странах, в том числе и в России, всё большую популярность начинает приобретать концепция безусловного (универсального) базового дохода (ББД/УБД), подразумевающая под собой гарантированные выплаты, предоставляемые всем гражданам вне зависимости от каких-либо условий. По мнению экспертов, среди которых можно выделить Бобкова В.Н., Черных Е.А., Золотова С.А., Одинцову Е.В. и многих других, аналогичные трансферты позволяют разрешить множество социально-экономических проблем, связанных с самим развитием общества. В частности, речь идёт о снижении уровня бедности, об улучшении качества жизни и повышении уровня социальной защищённости граждан [50]. Тем не менее, реализация данной концепции сопряжена с достаточно серьёзными противоречиями, без разрешения которых введение подобного дохода способно ещё больше усугубить социальную напряжённость.

Цель исследования заключается в выявлении эффективности введения безусловного базового дохода в целях обеспечения реализации принципов социальной справедливости. Авторская гипотеза заключается в том, что введение универсальных трансфертов может спровоцировать возникновение достаточно противоречивых последствий, в результате чего данная мера не сможет способствовать повышению уровня жизни населения и разрешению существующих проблем социально-экономического развития стран.

Методы

В ходе исследования социально-экономических отношений, возникающих вследствие введения безусловного базового дохода, были проведены анализ, оценка и сравнение различных статистических и аналитических материалов, а также научных исследований, затрагивающих вопросы реализации данной концепции. На основе диалектического подхода к анализу представленных информационных ресурсов в исследовании предпринимается попытка моделирования возможных сценариев движения процесса трансформации социально-экономических отношений, вызванного внедрением универсальных трансфертов на государственном уровне.

Полученные результаты

Итак, понятие безусловного базового дохода является далеко не новым в экономической науке. Впервые данная концепция была упомянута ещё в XV в. в «Утопии» Томаса Мора, где автор, рассуждая о причинах распространения воровства, сделал вывод о том, что «гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жесткой необходимости сперва воровать, а потом погибать» [36]. В дальнейшем идея о необходимости выплаты всем гражданам денег с целью обеспечения «базовых потребностей» была развита в XIX веке Жозефом Шарлье, бельгийским юристом [56]. Однако наибольшее распространение данная концепция в научных кругах получила лишь в XX веке с выходом в свет работы британского философа Бертрана Рассела «Предложенные пути к свободе» [44]. В данном труде автор делает вывод о том, что усложнение труда сделает возможным выплачивать всем гражданам гарантированный минимальный доход [39]. В дальнейшем идея безусловного базового дохода начала обсуждаться и в политических кругах, что привело и к появлению экспериментов по введению такого трансфертного платежа и его возможных вариаций.

Первые попытки внедрения выплат-аналогов концепции безусловного базового дохода, были сделаны ещё в 1968–1980 гг. Так, в данный период, в США исследовалось влияние отрицательной ставки подоходного налога, предложенной Милтоном Фридманом, на занятость населения. Суть данной идеи заключалась в осуществлении доплат до уровня дохода, с которого начинается налогообложение [53]. Впоследствии похожий эксперимент был проведён в Канаде в 1974–1976 гг. [39, с. 109]. Однако интеграция подобного инструмента не смогла привести к значительным преобразованиям в социально-экономической политике стран.

Тем не менее, идея безусловных выплат всё же была реализована в штате Аляска. Так, на основании решения, принятого на референдуме 1976 г., в данном субъекте был создан фонд будущих

поколений или Постоянный Фонд Аляски. И уже с 1982 г. жители штата начали получать ежегодные выплаты, размер которых зависит от работы фонда за предшествующие 5 лет [39, с. 109].

Изначально величина выплачиваемой суммы была крайне мала и в 1984 г. составляла всего \$331 на 1 человека в год. Однако уже с 1996 г. она превысила отметку в \$1000 и в 2015 достигла своего пика - \$2072. При этом несмотря на то, что данная сумма по-прежнему выплачивается лишь раз в год и этих средств остаётся недостаточно для полноценной жизни в течение всего года, подобные выплаты положительно сказываются на благополучии населения региона. Так, по результатам опроса, проведённом в 2017 г. среди жителей штата Аляска, 40% респондентов ответили, что данные трансферты за последние 5 лет немного улучшили их жизнь, и лишь 20% отметили отсутствие каких-либо изменений. При этом на вопрос о желании работать лишь 16% респондентов отметили, что безусловные выплаты негативно повлияли на мотивацию к трудовой деятельности. В то же время 21% опрошенных сообщили о положительном воздействии на экономическую активность, а 55% отметили отсутствие влияния [52].

При этом и в других странах по всему миру наблюдаются попытки проведения подобных экспериментов. Однако в ряде случаев они даже не доходят до этапа реализации, поскольку не находят поддержку среди населения. Так, например, попытка добиться обсуждения данной идеи на уровне Еврокомиссии в 2012–2013 гг. потерпела поражение из-за того, что данная гражданская инициатива собрала лишь 281 тыс. подписей из необходимого миллиона. Похожая ситуация наблюдалась и в Испании, где в поддержку введения безусловного базового дохода народную инициативу подписало 185 тыс. испанцев, в то время как для рассмотрения в парламенте нужно было набрать не менее 500 тыс. подписей (однако впоследствии в данной стране всё же был проведён эксперимент по выплате универсальных трансфертов для определённой группы граждан) [29].

Показательным здесь является опыт государств с социально ориентированной моделью развития. Например, в Швейцарии попытка проведения подобной социально-экономической политики «снизу» хоть и прошла несколько дальше, и даже была выдвинута на референдуме в 2016 г., но всё же не получила поддержку среди населения страны. Так, на проведённом референдуме за реализацию данной идеи проголосовало менее трети швейцарцев, а именно - лишь 23,1% [29, с. 178]. Основной причиной такой реакции во многом послужила недоработанность самой концепции и множество изъянов в схеме её реализации. В частности, отсутствовали уточнения по поводу размера выплат, категории населения, которые будут их получать (а именно – будут ли данные трансферты выплачиваться мигрантам), сохранения других социальных выплат. Вследствие возникновения этих и ряда других вопросов правительство рекомендовало населению отказаться от принятия данной идеи. Более того, во многом на данное решение повлияло и то, что традиционные институты социального государства в Швейцарии функционируют весьма успешно [29, с. 178].

Таким образом, даже в странах с социально ориентированной моделью развития идея безусловного базового дохода, несмотря на прогнозируемую успешность, не была осуществлена. И обусловлено это во многом тем, что сегодня в рамках реализации их социально-экономической политики уже успешно функционируют механизмы, направленные на обеспечение благополучия общества, принцип которых можно учесть и для разработки мер по поддержке населения в других государствах.

Тем не менее, в ряде стран, в частности Испании, Италии, Намибии, Кении, Ирландии и многих других, пилотные проекты по введению безусловных трансфертов всё же были проведены и в большинстве случаев они оказались удачными, показав рост социального благополучия: снижение уровня бедности, улучшение показателей физиологического здоровья, повышение посещаемости детьми образовательных учреждений и продолжительности их образования и т.д. – среди группы людей, которая получала безвозмездные выплаты [39, с. 110; 43]. Более того, отмечается, что во многих государствах данные трансферты позволили повысить и экономическую активность населения. Исключение составили лишь эксперименты, проведённые в Финляндии, Онтарио и некоторых

других странах, по результатам осуществления которых получающие безусловный доход граждане не стали более активными в поиске работы.

В то же время, к числу реализованных проектов-аналогов концепции универсальных трансфертов ряд исследователей, в частности Квашнин Ю.Д., относят и опыт таких стран, как Монголия и Иран. Так несмотря на то, что там не предполагалось проведение целенаправленных проектов-апробаций концепции безусловного базового дохода, населению данных стран, вследствие совершенно разных обстоятельств, были выданы трансферты, обладающие схожими с исследуемым понятием чертами [30].

При этом анализ последствий осуществления таких программ в данных государствах позволяет сделать вывод, что далеко не во всех случаях безусловных выплаты способствуют улучшению благосостояния всего населения. В частности, проведение эксперимента по введению универсальных трансфертов в Иране и вовсе привело к возникновению негативных последствий, выразившихся в ухудшении макроэкономической обстановки.

Более того, для уточнения основных аспектов реализации универсальных трансфертов, некоторые авторы, в частности Золотов А.В., Золотов С.А., Бобков В.Н., Павлова В.В., предлагают принять во внимание и опыт социально-экономической политики некоторых стран в период распространения пандемии COVID-19. Так, например, в США, Японии, Германии, Бельгии, Сингапуре, Китае, Великобритании, России, Испании, в 2020 г. были предоставлены особые безусловные гарантированные выплаты, осуществлённые не только в форме фиксированных трансфертов, но и в виде компенсации уровня заработной платы, в целях поддержания благополучия населения [50, с. 260].

Таким образом, всего в мире на текущий момент уже было реализовано порядка 29 проектов, которые, по мнению экспертов, в наибольшей мере отвечают принципам безусловного базового дохода [49]: универсальность, безусловность, денежная форма, индивидуальный характер выплат и регулярность [50, с. 11]. При этом, как отмечается на едином портале – Basic Income Earth Network (BIEN) – всего в мире на данный момент зарегистрировано 192 эксперимента (как завершённых, так и продолжающихся по сей день) [28].

Однако, несмотря на такое обилие опыта, важно отметить, что отождествление существующих экспериментов, и, соответственно, эффекта от их проведения, с социально-экономическими последствиями реализации полноценной программы безусловного базового дохода для экономики всей страны является не совсем некорректным. Это обусловлено сразу несколькими причинами [30, с. 316; 39, с. 111].

Во-первых, исходя из данных, представленных в таблице 1, можно констатировать, что в реализацию большинства проектов было вовлечено не всё население страны, а лишь некоторая её часть. Так, например, многие эксперименты (в частности, в Гонконге, Кении, на Аляске и т.д.) проходили на территории только одного или нескольких определённых субъектов (штатов, регионов, населённых пунктов и т.д.). В то время как участниками других проектов (например, в Финляндии, Испании, Индии, Ирландии и т.д.) являлись лишь выбранные индивиды или домохозяйства.

Таблица 1 – Наиболее значимые эксперименты введения социальных выплат-«аналогов» безусловного базового дохода

Страна/ регион	Размер выплаты	Периодичность выплат	Годы проведения	Критерии выборки	Источник финансирования	Причины завершения проекта
Общенациональные проекты						
Монголия	Изначально выплаты составляли 89 долл. США Затем - 7-17 долл. США	Ежемесячно	2011-2012 гг.	Всё население страны	Государство	Возникновение дефицита бюджета обусловило необходимость отказа от транс-фертов

Страна/ регион	Размер выплаты	Периоди- чность выплат	Годы про- ведения	Критерии выборки	Источник финан- сирования	Причины завершения проекта
Иран	455 тыс. рупий	Ежемесячно	2010–2016 гг.	Абсолютное большинство жителей страны (за исключением 4% самых обеспеченных)	Государство	Проект был завершён по причине ухудшения макроэкономической обстановки (возникновение инфляции и обострение внешнеэкономических проблем)
Италия	от 480 до 9360 евро в год и состоит из надбавки к доходу и финансовой поддержки для по-крытия расходов на аренду, но не более 3360 евро в год (1800 евро в случае пенсии по граж-данству) или ипотеки, до лимита 1800 евро в год	Ежемесячно	2019–2023 гг.	Всё население страны, чей доход не превышает 9360 евро в год (или 6000 евро в месяц для домохозяйств) при отсутствии крупного капитала (недвижимость на сумму бо-лее 30 тыс. евро на домохо-зяйство и движимое имуще-ство на сумму более 6 тыс. евро на человека)	Государство	Отказ от «безусловного» пособия в пользу «инклю-зивного»
Проекты, проводимые в рамках определённой территории (штат/регион/населённый пункт и т.д.)						
Калифорния (США)	500 долл. США	Ежемесячно	2019–2021 гг.	125 человек, жители районов, где средний доход домохо-зяйства был таким же или ниже, чем в целом по городу	Reinvent Stockton Foundation (амери-канская некоммерче-ская организация)	Проект был срочным, однако результаты его реализации были признаны поло-жительными, и данная идея получила распространение в других регионах страны
Аляска	331 (1984 г.) –2072 (2015 г.) долл. США	Ежегодно	С 1996 г.	Всё население штата	Государство	Продолжается до сих пор
Гонконг (Китай)	6000 юаней	Разовая выплата	2011 г.	Все взрослые граждане	Государство	Выплата была разовая, од-нако в 2020 г. опыт был повторён
Макао (Китай)	Для местных жителей: 645 юаней Для граждан, приехавших из матери-кового Китая: 370 юаней	Ежемесячно	С 2008 г.	Всё население региона	Государство	Проект признан эффективным и продолжается до сих пор

Страна/ регион	Размер выплаты	Периодичность выплат	Годы проведения	Критерии выборки	Источник финансирования	Причины завершения проекта
Мадхья Прадеш (Индия)	Взрослые: 200–300 рупий Дети: 100–150 рупий	Ежемесячно	2011–2012 гг.	5547 чел. – жители 20 деревень -основных участников проекта и 756 чел. – жители племенных деревень	SEWA (Ассоциация самозанятых женщин) и UNICEF (Чрезвычайный фонд защиты детей ООН)	Проект был срочный
Намибия	100 намибийских долларов	Ежемесячно	2008–2009 гг.	930 человек жители Отживе-ро-Омитары младше 60 лет	Организация по борьбе со СПИДом, организации профсоюзов и церкви, немецкие фонды	Проект был срочный; в 2020 г. обсуждалась возможность повторения, однако ББД был заменён пособиями
Кения	22 евро	Ежемесячно	2017–2030 гг.	20 тыс. человек-жителей раз-ных деревень	Give Directly (амери-канская некоммерче-ская организация)	Продолжается до сих пор
	507 евро	Разовая выплата				
Проекты, проводимые в рамках определённой выборки						
США	750 долл. США	Ежемесячно	2023 г. -октябрь 2024 г.	103 человека из числа бездомных в штатах Сан-Франциско и Лос-Анджелес (из них только часть получает ББД)	Miracle messages	Продолжается до сих пор
Финляндия	560 евро	Ежемесячно	2017–2018 гг.	2 тыс. случайно выбранных по всей стране безработных людей в возрасте от 25 до 58 лет	Государство	Проект был срочный и не показал своей эффективности
Испания	100–1675 евро	Ежемесячно	2017–2019 гг.	915 домохозяйств из одного из наиболее уязвимых районов Барселоны - Eix Besòs	Государство	Проект признан эффективным и его введение на постоянной основе на данный момент обсуждается
Тамил Наду (Индия)	1 тыс. рупий	Ежемесячно	н/д	10 тыс. наиболее бедных женщин	Государство	Продолжается до сих пор
Уганда	Взрослые: 18,25 долл. США Дети: 9,13 долл. США	Ежемесячно	2017–2019 гг.	217 детей и 123 взрослых чел.	Благотворительная организация «Eight»	Проект был срочный
Ирландия	270 фунтов стерлинга	Еженедельно	С 2022 г.	2 тыс. человек: более 700 художников, 584 музыканта, 204 работника кино, 184 пи-сателя, а также актеры, тан-цовщики, артисты цирка	Государство	Продолжается до сих пор

Страна/ регион	Размер выплаты	Периоди- чность выплат	Годы про- ведения	Критерии выборки	Источник финан- сирования	Причины завершения проекта
Хайдарабад (Индия)	Взрослые: 1000 рупий Дети: 500 рупий	Ежемесячно	н/д	1250 чел. из числа бедных	WorkFree	Продолжается до сих пор
Онтарио (Канада)	17000 долл. США	Ежегодно	2017–2018 гг.	4 тыс. резидентов в возрасте от 18 до 64 лет с низким уровнем дохода	Государство	Проект завершился досрочно ввиду отсутствия ре- зультата (по другим данным – ввиду смены властей)
Ливорно (Италия)	500 евро	Ежемесячно	2016–2017 гг.	100 самых бедных семей в Ливорно	Государство	Проект был срочный, одна-ко по его завершению он был продлён
Нидерланды	До 202 евро	Ежемесячно	2018–2019 гг.	752 чел., которые могут по-лучать социальную поддерж-ку	Государство	Проект был срочный
Проекты, реализованные в рамках поддержки населения в период пандемии COVID-19						
США	Для взрослых: 1200 долл. США Для детей: 500 долл. США (но не более 6000 долл. США на 1 домохозяйство)	Ежемесячно	2020 г.	Всё население страны с годо- вым доходом до 75 тыс. долл. США	Государство	Срочная программа
Япония	100 тыс. иен	Разовая выплата	2020 г.	Всё население страны	Государство	Разовая выплата
Бельгия	70–80% заработной пла- ты	Ежемесячно	2020 г.	Официально зарегистриро- ванные работники	Государство	Срочная программа
Германия	60–67% заработной пла- ты	Ежемесячно	2020 г.	Официально зарегистриро- ванные работники	Государство	Срочная программа
Сингапур	Всем работающим: чек на 4600 сингапурских долл.	Разовая выплата	Апрель-июнь 2020 г.	Всё население страны	Государство	Срочная программа
	Людам от 20 до 50 лет: 600 сингапурских долл.; Людам старше 50 лет: 100 сингапурских долл.; Детям младше 20 лет: 300 сингапурских долл.	Ежемесячно				
Китай	Выдача потребительских ваучеров	Еженедельно	6–27 июня 2020 г.	Всё население страны	Государство	Срочная программа

Страна/ регион	Размер выплаты	Периодичность выплат	Годы проведения	Критерии выборки	Источник финансирования	Причины завершения проекта
Россия	19500 руб.	Ежемесячно	Апрель-сентябрь 2020 г.	Лица, потерявшие работу	Государство	Срочная программа
Велико-британия	80% заработной платы (максимальная сумма – 2500 фунтов стерлинга)	Ежемесячно	Март – октябрь 2020 г.	Все работники, находящиеся в вынужденном отпуске	Государство	Срочная программа

Источник: составлено авторами на основании данных [3-4, 8-9, 11, 13-14, 16-17, 20, 27-28, 30-31, 37-38, 41, 45, 48, 50].

Данный факт, в свою очередь, полностью исключает возможность полноценного, достоверного анализа влияния введения базового дохода на макроэкономическую ситуацию в стране. При этом анализ и на микроуровне являлся весьма ограниченным, поскольку благополучие домохозяйств и предприятий может зависеть не только от изменения внутренних факторов, но и внешних. Более того, выбранные люди могли отражать модель поведения лишь определенной категории населения, а не всего общества в целом.

Во-вторых, важно заметить, что выборка участников в большинстве случаев проводилась не только случайная, но и целевая [30, с. 316]. Таким образом, можно сделать вывод, что далеко не все проведенные эксперименты учитывали принцип безусловности. Так, большинство проектов были направлены именно на поддержку людей с низким уровнем дохода (в частности, в Хайдарабате, Ливорно, Онтарио и т.д.) или других определенных категорий людей (например, работников творческих профессий – в Ирландии; малоимущие женщины – в Тамил Наду). Таким образом, для получения таких трансфертов получатель должен был изначально отвечать определенным условиям. Например, иметь определенный уровень дохода или относиться к конкретной сфере деятельности. При этом под принципом «безусловности» в подобных случаях понимается именно отсутствие требований к достижению определенных целевых показателей в период получения выплат или выполнению каких-либо действий (например, прохождение определенных курсов по переобучению или постановка на учёт в центр содействия занятости населения для безработных).

Однако сама концепция безусловного базового дохода предполагает выплаты абсолютно всем гражданам «независимо от занятости, уровня доходов и других оснований жизнедеятельности» [50, с. 20]. Вследствие чего, трансферты, выплачиваемые в рамках реализации большинства проектов, имеют больше совпадений и общих черт с пособиями, нежели с безусловным базовым доходом.

Рассуждая про соответствие осуществляемых выплат в рамках реализации проектов по введению безусловного базового дохода его основным принципам, нельзя не отметить, что не все из них имели и индивидуальный характер. Так, например, в Барселоне выплаты назначались не непосредственно каждому человеку, а домохозяйству [41]. Более того, в частных случаях, например в Китае в период распространения пандемии COVID-19, выплаты безусловного базового дохода происходили не в денежной форме, а в виде ваучеров [11]. Это, в свою очередь, также не соответствует ключевым принципам рассматриваемой концепции, предполагающим необходимость наличия свободного рыночного выбора у людей.

Ещё одной важнейшей характеристикой безусловного базового дохода считается регулярность выплат. Тем не менее, осуществлённые проекты являлись преимущественно краткосрочными. Так, чаще всего эксперимент проводился всего несколько лет (в основном, в течение 2-х лет). В частных же случаях подобная социально-экономическая политика реализовывалась в течение всего нескольких месяцев (например, в Бельгии, Германии, США и других странах, где подобная политика была реализована с целью преодоления так называемого «коронакризиса») или вовсе имели место разовые выплаты (в Гонконге, Сингапуре, Японии). Вследствие чего, на данный момент нельзя сделать

конкретные выводы о последствиях введения безусловного базового дохода в долгосрочном периоде.

Наконец, немаловажным остаётся и тот факт, что далеко не все проекты финансировались из государственного бюджета. Так, например, программа в Калифорнии финансировалась за счёт средств некоммерческой организации Reinvent Stockton Foundation, в Кении - Give Directly, в Мадхья Прадеш - SEWA (Ассоциация самозанятых женщин) и UNICEF (Чрезвычайный фонд защиты детей ООН), в Уганде – благотворительной организации «Eight», в Намибии – за счёт средств разных организаций: организации по борьбе со СПИДом, организаций профсоюзов и церквей, немецких фондов. Вследствие чего затрудняется их анализ в качестве полноценного механизма перераспределения доходов на государственном уровне, которым должен стать безусловный базовый доход.

Таким образом, на основании проведённого анализа и выявления основных различий между изучаемой концепцией и схожими с ней проектами, которые уже были реализованы, можно сделать вывод, что ни один из проведённых экспериментов нельзя в полной мере назвать равноценным аналогом программы по выплате безусловного базового дохода. Вследствие чего на данный момент пока не представляется возможным сделать единые выводы, касающиеся последствий такой политики для социально-экономического развития стран.

Тем не менее, изучение подобного опыта может быть полезно для выявления факторов, от которых могут зависеть реальные последствия реализации программ по выплате безусловных трансфертов.

В частности, на основании систематизации проведённых наблюдений, можно сделать вывод о том, что реальные последствия введения безусловного базового дохода зависят от уровня социально-экономического развития конкретной страны и менталитета её населения. Так, например, в Финляндии выплата таких трансфертов не показала своей эффективности и не способствовала повышению экономической активности населения. Это, в свою очередь, контрастирует с ситуацией в Намибии, где гарантированный доход привёл к увеличению вовлечённости и занятости на рынке труда, а также продуктивности деятельности работников [16]. Такие различия могут быть связаны с тем, что у людей в странах с низким уровнем социально-экономического развития есть большая мотивация к изменению своего положения.

Так, в подобных регионах проблема бедности имеет более распространённый характер, нежели в Европейских странах. Во многом это обусловлено изначально низким уровнем развития экономики и, как следствие, сложностью в изменении своего статуса для многих людей, что лишь усложняется невысоким уровнем социальной поддержки в таких государствах (или в целом её отсутствием). Вследствие чего большая часть населения попросту не имеет возможности удовлетворить хотя бы свои минимальные, базовые потребности. Таким образом, для многих людей введённые безусловные выплаты стали одной из немногих возможностей для изменения их положения.

Однако, помимо этого, опыт осуществлённых программ свидетельствует и о том, что реальные последствия реализации концепции безусловного базового дохода могут зависеть и от следующих, приведённых ниже факторов.

- Размеров выплат – увеличение размера выплат может привести не только к росту социального благополучия, но и снижению экономической активности населения, например, что обуславливает необходимость в поиске баланса между чрезмерно низкими и высокими трансфертами [50, с. 132].

- Регулярности выплат – выплаты могут производиться как ежедневно, так и ежегодно. Это, в свою очередь, может по-разному повлиять на потребительское поведение индивидов - характер приобретаемых на данные трансферты благ и объём сбережений.

- Географии распространения – чем больший территориальный охват имеет программа – тем больше существует факторов, влияющих на её успешность и, соответственно, возможные последствия. Так, например, вероятность возникновения инфляции при реализации проекта в рамках определённого субъекта (региона, штата и т.д.) намного ниже, чем при его осуществлении в рамках всей страны.

• Структуры экономики региона (в разрезе отраслей и форм собственности). Так, например, около 30% населения Аляски занято в нефтяной промышленности, в то время как порядка 40% - в государственном секторе [24]. Такая экономическая структура свидетельствует о низком уровне диверсификации экономики штата и развития конкурентной среды. Вследствие чего можно провести некоторую аналогию между выплачиваемыми в данном регионе безусловными трансфертами и премиями на каком-либо крупном предприятии, или доходами, которые получают работники в моногородах. Так, безусловно, они способны улучшить благосостояние получателей, однако не окажут существенного влияния на социально-экономическое положение региона ввиду высокого уровня оттока капитала из него (в связи с наличием значительной доли «импорта» на рынке потребительских благ). При этом в рамках регионов с высоким уровнем диверсификации экономики, а также развития конкурентной среды, в связи с увеличением количества и большим разнообразием качества субъектов, возникающие последствия могут принимать совершенно различные векторы.

• Степени открытости региона. Данная характеристика во многом связана и даже исходит из предыдущей. Так, для регионов с разной степенью открытости экономики, и, соответственно, возможностью экспорта и импорта потребительских товаров, последствия так же могут принимать совершенно разные векторы. Более того, создание благоприятного климата (то есть выплат безусловных трансфертов) для развития человеческого потенциала может спровоцировать существенный рост притока мигрантов-«искателей лёгких денег» в данных регион [35]. Это, в свою очередь, также оказывает своё влияние как на изменение равновесия рынка труда и товарных рынков, так и на некоторые макроэкономические показатели (например, может спровоцировать увеличение денежной массы в обращении). Вследствие чего результаты введения безусловных трансфертов в регионах с низким и высоким уровнем товарной, ресурсной и социальной мобильности могут быть совершенно разными.

Более того, как отмечают Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Черных Е.А., на социально-экономические последствия могут повлиять также и степень безусловности, а также категории получателей безусловного трансферта [50, с. 132]. Тем не менее, в настоящем исследовании данные аспекты не принимаются во внимание в связи с тем, что они противоречат самой сути изучаемой концепции и могут стать факторами, которые влияют на последствия введения именно «аналогов» безусловного базового дохода.

При этом, на основании проведённого анализа существующих исследований, можно сделать вывод, что основные последствия введения безусловных трансфертов будут зависеть преимущественно от суммы трансфертов, а также сформированного в условиях реализации исследуемой концепции уровня выплачиваемой заработной платы. Именно поэтому, дальнейшее моделирование основных тенденций протекания процесса трансформации социально-экономических отношений, вызванного внедрением универсальных трансфертов на государственном уровне, целесообразно разделить на четыре ключевых сценария, которые будут зависеть именно от размеров данной выплаты и потенциального уровня заработной платы. Все возможные вариации развития событий представлены в приведённой ниже матрице (рис. 1).

Для начала необходимо рассмотреть, что же произойдёт при введении невысокого уровня безусловного базового дохода. В первом случае (квадрант II) выплата трансфертов может быть настолько мала, что не приведёт к каким-либо существенным изменениям в социально-экономическом положении общества, в том числе к изменению уровня заработной платы. Это может произойти ввиду незначительности доли выплат в общем доходе основной части населения и сохранении потребности в получении заработной платы в полном объёме. Более того, появление таких выплат не сможет оказать существенного влияния на уровень занятости населения и группу занятий, которую они выбирают.

Безусловно, есть вероятность падения экономической активности среди небольшого числа работников, в частности низкоквалифицированных кадров (или других категорий работников,

например, работающих неполный рабочий день) с самым низким уровнем дохода, или сокращения рабочего времени их и других категорий занятых. И такая тенденция уже нашла своё отражение в рамках реализации безусловных выплат на Аляске, где число занятых в целом по штату не показало каких-либо изменений, при этом увеличилась доля работников, занятых неполный рабочий день, на 1,8 процентных пункта (или на 17%) по сравнению с периодом до введения безусловных трансфертов. Однако ощутимого влияния на макроэкономическую обстановку в регионе это не оказало ввиду незначительности такой динамики [52].

Рисунок 1 – Сценарии введения безусловного базового дохода

Источник: составлено авторами.

Таким образом, такие трансферты лишь увеличат доходы всего населения на определённую сумму, при этом вопрос социального неравенства не будет разрешён. Конечно, невысокий уровень безусловного базового дохода в краткосрочном периоде приведёт к предоставлению большей части населения возможности обеспечить себя товарами первой необходимости. Однако, возрастание спроса на товары данной категории, в свою очередь, может привести и к росту цен на них [10, 55]. И дальнейшая индексация подобных выплат будет провоцировать лишь ускорение инфляции (которые с большой долей вероятности будут опережать темпы роста гарантированного дохода), вследствие чего такие безусловные трансферты станут попросту неэффективными и не смогут обеспечить всё население должным объёмом средств.

Безусловно, существует мнение, что ускорение инфляции в случае введения единого дохода попросту невозможно, поскольку выплаты базового дохода являются мерой, предназначенной для перераспределения доходов, а не их увеличения [42]. Однако такой механизм будет работать только в том случае, если доходы всего населения будут стремиться к выравниванию, что будет маловероятным в данном случае.

Более того, в поддержку мнения о невозможности ускорения инфляции, приводятся аргументы и о том, что реализация масштабной социальной помощи не привела к росту уровня цен [50, с. 265]. Однако материальные выплаты, представленные в форме пособий, предусмотрены не для всего населения, а лишь для его части. Также, данные трансферты являются дифференцированными: размеры выплат зависят от конкретных обстоятельств, предусматривающих наличие материальной помощи.

Вследствие чего нельзя не учитывать, что риск возникновения проблемы обесценивания денег всё же существует. Это же подтверждает и опыт реализации безусловных выплат в Иране, где данный проект был приостановлен, в частности, ввиду роста темпов инфляции [19], а сам безусловный доход потерял 80% покупательной способности [7].

Похожая ситуация может произойти и в случае введения высокого безусловного базового дохода (квадрант I). Однако в данном случае может последовать намного более существенный рост безработицы. Это произойдёт в связи с увеличением числа работников, которые посчитают размер базового дохода достаточным для обеспечения своих потребностей [6]. Таким образом, наиболее явным будет и тренд к выравниванию уровня доходов среди населения с наиболее низким достатком. Так, ввиду отказа от низкооплачиваемой работы со стороны части населения, произойдёт увеличение числа людей, живущих исключительно на безусловные выплаты. При этом дифференциация доходов в целом по стране останется примерно на том же уровне.

Более того, такое положение вещей спровоцирует и больший рост инфляции ввиду общего роста доходов. Однако выявленный в предыдущем сценарии тренд останется прежним.

Здесь же важно заметить, что в данном случае может наиболее ярко проявиться и то, что введение безусловного базового дохода, способствуя увеличению потребления, приведёт и к росту спроса на труд [52]. Это, с одной стороны, должно способствовать преодолению проблемы безработицы. При этом данный факт, в совокупности с возможностью отказа от низкооплачиваемой работы, может привести к увеличению уровня заработной платы. И именно такая ситуация уже складывается в рамках реализации проекта в Кении [43].

Однако, помимо того, что это спровоцирует возникновение ещё большей инфляции, такая тенденция в перспективе может негативно сказаться на сфере занятости населения.

Так, повышение уровня заработной платы, или даже сохранение её текущей величины, при ощутимом росте доходов в целом по стране и потребности в увеличении производительности труда, может сделать найм работников для предприятий невыгодным по сравнению с внедрением роботизированной техники в производственный процесс. Это, в свою очередь, способно спровоцировать рост технологической безработицы.

Конечно, ожидаемый рост инфляции может привести и к росту стоимости производственных технологий, что, с одной стороны, противоречит тезису о возможной выгоде технологического замещения. Однако важно учесть, что инфляция будет расти постепенно, а резкий всплеск потребления приведёт к увеличению доходов собственников, темпы роста которого могут опережать скорость обесценивания денег. Вследствие чего нельзя отрицать существование риска возникновения данной проблемы.

Такое положение вещей, безусловно, может несколько затормозить рост инфляции в целом по стране. При этом всё так же может произойти увеличение уровня бедности и рост уровня цен на уровень обесценения реального размера базового дохода.

Альтернативой такой перспективы может стать лишь занижение уровня заработной платы. Сохранение рабочих мест и замедление темпов технологического замещения будет возможным только в том случае, если труд работников будет дешевле относительно механизированного. Таким образом, собственники средств производства, в целях минимизации издержек и максимизации прибыли, могут прибегнуть к занижению уровня заработной платы «хотя бы потому, что подобное поведение перестанет считаться морально предосудительным» [27, с. 35; 54]. При этом «найдутся люди, согласные на уменьшение уровня своей зарплаты из-за получения БД» [18].

В то же время, даже при сохранении номинального размера заработной платы на текущем уровне в краткосрочном периоде, её реальный размер со временем может уменьшиться. Это произойдёт в связи с тем, что темпы роста инфляции могут опередить темпы роста доходов, выплачиваемых со стороны работодателей, которые будут сдерживаться в связи с существованием обозначенных выше факторов.

Здесь же важно заметить, что урегулирование нормы прибыли (с целью избежания занижения заработной платы) на таких предприятиях будет практически невозможным ввиду сложности реального анализа результатов деятельности каждого предприятия. Более того, это может спровоцировать снижение стимула к развитию конкуренции или ускорение развития теневого сектора.

Таким образом, внедрение даже небольшого объёма безусловного базового дохода на практике может привести к занижению уровня заработной платы (квадрант III).

Вследствие чего может произойти снижение дифференциации уровня дохода и увеличение доли населения с очень низким достатком, что приведёт и к росту уровня бедности. В свою очередь, повышение прибыли предприятий может привести к увеличению дохода их собственников. Таким образом, вопрос дифференциации доходов населения не будет полностью разрешён. Безусловно, произойдёт сглаживание различий между смежными доходными группами. Однако в то же время вырастут различия между наиболее и наименее богатыми слоями населения.

Более того, снижение заработной платы может привести и к ещё большему уменьшению доли экономически активного населения ввиду падения мотивации людей к труду [6, с. 166]. И, помимо ещё большего сокращения их доходов, это может повлечь за собой снижение объёмов реального производства в стране.

Конечно, описанная выше перспектива не будет проявляться достаточно ярко и не существенно повлияет на изменение макроэкономической обстановке в стране ввиду невысокого уровня безусловного базового дохода. А занижение заработной платы нивелирует действие таких трансфертов для низкоквалифицированных сотрудников. Однако увеличение доходов у собственников предприятий и сохранение у «среднего» класса лишь усилит уровень социального расслоения и усугубит положение населения с изначально низким достатком. Данная ситуация очень схожа с вариантом II, однако различия будут лишь в причинах увеличения доли населения с низким уровнем дохода. Если в предыдущем варианте это произошло преимущественно за счёт роста безработицы ввиду отсутствия мотивации к трудовой активности, то в данном случае на это повлияет и занижение уровня заработной платы работников.

В то же время, при попытке нивелировать сокращение уровня заработной платы увеличением выплачиваемого безусловного базового дохода (квадрант IV), это может привести лишь к усугублению описанного в предыдущем сценарии тренда.

Так, уменьшение уровня заработной платы и, соответственно, снижение экономической активности населения, может распространиться и на средне- и высококвалифицированных кадров. Это, в свою очередь, с одной стороны, способствует выравниванию уровня дохода между основной частью населения. С другой стороны, это приведёт к ещё более значительному разрыву в доходах между ними и собственниками предприятий.

Конечно, часть наёмных работников, стремясь увеличить свой заработок, может предпочесть открыть своё дело. В частности, такая тенденция нашла своё отражение в рамках эксперимента, проведённого в Кении. Так, по словам Тавнит Сури, представителя некоммерческой организации GiveDirectly (организатора данного проекта), «Мы видим, что люди уходят с низкооплачиваемой работы ... Они открывают свой бизнес, и этот бизнес работает отлично, потому что вокруг есть деньги» [43].

Однако это требует первоначальных финансовых вложений и наличия особых предпринимательских способностей. Вследствие чего вероятность того, что данная тенденция найдёт широкое распространение, крайне мала.

При этом даже существование нестандартной занятости во всех случаях не сможет предотвратить рост уровня безработицы и снижение доходов. Более того, переход работников в данную сферу спровоцирует ещё большее снижение трудовых и социальных гарантий [50, с. 26].

Также, значительное увеличение доли населения с низким достатком приведёт и к сокращению

потребления в экономике. Такая перспектива, с одной стороны, может несколько приостановить степень злоупотребления со стороны собственников в отношении уровня заработных плат наёмных работников и снизить темпы роста цен. С другой стороны, уменьшение спроса способствует дальнейшей стагнации, а впоследствии и ещё большему сокращению реального сектора экономики. Вследствие чего, конечно же, может сократиться число собственников предприятий в данной сфере, что приведёт к ещё большему увеличению численности населения с низким уровнем дохода и выделению всё меньшего числа людей с самым высоким достатком. Более того, это может привести и к возникновению дефицита товаров, спрос на которые продолжает расти.

Таким образом, можно сделать вывод, что введение базового дохода во всех случаях приведёт к возникновению достаточно негативных последствий. Конечно, в I, II и III сценариях эти последствия будут не так явны и не окажут существенного влияния на изменение макроэкономической ситуации в стране. Однако даже в этих случаях произойдёт дестабилизация положения населения с низким уровнем достатка и увеличение уровня бедности.

В IV же случае, наиболее вероятным из рассмотренных (ввиду неэффективности введения небольших выплат и высокого риска снижения уровня заработной платы), введение базового дохода может привести не просто к стагнации экономического роста и развития всей страны, но и к рецессии.

Однако здесь важно учесть, что в представленных сценариях были обозначены лишь общие возможные векторы трансформации общества и экономики стран. При этом реальные последствия для каждой конкретной страны могут быть несколько отличными ввиду зависимости их от множества факторов, обозначенных выше. Тем не менее, на основании обобщения проведённого анализа, можно выделить следующие основные направления протекания процесса перестройки социально-экономических отношений в стране (рис. 2).

При этом существует риск, что, помимо обозначенных выше последствий, реализация проекта по выплате безусловного базового дохода приведёт и к формированию тренда к архаизации социально-экономических отношений. Причём возникновение такого исхода может стать неизбежным, поскольку достижение ключевой цели введения универсальных трансфертов и предполагает создание предпосылок для возникновения данного последствия.

Так, по мнению крупнейших бизнесменов, в частности Б. Гейтса, И. Маска, М. Цукерберга и многих других, острая необходимость во введении безусловного базового дохода обусловлена именно тем, что, вследствие возрастания риска распространения технологической безработицы, большая часть людей рискует остаться без доходов. Таким образом, обеспечение населения универсальными трансфертами позволит компенсировать создание неработающего класса, который не сможет получать заработную плату, чтобы ему «было на что жить» [12]. И в перспективе, по мнению И. Маска, которое он озвучил в ноябре 2023 года на первом международном саммите по безопасности искусственного интеллекта в Великобритании, «Искусственный интеллект может обеспечить человечеству такое будущее, в котором не будет нужно работать: все люди будут получать высокий безусловный базовый доход и наступит эпоха всеобщего изобилия без дефицита товаров и услуг» [26].

Из этого следует, что большая часть населения, ввиду того что будет жить исключительно за счёт безусловных трансфертов, окажется в прямой зависимости от доходов государства. При этом люди не смогут существенно изменить своё материальное положение ввиду отсутствия вакантных рабочих мест, что лишь ещё больше укрепит такое положение вещей.

Подобная ситуация является очень схожей с положением дворовых крестьян, которые в своё время получали выплату в виде месячины. При этом, в отличие от других категорий крестьян, которые состояли на барщине или оброке, они не могли за счёт применения больших усилий как-то существенно изменить своё материальное благополучие. Вследствие чего оно напрямую зависело от доходов их господ [51]. Современные же люди будут находиться в такой же зависимости от состояния бюджета страны, что и подтверждает возможность возврата к архаическим отношениям.

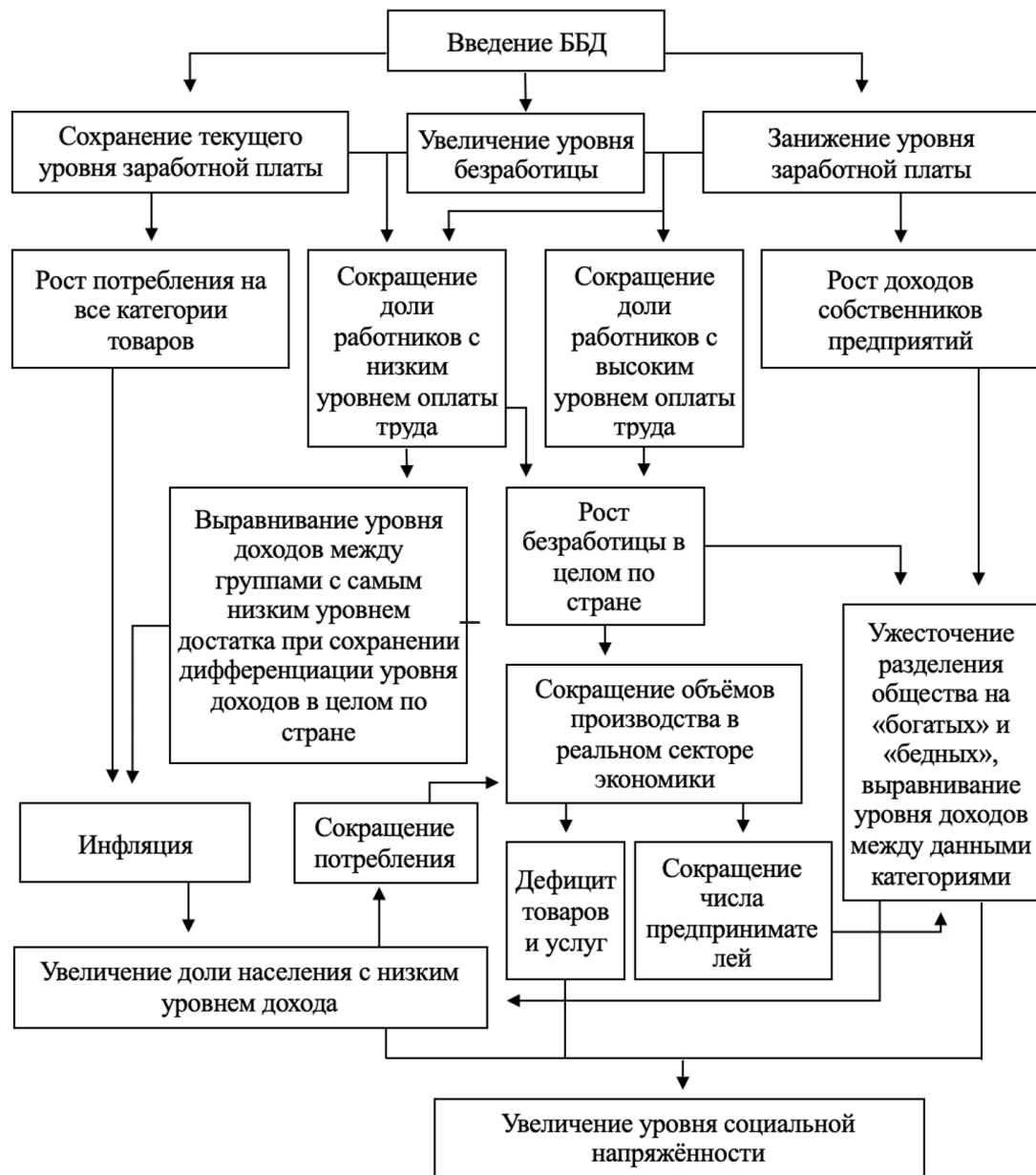

Рисунок 2 - Социально-экономические последствия введения безусловного базового дохода

Источник: составлено авторами.

В то же время отмечается, что такая перспектива приведёт к тому, что «...выплаты населению от властей смогут развязать руки бизнесу, который будет нести меньше ненужных издержек на зарплаты и бонусы персоналу, просто сокращая штат сотрудников и заменяя их машинами или искусственным интеллектом» [34], при этом будет обеспечено сохранение потребления произведённых благ, что также является важным для развития предприятий. Так, как отмечает Сафонов А.Л., проректор по стратегии и работе с органами власти Финансового университета, «Попробуй продай очередной гаджет, если у населения не будет денег. Массовое потребление финансирует разработки новых товаров, онлайн-игр, сервисов и т.п. Поэтому дискуссия о неустойчивости доходов масс порождает поиск альтернативы. И такой альтернативой на сегодняшний день становится идея безусловного базового дохода» [21]. Таким образом, по словам Тимоти Роско Картера, специалиста по налогам и адвоката из Калифорнии, «Пора готовиться к временам, когда экономике не нужно будет, чтобы все работали. Базовый доход может обеспечить людям содержание, а бизнесу — клиентов» [13].

Однако, несмотря на предполагаемую благоприятность подобного развития событий,

обозначенная перспектива имеет множество крайне негативных последствий, провоцируя возникновение регресса человека. Так, во-первых, происходит отчуждение человека от трудового процесса, что противоречит как его собственной, так и родовой сущности, которая, по словам К. Маркса, заключается именно в «практическом созидании предметного мира» [32]. Вследствие чего технологическое отчуждение «выступает как форма отчуждения человека от своего «я», лишая его возможности самореализации в ходе трудовой и творческой деятельности, что приводит к деградации личности» [2].

Во-вторых, выплата безусловного дохода в условиях отсутствия трудовой деятельности может поспособствовать и формированию «стремления к потребительскому образу жизни», которое «... повсеместно проявляется в расчеловечивании человека, вырождающегося и регрессирующего в сторону эгоизма, и индивидуализма» [1], поскольку «... сознание и мировосприятие потребителя по большей части мифологичны, узки и внеисторичны, мир сжимается до временного локуса под названием «сегодня» и до сущностного локуса под названием «Я». Потребительское благо воспринимается как первозданная вещь в себе, ниоткуда не возникшая и никуда не исчезающая, а его обладатель — чуть ли не как помазанник некоей мистической реальности, избранный» [22]. Таким образом, подобная трансформация поведения человека может привести и к тому, что он может начать «... ограничивать все свои интересы удовлетворением собственных потребностей, при этом получая сиюминутное удовольствие, не рефлексировав на то, что завтра это потребление может стать причиной его долговременных значительных проблем» [1, с. 156].

Исходя из чего можно сделать вывод, что безусловный базовый доход может стать не столько инструментом поддержания социального благополучия, сколько развития экономики массового потребления как типа социального устройства, при котором экономические агенты приобретают те или иные товары или услуги скорее не для удовлетворения собственных потребностей, а под влиянием именно внешних факторов [47]. Такая перспектива, выражающаяся в обеспечении контроля за сферой потребления, может стать реальной ввиду ограниченного участия населения в производственном процессе, а также централизованного обеспечения его определёнными доходами.

Здесь же важно обратить внимание и на то, что подобная трансформация социально-экономических отношений в обществе может стать одним из «этапов» на пути к реализации ключевых целей будущего развития, сформулированных в рамках рассмотрения «сценариев развития будущего» на конференции в крупном Институте сложности (сложных адаптивных систем) в Санта-Фе (США) в 2018 г. [23, 40]. То есть стать частью проекта, предполагающего осуществление коренной трансформации сложившегося миропорядка. При этом протекание процессов подобной перестройки сформировавшейся системы социально-экономических отношений в конечном счёте может привести к формированию такого мирохозяйственного уклада, в котором «Человек и его деятельность примитивно «вырываются» из общественного бытия за пределы объективных явлений и процессов общественной жизни». Вследствие чего «Окончательно исчезнет человек — субъект хозяйственной деятельности, трансформируясь в объект... и далеко не только исследования» [1, с. 158].

Таким образом, подобная перспектива, помимо того, что приведёт к архаизации социально-экономических отношений, может спровоцировать и полное изменение места и роли человека в данной системе.

В то же время, важно отметить, что обеспечение большого числа людей государственными трансфертами требует значительного увеличения доходной части бюджета страны. При этом, как отмечает Капелюшников Р.И., одним из наиболее эффективных методов обеспечения финансирования безусловного базового дохода станет именно «взрывной рост налоговых ставок». Однако он «... будет подрывать стимулы к труду, сбережениям и инвестициям и, как следствие, вести к резкому падению ВВП. Насколько сильным оно окажется, зависит от того, какие именно налоги будут повышены и насколько сильно. Но и без детальных расчетов понятно, что их повышение даже на 30% – не говоря

уже о 50% – сопровождалось бы огромными безвозвратными потерями (deadweight loss)» [27, с. 33].

Более того, увеличение налогового бремени на предприятия приведёт к тому, что, в условиях стремления собственников средств производства к максимизации прибыли, оно может быть «перенесено» именно на население, в частности, за счёт удорожания товаров или ещё большего занижения уровня заработной платы, что лишь усугубит обозначенную тенденцию. Таким образом, подобная перспектива опять же подтверждает тот факт, что введение безусловного базового дохода будет способствовать не улучшению социально-экономического положения в стране, а, напротив, лишь его ухудшению.

В то же время, это также может привести и к росту теневого сектора, который может расширяться за счёт стремления предприятий скрыть свои доходы и, соответственно, налогооблагаемую базу, в целях минимизации налоговых выплат.

Обобщая проведённый выше анализ, хотелось бы отметить, что в ходе подобного развития событий, общество может столкнуться со следующими проблемами, провоцирующими рост социальной напряжённости:

- увеличение уровня бедности;
- увеличение уровня дифференциации доходов между населением с небольшим и наименьшим достатком;
- рост теневого сектора;
- уход от принципов социальной справедливости;
- уменьшение социальных гарантий;
- рост преступности (ввиду возникновения приведённых выше проблем);
- стагнация экономической активности;
- социальная деградация (в связи со снижением мотивации к труду и, соответственно, к самореализации);
- архаизация социально-экономических отношений.

Исходя из чего, можно констатировать, что введение базового дохода не принесёт должного эффекта и лишь усугубит социально-экономическое положение населения. Однако вопрос снижения социального неравенства, уменьшения уровня бедности, повышения благополучия населения и необходимости реализации принципов социальной справедливости остаётся по-прежнему актуальным.

Таким образом, это обуславливает необходимость в дальнейшем поиске возможных путей совершенствования государственной социальной политики. При этом, в целях осуществления необходимых преобразований, необходимо обратить внимание на тот факт, что, по словам председателя думского Комитета по труду, соцполитике и делам ветеранов Я.Е. Нилова, «Основа социальной политики — это адресность. Государство должно в первую очередь заботиться о тех, кто реально нуждается» [34]. В то же время, по мнению профессора РЭУ им. Г.В. Плеханова П.В. Журавлева, «Граждане трудоспособного возраста, не имеющие проблем со здоровьем, должны сами зарабатывать на жизнь». В связи с чем, как отмечает Я.Е. Нилов, «Базовый доход необходимо гарантировать через непрерывную занятость, повышение минимального размера оплаты труда» [21].

Более того, важно учесть и тот факт, что «...пропагандистская кампания, развернутая вокруг базового дохода, послужила каналом переключения внимания общества с проблем роста на проблемы перераспределения, что имело негативные последствия здесь и сейчас – еще до каких-либо попыток по реализации этого глобального проекта на практике» [27, с. 42]. Вследствие чего, в рамках разработки новых механизмов поддержания социального благополучия, необходимо опираться именно на разрешение проблем обеспечения экономического роста и развития.

Таким образом, основываясь на мнениях экспертов, можно сделать вывод, что разработка социальной политики должна опираться не на обеспечение всего населения равными безусловными доходами, то есть концепцию «равенства результатов», а, наоборот, на предоставление «равенства

возможностей». Помимо этого, важно учитывать, что и «в общественном сознании до сих пор доминирует (хотя поддержка тоже постепенно снижается) приоритетность равенства возможностей над равенством доходов, то есть результатов» [33]. В связи с чем можно предложить следующие меры для разрешения возникших противоречий.

Во-первых, необходимо обеспечить повышение уровня социальной инфраструктуры. Так, безусловно, сегодня является очевидной необходимостью обеспечения доступа всего населения к качественному бесплатному образованию, здравоохранению и многим другим важным социальным институтам. При этом, строительство масштабных инфраструктурных объектов, помимо того, что приводит к расширению возможностей для улучшения благосостояния населения, обеспечивает его большим числом рабочих мест. Причём перспективность данной меры для снижения уровня бедности в стране уже была выявлена в ходе её реализации в Китае, где к 2020 г. удалось справиться с проблемой бедности [25].

Однако, помимо расширения социальной инфраструктуры, необходимо стимулировать экономическую активность населения с целью предоставления ему возможности обеспечения своих потребностей. И в первую очередь это станет возможным путём предоставления всем работникам гарантированных рабочих мест и доходов, которые действительно соответствуют их профессиональным качествам, опыту, сложности выполняемых функций и т.д. При этом в первом случае к наиболее эффективным мерам можно отнести расширение реального сектора экономики, который может стать основным источником рабочих мест, а также обеспечение синхронизации образовательных программ и потребностей современного рынка труда [5, 15].

Стоит отметить, что данная мера, помимо того, что способна привести к росту дохода граждан (благодаря повышению уровня занятости в национальном масштабе), может оказывать благоприятное влияние и на экономический рост и развитие страны. Так, стремление к обеспечению высокого уровня занятости, выражающееся в расширении численности рабочих мест за счёт экспансии предприятий, может привести к повышению темпов развития реального сектора, что позволит преодолеть и проблему деиндустриализации, являющейся актуальной для ряда стран, в частности и России [46]. Это, в свою очередь, окажет благоприятное влияние и на обеспечении роста национального богатства страны, которое создаётся только в данном секторе экономики. Кроме того, это может положительно сказаться и на достижении технологического суверенитета государства, что также окажет немаловажное воздействие на улучшение уровня жизни в стране.

Более того, такая перспектива позволит избежать и тех негативных последствий, которые могут возникнуть ввиду исключения человека из производственного процесса. При этом она, напротив, может способствовать дальнейшему прогрессу общества.

В то же время, для обеспечения населения гарантированной заработной платой необходима разработка и внедрение единой тарифной сетки оплаты труда для разных категорий работников. Такая мера позволит установить определённые «границы» уровня заработной платы для разных категорий работников с целью обеспечения справедливой оплаты труда в зависимости от сложности выполняемых обязанностей. Это может способствовать увеличению экономической активности населения ввиду создания надёжных социальных гарантий при выплате заработной платы. В свою очередь, в перспективе это может привести к снижению уровня бедности ввиду появления возможностей у людей к повышению уровня жизни.

Однако стоит отметить, что введение подобной меры может быть сопряжено и с рядом трудностей. В частности, речь идёт о проблемах в оценке сложности и «затратности» труда ввиду многообразия выполняемых функций. Более того, могут возникнуть вопросы и в учёте региональных различий уровня цен (причём не только в рамках России, но и во всём мире), а также спроса на производимую в текущем регионе продукцию (ввиду производного характера спроса на труд от спроса на товар).

В связи с чем данная концепция требует очень тщательной проработки, а также анализа возможных рисков и последствий внедрения такой системы. При этом необходимость подобного

вмешательства в процесс ценообразования на рынке труда может быть обоснована и тем, что на практике его саморегулирование приводит к злоупотреблениям со стороны работодателей ввиду отсутствия высокого уровня мобильности работников. Так, возможность выбора наилучшего варианта для трудоустройства, например, в другом городе, для многих людей весьма ограничена, что может быть связано со множеством факторов.

Выводы

Подводя общий итог, можно констатировать, что в сложившихся условиях введение безусловного базового дохода может привести к возникновению множества негативных последствий, в частности, к увеличению уровня бедности, росту дифференциации доходов между наименее и наиболее обеспеченными слоями населения, а также к стагнации экономического развития и деградации человека. Исходя из чего, можно сделать вывод, что реализация принципов социальной справедливости путём проведения политики, направленной на обеспечение «равенства результатов» в виде выплаты всему населению универсальных трансфертов, не будет эффективной и приведёт лишь к усугублению текущих противоречий. В связи с чем, в рамках разработки инструментов, способствующих преодолению существующих проблем, следует обратить внимание на целесообразность реализации принципа «равенства возможностей» для всего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпидовская М.Л. Философия потребления как мнимая ценность современности // Вопросы политической экономики. – 2019. - № 4. – С. 153-161.
2. Арсельгова М.А., Дудина О.М. Социальные и экономические последствия безработицы // Экономика труда. - 2019. - №2. – С. 923-940.
3. Безусловный базовый доход -2023: новые требования к доходу и активам // Trade & consulting SAS. – URL: <https://liveitaly.eu/info/bezuslovnyy-bazovy-dohod-2023-novye-trebovaniya-k-dohodu-i-aktivam> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Безусловный базовый грант (ББГ) в Намибии // Centre for Public Impact. A BCG foundation. – 2016. – URL: <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/basic-income-grant-big-namibia> (дата обращения: 04.07.2024).
5. Берберов А.Б. Технологическая безработица в условиях становления цифровой экономики: дис. ... канд. экон. наук: 80.00.01. – М., 2021. – 206 с.
6. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Черных Е. А. Влияние безусловного базового дохода на сферу занятости населения в оценках российских экспертов // Экономика региона. - 2022. - №1. - С. 159-174.
7. Бутрин Д. Почему деньги просто так // Коммерсантъ. – 2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4276207> (дата обращения: 14.05.2024).
8. В Италии введен безусловный базовый доход // Газета.ру. – 2019. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/03/06/n_12715885.shtml?updated (дата обращения: 05.07.2024).
9. В Кении оценили самый масштабный эксперимент по выплате безусловного базового дохода // ТАСС. – 2018. – URL: <https://tass.ru/plus-one/5738713> (дата обращения: 03.07.2024).
10. Васильева Н. Нилов считает, что безусловный базовый доход негативно скажется на экономике // Издание Федерального Собрания Российской Федерации. – 2023. - URL: <https://www.pnp.ru/social/nilov-schitaet-chto-bezuslovnyy-bazovy-dokhod-negativno-skazhetsya-na-ekonomike.html> (дата обращения: 21.04.2024).
11. Власти Пекина выдадут населению ваучеры на сумму \$1,7 млрд для стимулирования потребления // ТАСС. – 2020. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/8664423> (дата обращения: 08.07.2024).
12. Волков А.М., Сейткалиев Р.М. Технологическая безработица и безусловный базовый доход // РСМ. - 2021. - №4 (113). – С. 101-120.
13. Гордеев А. Гармония или деградация: куда ведет выплата всеобщего безусловного дохода // РБК. – 2017. – URL: <https://www.rbc.ru/business/02/03/2017/58b7fb8c9a794746daefbb5c> (дата обращения: 06.07.2024).
14. Город в США выплачивал жителям базовый доход — \$500 в месяц. Это повысило их занятость и улучшило самочувствие // Inc. – 2021. – URL: <https://incussia.ru/news/basic-income-experiment/> (дата обращения: 15.07.2024).
15. Григорьева Е.В., Горбунова П.Г. Проблемы и перспективы развития современного образования в России // Проблемы современного педагогического образования. - 2023. - № 79-1. - С. 143-145.
16. Груздев А. Намибийский эксперимент с безусловными денежными выплатами населению. Тезисы, итоги, мысли // antonygruzdev.com. – URL: <https://antonygruzdev.com/blog/basic-income-grant-namibia> (дата обращения: 04.07.2024).
17. Демурина Г. Собянин упростил получение пособия по безработице из-за коронавируса // РБК Новости. – 2020. – URL: <https://www.rbc.ru/society/08/04/2020/5e8df00a9a7947358de0f5a3> (дата обращения: 17.05.2024).
18. Джонс Д., Маринеску И. Влияние универсальных и постоянных денежных переводов на рынок труда: данные постоянного фонда Аляски // Национальное бюро экономических исследований. – 74 с.
19. Если просто раздавать людям деньги: к чему приведет безусловный базовый доход // FinEx. – 2022. – URL: https://finex.blog/esli_prosto_razdavat_lyudyam_dengi_k_chemu_privedet_bezuslovnyy_

bazovyy_dokhod/ (дата обращения: 12.05.2024).

20. Зыкина Т. В США выплаты по коронавирусу получили более миллиона «мертвых душ» // РБК. – 2020. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/06/2020/5ef576749a79471972c8f061> (дата обращения: 08.07.2024).

21. Игнатова О. Возможно ли появление безусловного базового дохода в России // RG.RU. – 2023. – URL: <https://rg.ru/2023/06/08/pravo-na-utopiiu.html> (дата обращения: 17.06.2024).

22. Ильин А.Н. Статус труда в обществе потребления // Горизонты гуманитарного знания. - 2015. - №3. – С. 114-140.

23. Историк Андрей Фурсов о четырёх вариантах будущего: какой из них выбрала мировая элита // Дзен. – 2023. – URL: <https://dzen.ru/a/ZFIJzCBvnnhan5A9> (дата обращения: 18.07.2024).

24. Казанин А.Г. Динамика и перспективы развития добычи углеводородов на арктических территориях США (штат Аляска и внешний континентальный шельф) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. - 2019. – Т. 12. - №3. – С. 103-113.

25. Как Китай победил бедность // РИА Новости. – 2021. – URL: <https://ria.ru/20210312/kitay-1600965745.html> (дата обращения: 25.06.2024).

26. Канада делает шаг к тому, чтобы универсальный базовый доход стал реальностью // Montrealive. – 2023. – URL: https://montreal-live.ca/news/kanada-delaet-shag-k-tomu-chtoby-universalnyy-bazovyy-dokhod-stal-realnostyu_3742.html

27. Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 52 с.

28. Карта экспериментов // Basic Income Lab. Stanford. – URL: <https://basicincome.stanford.edu/experiments-map/> (дата обращения: 17.05.2024).

29. Квашнин Ю.Д. Базовый доход для европейских стран: от теории к практике // Современная Европа. – 2019. - № 3. - С. 171–181.

30. Квашнин Ю.Д. Зарубежные эксперименты с безусловным базовым доходом: подходы, результаты, интерпретации, уроки для России // Уровень жизни населения регионов России. - 2021. - №3. – С. 314-326.

31. Копылова Н. В Великобритании могут свернуть программу компенсации зарплат // РИА Новости. – 2020. – URL: <https://ria.ru/20200702/1573810446.html> (дата обращения: 08.07.2024).

32. Маркс К. Сочинения. Том 42: «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и другие работы // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 42. – 2-е изд. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. – 536 С.

33. Международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?». Пленарная сессия: «Базовый доход: постановка проблемы» // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – 2018. – URL: https://isp.hse.ru/data/2019/01/09/1143757431/Конференция%20БД_14-11-2018_стенограмма.pdf (дата обращения: 25.06.2024).

34. Мильчакова Н. Ловушка безусловного базового дохода: чем опасна массовая раздача денег населению // МК.RU. – 2023. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/11/15/lovushka-bezuslovnogo-bazovogo-dokhoda-chem-opasna-massovaya-razdacha-deneg-naseleniyu.html> (дата обращения: 03.05.2024).

35. Моисеев Д., Петров Г. В Испании собираются ввести самый большой базовый доход в мире // Независимая газета. – 2023. – URL: https://www.ng.ru/world/2023-07-06/6_8767_spain.html (дата обращения: 21.07.2024).

36. Мор Т. Утопия. – М.: Издательство «Э», 2018. – 160 с.

37. Морошкин И. Безусловный базовый доход: как устроена концепция и что показали эксперименты // Тинькофф журнал. – 2022. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/unconditional-basic->

income/ (дата обращения: 03.07.2024).

38. Мурая Т. Базовый доход в Финляндии: личный опыт // Это Финляндия. – 2018. – URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/54665/> (дата обращения: 15.07.2024).

39. Некрасов Ф.О. Безусловный базовый доход: от утопии к реальности // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. - 2020. - №18. С. 108-118.

40. Политолог Андрей Фурсов: о будущем России до 2026, тайных докладах глобалистов и новой системе рабства // Дзен. – 2022. – URL: https://dzen.ru/a/Ydh_bOvfZmBLLtu0 (дата обращения: 18.07.2024).

41. Пособие Ingreso Mínimo Vital (IMV): что это такое и как на него претендовать? // Russpain. Русская Испания. – 2024. – URL: <https://russpain.com/potrebitel/posobie-ingreso-minimo-vital-imv-cto-eto-takoe-i-kak-na-nego-pretendovat-218336/> (дата обращения: 06.07.2024).

42. Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики. Деньги всем – плюсы и минусы базового дохода // ВШЭ. – 2021. – URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/471432716.html> (дата обращения: 15.04.2024).

43. Просто дайте денег: как безусловный базовый доход влияет на общество // БКС Экспресс. - 2024. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/prosto-daite-deneg-kak-bezuslovnyi-bazovyi-dokhod-vliiaet-na-obshchestvo> (дата обращения: 21.04.2024).

44. Рассел Б. Предложенные пути к свободе. – 2015. – 29 с.

45. Сейткалиев Р.М. Базовый доход в развивающихся странах: эффективность и перспективы // Общественные науки и современность. – 2020. - № 5. – С. 93-106.

46. Сергеев Г.С. Развитие высокотехнологичного производства в постсоветской России в контексте мир-системного подхода // Экономическое возрождение России. — 2020. — № 2 (64). — С. 122–131.

47. Солдатенкова И. Общество потребления // Банки.ру. – 2022. – URL: https://www.banki.ru/wikibank/obschestvo_potrebleniya/ (дата обращения: 19.05.2024).

48. Сысоев Т. Что такое безусловный базовый доход и почему этой мечте не сбыться // РБК Тренды. – 2020. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f64aacb9a794785d395a065?from=copy> (дата обращения: 10.07.2024).

49. Универсальный базовый доход: «это золотая мечта артистической богемы» // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – 2020. – URL: <https://www.hse.ru/news/346244733.html> (дата обращения: 05.07.2024).

50. Универсальный базовый доход: шанс для России? / В.Н. Бобков, [и др.]; под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Е.В. Одинцовой. – Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Ижевск : Шелест, 2022. – 360 с.

51. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 1999.

52. Фернос А. Штат Аляска раздаёт нефтяные доходы гражданам. К чему это приводит? // Зеркало. – URL: <https://www.rusmirror.ru/post/22062018> (дата обращения: 01.07.2024)

53. Фридман М. Капитализм и свобода. - М.: Новое издательство, 2006. - 240 с.

54. Черных Е.А. Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения // Уровень жизни населения регионов России. - 2019. - №4. - С. 70-84.

55. Что такое инфляция: причины, последствия и способы защиты доходов // РИА новости. - 2024. – URL: <https://ria.ru/amp/20220929/inflyatsiya-1820405991.html> (дата обращения: 16.04.2024).

56. Шарлье Ж. Решение социальной проблемы или гуманитарная Конституция, основанная на естественном праве и предворяемая изложением причин. - Франция: Hachette Livre BNF, 2013. – 108 с.

Unconditional basic income VS social justice: is unity possible?

Ivannikova Anastasia Alexandrovna

Student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: ivannikovaaa.cd@yandex.ru

Alpidovskaya Marina Leonidovna

Doctor of Economics, Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: morskaya67@bk.ru

Abstract. Every year, the issue of implementing the principles of social justice becomes more and more relevant. In this regard, the concept of unconditional basic income is beginning to gain popularity in many countries, designed to solve many problems of a socio-economic nature. The purpose of the work is to identify the effectiveness of the introduction of an unconditional basic income in order to ensure the implementation of the principles of social justice. The main methods used in the study include analysis and evaluation of analytical and statistical materials, their comparison, a dialectical approach to analyzing the information base of the study, as well as scenario analysis. As a result of the work done by the authors, it was revealed that the existing projects for the introduction of universal transfers cannot be fully called equivalent analogues of a full-fledged program for the provision of unconditional basic income. As a result, at the moment it is not possible to draw specific conclusions about the consequences of implementing such a policy of «equality of results». Nevertheless, based on the analysis of such experiments, key factors influencing the real consequences of the introduction of universal transfers have been identified. These include the amount of unconditional payments, as well as the salary level formed in the context of the implementation of the concept under study. Therefore, further identification of the consequences of providing universal payments in the process of modeling possible scenarios for the introduction of unconditional basic income was based on these factors. Based on the analysis, it was concluded that the introduction of an unconditional basic income can lead to many negative consequences. In this regard, the authors propose to pay attention to the possibility of implementing the principle of «equality of opportunities» for the entire population. The results of this study can be used in the future in order to find new ways to improve the socio-economic policy of the country to improve the well-being of its population.

Keywords: unconditional basic income, social justice, social policy, population inequality, employment rate, poverty level

О книге про Россию, находящуюся в поисках внешнеэкономического равновесия

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. Данный материал представляет собой отклик на книгу Д. Тренина «Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеэкономического равновесия», изданную в Москве в издательстве «Альпина Паблишер» в 2023 году. Автор отклика отмечает актуальность темы рецензируемого произведения и его практическую значимость. Знакомит читателей со структурой и кратким содержанием рассматриваемого издания. Дает критическую оценку книге с позиции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. С этих же позиций высказывает рекомендации по дальнейшей разработке избранной темы.

Ключевые слова: международные отношения в XXI веке; факторы российской внешней политики; идея равновесия; уроки Горбачева, ельцинских девяностых и эпохи Путина; концепция теоретической экономики как новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях; контурная карта перспектив внешней политики России.

JEL codes: A13; A14; B40; B41

Для цитирования: Гордеев, В.А. О книге про Россию, находящуюся в поисках внешнеэкономического равновесия / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №8. - С.145-158. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.08.2024)

В качестве введения.

Рассматриваемая книга российского международного Дмитрия Тренина [см.: 1] – приглашение к широкой дискуссии по важнейшим вопросам внешней политики России. Уже само название работы, а тем более ознакомление с её содержанием убеждают в остроте её актуальности на фоне небывалых западных санкций, специальной военной операции и угрозы мировой войны.

В связи с этим возникло желание познакомить читателей нашего журнала с кратким содержанием упоминаемой книги и заодно высказать свои некоторые суждения о ней. Автор рассматриваемой книги окончил Военный институт Министерства обороны СССР, служил военным переводчиком в Ираке, работал в отделе внешних отношений Группы советских войск в Германии, а в настоящее время является директором Московского центра Карнеги. Он выпустил ряд книг по проблемам международных отношений, опубликованных в России, США, Китае, Германии, Великобритании и Японии. Новый, рецензируемый здесь сейчас его труд Анатолий Адамишин, занимавший посты заместителя министра иностранных дел СССР и первого заместителя министра иностранных дел России, справедливо, считаю, назвал энциклопедией международной действительности последних десятилетий.

О структуре и основных идеях книги Д. Тренина

В рассматриваемой книге её автором, кроме Введения [1, с. 8-18], Заключения [1, с. 408-419] и Примечаний [1, с. 420-429], выделены три части.

В первой части [1, с. 19-90], которая называется «Основы внешней политики», автор рассматривает такие основы, на которых строятся отношения России с другими государствами, как суверенитет, национальный интерес, международное право, баланс сил.

Во второй части книги [см.: 1, с. 91-224], имеющей название «Наследие», дается обзор внешней

политики Москвы под руководством Михаила Горбачева, Бориса Ельцина и Владимира Путина.

В третьей части книги [см.: 1, с. 225-407], названной «Контурная карта внешней политики России на 2020-е годы», на основе проведенного перед этим анализа успехов, неудач и ошибок недавнего прошлого Д. Тренин предлагает поразмышлять, как России выстраивать самостоятельную и равновесную внешнеполитическую стратегию в быстро меняющемся мире.

Но ещё до рассмотрения каждой из этих трех частей представляется важным и необходимым обратить внимание на ряд предшествующих им положений. Так, в аннотации Д. Тренин формулирует такую высокозначимую, на мой взгляд, констатацию: «После 2014 года Россия стала заметно активнее во внешней политике, но четкой стратегии пока не видно. Во времена СССР мы с США соревновались за влияние во всем мире, а после 1991 года какое-то время пытались встроиться в Запад» [1, с. 4]. Из этой констатации автор книги там же определяет вопросы-проблемы: «Нужно ли нам опять становиться сверхдержавой? Как сбалансировать внутренние возможности и активность за пределами страны? Как выстраивать отношения с ближайшими соседями, включая Китай? Есть ли у нас точки соприкосновения с США и Западной Европой?».

Нельзя, считаю, обойти вниманием и Введение [1, с. 8-18]. Хотя бы потому, например, что обширный пласт диссертационных исследований магистрантов и аспирантов последних лет демонстрирует беспомощность не только молодых исследователей, но и их научных руководителей при создании вводной части их работ. Здесь Д. Тренин показывает пример действительного, а не только по названию, Введения в главный контент книги.

«В новейшей истории России, - гласят уже первые фразы его Введения, - 20-е годы нашего века, вероятно, станут либо определяющими, либо предопределяющими, непосредственно предшествующими большим переменам. За три десятилетия развития современного российского капитализма, политической системы, общественных отношений не только накопился богатый опыт, но и появился огромный массив противоречий и проблем, которые так или иначе должны быть решены. Очевидно, что нынешняя политическая и экономическая модель Российской Федерации всё больше исчерпывает себя» [1, с. 8]. Конечно, сейчас, в разгар специальной военной операции на Украине, а фактически, противостояния России перед всем Западом, приведенные слова могут представиться чем-то само собой разумеющимся и даже банальным. Но не надо забывать, что Введение, как указывает автор книги, было написано ещё в январе 1921 года, и тогда критика тогдашних слов с позиции сегодняшнего видения предстанет, наверное не так уж и правомерной.

А Д. Тренин на основе приведенной констатации там же выводит, резонно, на мой взгляд, прогноз: «Трансформация страны, начавшаяся в 1980-е годы, продолжится. Государство, основы которого созданы при Путине, экономику, уходящую корнями в эпоху Ельцина, и внешнюю политику, парадигма которой – при всех последующих изменениях – была заложена во времена Горбачева, ожидают, вероятно, коренные изменения».

«В дальнейшем, - предполагает автор рассматриваемой книги, - конфронтация, скорее всего, будет усиливаться. Запад не пойдет на компромисс, Россия – на капитуляцию. Таким образом, внешний фактор становится всё более важным для будущего России» [1, с. 9]. Отсюда, заметим, и острота актуальности, и высокая практическая значимость монографии Д. Тренина.

«Главный тезис книги, - утверждает её автор, - состоит в том, что для успешной внешней политики государства необходимо равновесие между отдельными группами интересов – частными и общественными, федеральными и региональными; политическими целями государства и его экономическими возможностями; интересами развития и потребностями безопасности ... Вынесение этого на первый взгляд очевидного и даже банально звучащего тезиса в название подразумевает, что, по мнению автора, такого равновесия в российской внешней политике пока по большому счету нет, его только предстоит достичь» [1, с. 12]. Таким образом, своим Введением автор действительно показывает нам пример, как надо вводить читателя в главное содержание работы.

Об основах внешней политики.

А. Общий взгляд Д. Тренина на международные отношения в XXI веке.

«После окончания холодной войны, - отмечает Д. Тренин, - много писалось о том, что мир как совокупность отдельных государств уступает место глобальному миру, в котором государства уже не будут играть главную роль. ... Тем не менее тридцатилетия спустя, несмотря на все успехи глобализации, приходится признать, что главенствующая роль государств в современном мире скорее укрепилась. Международные отношения в своей основе остаются отношениями межгосударственными» [1, с. 21-22]. Нынешнее время, замечает автор рассматриваемой книги, объявлено эпохой смены миропорядка: кто-то говорит о переходе от однополярного мира к многополярному, а кто-то [см., например: 2 и 3] об уже происшедшей смене порядка беспорядком.

Показав, что Вестфальская система, сложившаяся на основе мирного договора 1648 года по результатам Тридцатилетней войны [см.: 1, с. 22-23], стала краеугольным камнем миропорядка, где государство есть главный элемент системы международных отношений, а государственный суверенитет стал её важнейшим принципом, автор книги признает [см.: 1, с. 23-25], что постоянно менявшееся затем соотношение сил между государствами подвергалось постоянной проверке в войнах.

Система, сложившаяся по итогам Второй мировой войны и сформировавшаяся в ходе переговоров в Ялте и Потсдаме, опиралась на отношения только двух ведущих мировых сил, сверхдержав: США и СССР, - поскольку третья держава, представленная в Ялте и Потсдаме, Великобритания с её империей, оказалась сильно ослабленной и уже в ходе войны вынуждена была согласиться со статусом младшего партнера США. Эта система просуществовала всю холодную войну и получила название биполярной [см.: 1, с. 25]. Однако распад СССР привел к превращению биполярной системы в однополярное доминирование единственной оставшейся сверхдержавы – США [см.: 1, с. 25-26].

Но, как справедливо, на мой взгляд, отмечает Д. Тренин [см.: 1, с. 26], спустя два-три десятилетия после окончания холодной войны меняющееся соотношение сил стало подрывать основы американского лидерства. Уже в 2010-е годы под ударами экономического кризиса и подъема Китая оно перестало быть неоспоримым. Китай превратился в мощную экономическую державу с большим технологическим потенциалом. Быстрее стала развиваться и чаще проявлять свои амбиции Индия. Списанная было Западом со счетов Россия вернула себе статус великой державы. «Большая семерка» ведущих западных экономик во главе с США и НАТО как основа американской системы глобального военного доминирования перестала быть высшей военной инстанцией. Однонаправленная динамика международных отношений сменилась разнонаправленной.

Подводя итог характеристике международных отношений, сложившихся в XXI веке, автор книги утверждает, что они стали более напряженными, действия участников более решительными, а их борьба – бескомпромиссной [см.: 1, с. 31].

Б. О факторах российской внешней политики

К таким факторам Д. Тренин относит геополитическое положение страны, её геокультурную идентичность и специфические ценности, национальные интересы, стратегическую культуру.

В географическом отношении сегодняшняя Россия, отмечает автор рассматриваемой книги, - «...это практически вся Северная Евразия. ... Россия ... выходит к миру четырьмя широкими фасадами: западным, евро-атлантическим, южным, кавказско-туркестанским, ... восточным, азиатско-тихоокеанским и, наконец, северным, арктическим» [1, с. 38].

Что касается геокультурного положения РФ, Д. Тренин показывает [см.: 1, с. 38-42], что, будучи европейской по корням, российская цивилизация не является западной. Являясь открытой для разнообразных заимствований способной достигать высот «западной» культуры, например, в музыке, литературе и кино, Россия на протяжении всей своей истории упорно отвергала путь культурной ассимиляции, первоначально в рамках католической церкви, а в наши дни – расширенного Запада.

Вместо этого Россия традиционно объединяла народы и религии в растущих границах самого российского государства. И автор книги резонно, считаю, утверждает: «Готовность и расположенность русских к интеграции в свое сообщество не только отдельных личностей, но и – с сохранением их национальных черт – этнорелигиозных сообществ на равноправной основе есть главный фактор государственного единства страны. Его необходимо всемерно оберегать и укреплять» [1, с. 40].

Характеризуя геополитическое самоопределение как очередной фактор внешней политики России [см.: 1, с. 42-45] Д. Тренин показывает, что первой политической самоидентификацией русских было видение своей страны как части православного христианского мира. Москва, преемница Царьграда-Константинополя, увидела себя Третьим Римом, и вселенская религия превратилась в национальную русскую. Следующей – с 18-го века – стала самоидентификация российских элит, связанная с Западной Европой, европейской цивилизацией. Конечно, отмечает автор книги, модернизационные усилия «немца» Петра I и его наследников, включая урожденную немку Екатерину II, были направлены не на превращение России в Европу, а на то, чтобы стать вровень с европейскими державами. В то же время этот поворот породил в высших классах русского общества комплекс ученика, подражателя, «русского европейца». А вот в XX веке Советская Россия превратилась в цивилизационную альтернативу капиталистическому Западу, приобрела сторонников и последователей во всем мире и вновь – как во времена православной Московской Руси – стала центром мироздания, теперь уже социалистического. Развал сверхдержавы СССР стал не только геополитической, но и психологической катастрофой, оставившей глубокую травму.

Обращаясь к характеристикам такого фактора, как ценности [см.: 1, с. 45-49], автор рассматриваемой книги отмечает, что по сравнению с современными европейскими российские базовые ценности заметно консервативнее. Это относится к таким фундаментальным вопросам, как значимость и сама сущность семейного союза, традиционный взгляд на проблему пола, роль религии в частной жизни и в жизни общества. Эти различия имеют значение и для международных отношений России. Главной политической ценностью в истории российского народа является его государство. Причем идеальное государство для него – не свод законов и бюрократическая машина для их исполнения, а дом справедливости, в котором порядок основывается на совести, а не на законах. Поэтому вслед за обеспечением внутреннего порядка и внешней безопасности важнейшей ценностью российского народа была и остается справедливость

Рассматривая фактор «Интересы» [см.: 1, с. 49-56], автор книги резонно, на мой взгляд, что движущими силами и ориентирами внешней политики любой страны являются национальные интересы. В этом смысле у России есть два главных интереса: обеспечение безопасности и создание или поддержание благоприятных внешних условий для процветания. При этом важной проблемой внешней политики выступает оптимальное соотношение между интересами безопасности и интересами. Цитируя по этому поводу историка Василия Ключевского, автор книги отмечает, что в России на протяжении столетий «внешние опасности государства опережали естественный рост народа, закосневшего в своем развитии» [4].

Далее в книге показано [см.: 1, с. 56-67], каким важным, а порой просто болезненным для России был и есть вопрос о её месте в мире, статусе. В настоящее время Российская Федерация, считает Д. Тренин, – «великая держава не только по факту наследования Советскому союзу и Российской империи (вследствие сохранения за РФ основной части территории, половины населения, значительной части экономических и природных ресурсов, ядерного оружия, места постоянного члена СБ ООН и т.п.), но и благодаря сохранившимся (и частично восстановленным) самодостаточности, самостоятельности, способности защитить себя и свои интересы, устойчивости к внешнему давлению» [1, с. 65].

Затем автор книги логично повествует о следующем факторе внешней политики – международном потенциале России [см.: 1, с. 67-74]. Ведь, как резонно аргументирует он, «... статус великой державы требует наличия достаточного военного, экономического, научно-технического, демографического потенциала» [1, с. 67]. В книге отмечается, что в начале 21-го века российская Федерация остается –

наряду с США – одной из двух ядерных сверхдержав. Этим положением обеспечивается не только высокий статус, но и безопасность по отношению к другим ядерным державам, прежде всего к США. Однако, как резонно отмечает Д. Тренин, сегодняшняя Россия – сравнительно небольшая экономическая величина (с номинальным ВВП менее 2 трлн долларов, примерно 1,5% от глобального). В течение десятилетия, предшествовавшего написанию книги, темпы роста ВВП России были ниже среднемировых, что снижало её и без того скромный вес в мировой экономике и торговле. Производительность труда невысока. Многие передовые позиции в области науки и технологий, достигнутые в советский период, оказались утраченными с развалом СССР. Это делает РФ уязвимой по отношению к потенциальным противникам (США) и зависимой от партнеров (КНР). Автор книги делает правильный, на мой взгляд, вывод: «... чтобы Россия оставалась великой державой и в будущем, ей необходимо перезапустить свою экономику – прежде всего обеспечить её устойчивый рост. Этот перезапуск, однако, не может состояться, пока существует нынешняя политико-экономическая система, сдерживающая экономическое развитие и способствующая невиданному в русской истории казнокрадству» [1, с. 69]. Кроме того, к числу важнейших факторов относятся численность и качество населения, серьезно пострадавшие с развалом СССР. И нельзя не согласиться с автором книги, что «... наиболее серьезным фактором слабости страны являются низкие моральные качества властвующей – и одновременно владеющей богатствами страны – элиты современной России» [1, с. 73].

Далее в книге уделяется внимание роли России в мире [см.: 1, с. 74-77]. И это логично вытекает из характеристики предыдущих факторов внешней политики, поскольку именно статус и потенциал обеспечивают государству возможность играть ту или иную роль в мире. А отсюда автор книги логично обращается и к характеристике миссии России [см.: 1, с. 77-81], которая отличается от роли своей осознанностью и нацеленностью на определенный идеал. Он отмечает, что в отличие от досоветского и советского периодов, во внешней политике РФ не осталось места для сверхидеи или глобальной миссии. Однако, резонно, считаю, признает Д. Тренин: «Внешняя политика, особенно большой страны, невозможна, конечно, без вдохновляющей и организующей идеи. ... основная международная задача России, отвечающая столь же глобальным, сколь и сугубо национальным интересам, - поддерживать многофакторное равновесие в мире, которое позволит миру развиваться в многообразии, а не в униформе [1, с. 81]».

В. Об идее равновесия

Рассмотрение этой идеи [см.: 1, с. 82-90] Д. Тренин считает главным в своей книге. «Равновесие означает, - по мнению автора рецензируемой книги, - что внешняя политика России должна прежде всего отвечать нуждам страны, а не амбициям политиков. Она должна находиться в состоянии равновесия с политикой внутренней, не ущемлять её, но при этом и не транслировать внутренние противоречия вовне, искривляя тем самым курс внешней политики. Она должна быть устойчива к попыткам внешнего давления, стремящегося заставить Россию занимать ту или иную позицию, проводить курс в интересах иностранных государств [1, с. 82]».

Предлагаемая политика равновесия, признает автор книги, мало похожа на геополитическое балансирование 18-19 веков в Европе или советско-американский военно-стратегический паритет второй половины 20-го века. Не претендуя на мировое лидерство, но отстаивая свои национальные интересы, Россия избегала бы столкновения с США, способного привести к ядерной войне. Одновременно Россия прилагала бы усилия к тому, чтобы глобальное соперничество наиболее сильных держав – Америки и Китая – также не доходило бы до опасного военного столкновения. В последнем случае равновесие – это не балансирование между Вашингтоном и Пекином, а независимый курс, определяемый исключительно интересами России.

2. Д. Тренин о наследии (уроках Горбачева, Ельцинских девяностых, эпохе Путина)

А. Об уроках Горбачева

Д. Тренин утверждает: «Несмотря на все трансформации и деформации, международная политика всех президентов Российской Федерации – Бориса Ельцина, Владимира Путина, Дмитрия Медведева, вновь Путина – стоит на плечах политики Горбачева» [1, с. 93]. Поэтому рассмотрению уроков Горбачева уделено в рассматриваемой книге немало внимания [см.: 1, с. 93-145].

Автор книги считает, что внешнеполитическое наследие Горбачева фундаментально: благодаря его лидерству страна вышла из многолетней самоизоляции, внешняя политика освободилась от идеологических пут марксизма-ленинизма, сковывавших и деформировавших её, по его мнению. С высоты сегодняшнего противостояния с Западом, небывалых санкций, по-моему, уже неловко звучит восторженная похвала автора книги Горбачеву за то, что «... Пришел конец безудержной и бездумной милитаризации экономики. Открылись границы страны. Были сняты барьеры, мешавшие передвижению людей и свободному обмену идеями, утвердились свобода слова и свобода совести» [1, с. 94].

Д. Тренин утверждает, что Горбачеву удалось вывести страну из холодной войны с США и коллективным Западом, тем самым «... Москва прекратила крайне опасную и затратную конфронтацию, продолжавшуюся со второй половины 1940-х годов» [1, с. 105]. Но, глядя на сегодняшнюю ситуацию вокруг Украины, хочется заметить, что тут комментарии излишни, поскольку оценка автора книги не только далека от реальности, а оказалась полностью противоположной ей.

Автор книги отмечает, что вскоре после прихода к власти Горбачев начал отказываться от традиционного для СССР жесткого классового «красно-белого» подхода к международным отношениям: он и его ближайшие соратники и советники двигались в сторону признания мира единым и взаимосвязанным [см.: 5]. По свидетельству А.С. Черняева, Горбачев переосмыслил мирное сосуществование как принцип «живи и давай жить другим», без всякой задней мысли [см.: 6]. Это, справедливо признает Д. Тренин, была уже не новация, а ревизия основ, но автор рецензируемой книги оценивает такую ревизию как заслугу Горбачева [см.: 1, с. 109], с чем я уже не могу согласиться.

А вот с чем нельзя не согласиться, так это с признанием Д. Трениным нормализации отношений с Китаем, нарушенных Хрущевым, как достижения внешней политики эпохи Горбачева [см.: 1, с. 114-116].

Правда, автор рецензируемой книги признает и некоторые неудачи внешней политики Горбачева: «Достичь конвергенции социализма и капитализма в социально-экономической области, геополитического кондоминиума с США и образования общеевропейского дома с внушительным и влиятельным советским «подъездом» не удалось. ... Эти неудачи явились следствием не только отсутствия генерального плана и сопутствующей ему стратегии, но и недостаточного понимания международных отношений, неверного анализа обстановки и иллюзий в отношении характера и приемов контрагентов» [1, с. 120].

Важным считаю отметить, как Д. Тренин характеризует уроки перестройки Горбачевым внешней политики [см.: 1, с. 133-145]. Особенно такое утверждение автора рецензируемой книги: «Главным уроком эпохи горбачева стало то, что военной мощи и политического суверенитета недостаточно не только для успешной внешней политики, но и для самого существования государства. Советский союз рухнул на пике мощи своих вооруженных сил. Звучит банально, но основой внешнеполитического равновесия являются здоровая экономика и стабильная политическая система» [1, с. 133].

Хотелось бы согласиться и с таким утверждением Д. Тренина: «В своих рассуждениях о приоритете общечеловеческих ценностей и интересов Горбачев дошел до фактического игнорирования реальности силовых соотношений и балансов как основы международных отношений. Он постулировал баланс интересов в качестве альтернативы якобы отжившему свой век балансу сил. Это была грубая, принципиальная ошибка» [1, с. 135]. И, конечно, автор книги справедливо, считаю, солидаризируется с К.Н. Брутенцом [см.: 7], что Горбачев был чрезвычайно сосредоточен, даже заиклен, на отношениях с США: завершая холодную войну на условиях односторонней сдачи советских геополитических позиций, он всерьез рассчитывал на установление

дружественной советско-американской совместной гегемонии в мире. При этом резонно, на мой взгляд, Д. Тренин соглашается с замечанием А. Адамишина [см.: 8] о том, что американские лидеры никогда не воспринимали Горбачева как равного.

Б. О ельцинских девяностых

Характеризуя политику Ельцина [см.: 1, с. 146-184], Д. Тренин отмечает, что в отличие от Горбачева и горбачевцев, стремившихся, но так и не сумевших трансформировать Советский союз по социал-демократической модели, Ельцин и его соратники сознательно разрушали советскую систему и сам СССР, и им это удалось. Им удалось и включить Российскую Федерацию в глобальное сообщество, в котором доминировал Запад во главе с США. На этом пути, признает автор книги, были огромные, страшные и часто неоправданные потери, совершались колоссальные преступления, так что цена перемен оказалась запредельной, но в результате (что Д. Тренину представляется положительным) в России победил капитализм, а сама Россия оказалась интегрированной в мировую экономику и политику.

Автор книги отмечает, что «Ельцин стал выразителем стремления номенклатуры РСФСР сбросить геополитический балласт и обременительные обязательства, отпустить в свободное плавание другие республики СССР, а самой взять под контроль богатые природные ресурсы России» [1, с. 148].

Что же касается курса внешней политики, то Д. Тренин резонно, считаю, замечает: «Если Горбачев стремился идти от разрядки к партнерству с Западом, то Ельцин попытался сделать следующий шаг – к союзничеству с бывшим противником. Сокращение вооружений путем сложных договоренностей с США и НАТО превратилось при нем не столько в новые договоры, сколько в демилитаризацию – многократное сокращение военных arsenалов и военно-промышленного комплекса России; идея сотрудничества с США обернулась следованием за США; лозунг общеевропейского дома сменился желанием России вступить в НАТО и ЕС» [1, с. 148-149].

В качестве успехов внешней политики Ельцина Д. Тренин отмечает тот факт, что Российской Федерации как государству – продолжателю СССР удалось унаследовать статус Советского Союза как постоянного члена Совета Безопасности ООН. России также удалось собрать на своей территории и под своей юрисдикцией все ядерное оружие бывшего СССР, которое частично было дислоцировано на территориях Украины, Казахстана и Белоруссии. Денуклеаризация этих трех бывших республик СССР была юридически оформлена при участии США, опасавшихся расползания советского ядерного оружия. Таким образом Россия получила важнейшие внешние атрибуты великой державы: высокий международный статус и право вето в ООН наряду с крупнейшим ядерным арсеналом [см.: 1, с. 155-156].

А в качестве неудач ельцинской внешней политики автор рецензируемой книги резонно, считаю, отмечает, что, несмотря на возражения России, США уверенно взяли курс на расширение НАТО, вначале в Центральной и Восточной Европе, а затем и на территории республик бывшего Советского Союза [см.: 1, с. 164-169]. Кроме того, российской дипломатии не удалось облегчить правовой статус русских и русскоязычных жителей Латвии и Эстонии, которые не получили гражданства стран проживания после обретения этими странами независимости [см.: 1, с. 170]. Неудача постигла и стремление России играть лидирующую роль в СНГ, причем самым крупным провалом внешней политики стала неспособность РФ выстроить продуктивные отношения с Украиной [см.: 1, с. 170-171].

Но автор книги справедливо, считаю, пишет не только о неудачах, но и об ошибках и провалах политики Ельцина [см.: 1, с. 173-181], чье правление едва не окончилось новой смутой и распадом страны на фоне дефолта по внешнему долгу и войн на Северном Кавказе. В условиях острой внутривнутриполитической борьбы Ельцин и его команда искали помощи Запада, в результате США и контролируемые ими международные финансовые институты фактически оказались непосредственно подключенными к процессу принятия важных экономических и политических решений в России. Россия отошла от традиционной для неё внешнеполитической самостоятельности.

«1990-е годы, - отмечает Д. Тренин, - ... напомнили россиянам о важности физического и психического здоровья первого лица государства. Российская политическая система с её сверхвысокой степенью персонализма нуждается в здоровых телом и здравых умом руководителях больше, чем те государства, в которых власть распределена между несколькими институтами. Темным пятном на историю российской внешней политики 1990-х годов легла дискредитация страны неадекватным или просто недостойным поведением главы государства во время некоторых зарубежных визитов» [1, с. 181].

Суммируя уроки из 1990-х годов [см.: 1, с. 181-184], автор рецензируемой книги отмечает, что у России не было шанса стать членом западного сообщества с решающим голосом, что ослабление России приветствовалось Западом, но даже в таком состоянии страна не считалась достойной иной позиции, чем зависимой периферии и вечного ученика продвинутой части человечества. Вывод отсюда заключается в том, что в 21 веке « ... Россия должна сохранять равновесие, действовать самостоятельно и надеяться лишь на себя» [1, с. 184].

В. Об эпохе Путина

Характеризуя внешнюю политику первых двух десятилетий Путина [см.: 1, с. 185-224], автор рецензируемой книги отмечает, что президенту удалось сохранить единство России и восстановить её статус великой державы на мировой арене. Правда, это произошло в условиях возобновления конфронтации с США, что предполагает длительную борьбу. Развернутым обвинением политики США в гегемонизме и одновременно декларацией геополитической самостоятельности России стало выступление Путина на мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Россия сошла с орбиты Запада, на периферии которого она находилась с самого конца советской эпохи.

Считаю важным обратить внимание и на такое умозаключение Д. Тренина: «Сирия и Ближний Восток в целом стали сигналом того, что Россия возвращается на мировую арену, становится глобальным игроком – но игроком другого качества, чем был СССР. Вместо того чтобы, затрачивая огромные усилия, пытаться распространить свою модель на остальной мир, Москва пытается найти ниши, которые она может занимать с выгодой для себя. Помимо экспорта энергоресурсов, оружия, технологий атомной энергетики, продовольствия Россия выступает военным и дипломатическим игроком, политическим прикрытием для ряда государств, предлагает услуги в обеспечении безопасности. В таком качестве она присутствует не только в Европе и Азии. Статус России вырос как на Ближнем Востоке, так и в Африке и Латинской Америке» [1, с. 207].

Говоря же о неудачах путинских внешнеполитических начинаний [см.: 1, с. 207-214], автор книги отмечает: «Украинский кризис показал, что Москва не может рассчитывать на понимание европейскими элитами её политики. Политический язык, на котором говорит Москва, плохо воспринимается в Европе, и наоборот» [1, с. 209]; «Европа к началу 2020-х годов стала более антироссийской, чем она была антисоветской в 1960-1980-е годы» [1, с. 210]; «Положение усугубляется неудачей попытки нормализации отношений с Японией» [1, с. 211]. Экономическая интеграция с несколькими странами СНГ в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не имеет, по мнению Д. Тренина, «... перспектив трансформации в полноформатный – экономический, политический, военный – центр силы в Евразии, тем более под лидерством Москвы. Страны-партнеры, в том числе ближайшие – Белоруссия и Казахстан – очень ревниво относятся к сохранению государственного суверенитета» [1, с. 212].

В рецензируемой книге отмечаются и внешнеполитические ошибки путинского периода [см.: 1, с. 214-222]. Д. Тренин утверждает: «Отсутствие долгосрочной стратегии, увлечение секретными операциями, тактическим маневрированием и особенно спецоперациями обрекает внешнюю политику на существенные риски» [1, с. 214]. Фундаментальной ошибкой он считает чрезмерную сосредоточенность на проблеме расширения НАТО, резонно указывая: «Если для России НАТО представляет проблему не как союз без малого трех десятков разнокалиберных государств, а как площадка для размещения американских вооруженных сил и ракет, нацеленных на Россию, то неучастие той или иной европейской страны в НАТО не решает проблемы безопасности РФ. Дело в том,

что ничто не мешает США разместить свои базы и системы оружия на территории ориентирующихся на них стран, не являющихся членами НАТО» [1, с. 218]. Наиболее серьезной ошибкой последних лет Д. Тренин считает политику на украинском направлении, где логика поведения Москвы не позволила ей предотвратить украинский кризис 2014 года [см.: 1, с. 219-221].

Обращаясь к урокам первых 20-ти лет правления Владимира Путина [см.: 1, с. 222-224], автор книги, во-первых, отмечает, что Российская Федерация сумела вновь занять место самостоятельного, активного и значительного участника международных отношений глобального уровня. Этот статус требует закрепления, которое может стать результатом прежде всего экономического развития страны, обретения ею не только политического, военного и финансового суверенитета, но и научно-технологического. Во-вторых, в геополитическом отношении Россия в конце концов достигла при Путине точки внутреннего равновесия. Достигнутую позицию – России как северной Евразии, самостоятельной и свободной державы глобального уровня – необходимо укреплять, поддерживая равновесие между четырьмя основными внешнеполитическими векторами: западным (евро-атлантическим), восточным (азиатско-тихоокеанским), южным (индо-ближневосточным) и северным (арктическим). В-третьих, при Путине Россия заметно усилила восточный вектор внешней политики. Здесь требуется поддержание равновесия с китайским колоссом, а также равновесия между китайским и другими направлениями азиатско-тихоокеанской стратегии России. Резервами остаются юг (главным образом связи с Индией) и север (Арктика). В-четвертых, чтобы продвинуться на европейском направлении, требуется переосмысление политики в отношении Украины, переориентация с собирания земель Русского мира на собирание людей этого мира на своей территории, а также большая отстраненность от вопросов, которые мало затрагивают российские интересы – например, внутривосточной борьбы в отдельных странах Евросоюза. Д. Тренин считает бесперспективными и даже вредными попытки подорвать трансатлантические отношения: «Связи между Европой и США периодически напрягаются, но попытки Москвы воздействовать на них лишь провоцируют стремление европейцев и американцев их укрепить на антироссийской основе и за счет отношений с Россией» [1, с. 224].

3.0 внешней политике России на ближайшие годы

Третья часть [см.: 1, с. 227-407] рецензируемой книги называется «Контурная карта внешней политики России на 2020-е годы». Здесь на основе и в продолжение изложенного ранее характеризуется мир 2020-х годов и положение а нем России, рассматриваются проблемы стратегии и политики безопасности России, характеризуются её угрозы и союзники. А затем дается оценка ведущим странам и регионам мира с позиции внешнеполитических интересов России.

На основе изложенного в качестве главного вывода автор книги утверждает в Заключении: «Равновесие внутри страны (базовое согласие в вопросах внешней политики), в отношениях с соседями (доброе соседство), со всеми странами мира (самостоятельность) – вот что должно стать руководящими принципами российской внешней политики» [1, с. 408].

Таков краткий обзор содержания рассматриваемой книги.

Советы Д. Тренину по дальнейшей работе над темой

Рецензируемая книга производит впечатление достойного произведения как по своему научному содержанию, так и практической значимости. Со многими положениями и выводами автора нельзя не согласиться. Правда, с момента выхода этого труда появились публикации не только подтверждающие правильность и актуальность многих положений книги, но и развивающие их, а порой и дающие новые интерпретации рассматриваемым в книге проблемам [см., например: 9; 10; 11; 12]. А по ряду вопросов позиция автора вызывает у меня возражения, например его излишне критическая оценка советского прошлого и, наоборот, восторженно-одобрительная в адрес горбачевской перестройки. На мой взгляд, слабости и недостатки книги объясняются недостаточной опорой автора на методологию диалектического и исторического материализма в плане философской

основы и теоретической экономии в анализе экономической составляющей.

Как мне уже приходилось неоднократно доказывать, для подлинно научного осознания, отражения и объяснения сегодняшних социально-экономических трансформаций, и даже прогнозирования их завтрашних модификаций, объективно необходима концепция теоретической экономии. Не зря она позиционирует себя как новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях.

Вот уже второе десятилетие на страницах нашего журнала «Теоретическая экономика» это убедительно доказывают и публикации таких профессоров, как

Алиев Урак Жолмурзаевич из Казахстана [см., например: 13; 14; 15] и Альпидовская Марина Леонидовна из Москвы [см., например: 16; 17],

Бабаев Бронислав Дмитриевич из Иваново [см., например: 18; 19] и Водомеров Николай Кириллович из Курска [см., например: 20; 21],

Дяо Сюхуа из Китая [см., например: 22] и Корняков Василий Иванович из Ярославля [см., например: 23; 24],

Карасева Людмила Аршавириевна из Твери [см., например: 25] и Лемещенко Петр Сергеевич из Беларуси [см., например: 26; 27],

Николаева Елена Евгеньевна из Иваново [см., например: 28; 29] и Новиков Александр Иванович из Владимира [см., например: 30; 31]

и многие другие.

Как мне уже приходилось неоднократно отмечать, концепция теоретической экономии, применяя полиметодологический подход и вбирая в себя на его основе все направления и теории, сложившиеся в истории экономической мысли, осуществляет распределение их в определенной иерархии. При этом приоритет отдается сущностно-содержательному анализу рассматриваемых категорий.

А такой анализ возможен лишь в русле творческого развития методологии классической политэкономии в её высшем выражении – марксистском. А прочие направления и концепции типа неоклассики и неоинституционализма, а также какого-нибудь монетаризма, применимы лишь к рассмотрению внешней формы проявления изучаемых категорий.

С этих позиций сегодняшние социально-экономические трансформации – не просто процесс смены общественно-экономических формаций, хотя и он тоже, а глубинная замена всей мешающей социально-экономическому развитию «цивилизации» на такую, которая гармонично соответствует объективным потребностям человечества и его хозяйства.

Именно объективная угроза национальной безопасности поставила Россию на передний край борьбы за такую замену. Горы западного оружия на территории Украины, под боком у России, десятки исследовательских центров по изготовлению бактериологического оружия специально направленного на уничтожение восточных славян, декларация украинской власти о намерении обладать ядерным оружием – всё это, повторяю, объективно не оставило России другого выбора.

Но объективная же необходимость заставляет Россию и саму статью другой, достойной своей светоносной миссии. Вместо небывалого разрыва между богатыми и бедными, вместо топтания на месте практически без экономического роста начать действительно новую индустриализацию жесткими методами мобилизационной экономики. Обеспечить обгоняющую траекторию развития с самыми высокими темпами роста в мире, как это обеспечивала советская индустриализация 90 лет назад, и ликвидировать на этой основе нищету, как и тогда.

А для этого чиновникам надо не снабжать нас лишь прогнозами высокой инфляции и высокой же безработицы везде, кроме военно-промышленного комплекса, чем занимается сейчас руководство Центробанка и финансово-экономического блока правительства России, а переполнить рынок выше объемов спроса высококачественными товарами со снижающимися ценами на основе централизованного планирования и госзаказа.

44 тысячи предприятий на территории России принадлежит гражданам недружественных стран, то есть смертельного врага. Российская власть, считаю, должна заставить их строго выполнять госзаказ на основе централизованного государственного плана, если хотят оставаться собственниками. Это «должна» - не просто мое благое пожелание, а объективная потребность, выявляемая при исследовании современных проблем трансформаций в русле теоретической экономики. В этом же методологическом ключе теоретической экономики представляется необходимым рассматривать и роль внешней политики, направлениям её деятельности по предотвращению информационно-экономических атак противника.

Эта же объективная потребность обязывает министерство науки и высшего образования РФ немедленно заменить болонский рецепт, навязанный нам смертельным врагом с изготовлением бакалавров-недоучек на возвращение полноценного специалитета. А в экономической подготовке специалистов заменить неоклассическую имитацию этой подготовки на возвращение эндотерического, сущностно-содержательного изучения экономических реалий в русле творческого развития классической политической экономики. Что особенно важно в подготовке кадров для внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Дмитрий Тренин. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 430 с.
2. Richard Haass. A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. Penguin Press: N.Y., 2017.
3. Hedley Bull. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics, Columbia University Press: N.Y., 1977.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга третья. – М.: Мысль, 1993. – С. 58.
5. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. – М.: Политиздат, 1987.
6. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 655. (Запись от 16 ноября 1985 г.).
7. Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 418.
8. Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. – М.: Весь мир, 2016. – с. 33.
9. Акопов П. Наступление России и нового мира // <https://aurora.network/articles/153-geopolitika/99552-nastuplenie-rossii-i-novogo-mira> (Дата обращения 28.02.2022)
10. Сергей Глазьев. Полный крах финансовой системы США. На английском и русском // https://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=962 (Дата обращения 3.07.2022)
11. Леонков А. США и Британия надеются развязать скоротечную третью мировую войну // https://www.pravda.ru/news/world/1723995-tretja_mirovaja_voina/ (Дата обращения 3.07.2022)
12. The Sunday Times: конфликт на Украине разделил НАТО на три лагеря // <https://rg.ru/2022/07/03/st-situaciia-na-ukraine-razdelila-nato-na-iastrebov-golubej-i-strausov.html> (Дата обращения 3.07.2022)
13. Алиев У.Ж. Что такое и почему именно теоретическая экономика? [Текст] / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. — № 1. — С. 10-16. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
14. Алиев У.Ж. Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики) [Текст] / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. — № 3. — С. 7-18. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
15. Алиев У.Ж. Методология построения общей предметной модели научной дисциплины (к обоснованию теоретической экономики) (Продолжение. Начало в № 3) [Текст] / У.Ж. Алиев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. — № 4. — С. 8-18. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
16. Альпидовская М.Л. Мифы и реалии модернизации по-российски [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 3. — С. 28-34. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
17. Альпидовская, М.Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях [Текст] / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 4. — С. 46-50. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
18. Бабаев Б.Д. Формирование макрорегионов как объективный социально-экономический процесс [Текст] / Б.Д. Бабаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 6. — С. 7-11. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
19. Бабаев, Б.Д., Берендеева А.Б. Социальные свойства экономики: показатели и факторы нарастания, торможения [Текст] / Б.Д. Бабаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 6. — С. 7-11. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

мика», 2018. — № 2. — С. 29-43. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

20. Водомеров Н.К. Путь к подлинному знанию – критическое отношение к «моделям» так называемого mainstream и признание марксистской политэкономии в качестве основы экономических исследований [Текст] / Н.К. Водомеров // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 6. — С. 60-73. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

21. Водомеров, Н.К. О необходимости и основах создания альтернативного курса микроэкономики [Текст] / Н.К. Водомеров // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2013. — № 2. — С. 7-23. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

22. Дяо Сюхуа. Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение [Текст] / Дяо Сюхуа // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. — № 1. — С. 70-78. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

23. Корняков В.И. Кратное увеличение производительности труда – самое главное теоретическое исследование [Текст] / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 2. — С. 10-15. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

24. Корняков, В.И. О современном способе действия закона роста производительности труда и забытом экономическом открытии И.В. Сталина [Текст] / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 3. — С. 8-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

25. Карасева, Л.А. Актуальные экономико-теоретические проблемы исследования цифровой экономики [Текст] / Л.А. Карасева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 11. — С. 39-41. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

26. Лемещенко П.С. «Усталость» рынка, или антиинновационные тенденции современной экономики [Текст] / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2011. — № 4. — С. 19-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

27. Лемещенко, П.С. Институциональные аспекты этапа цифровизации политэкономического и социального развития [Текст] / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 12. — С. 34-37. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

28. Николаева Е.Е. Взаимодействие политэкономического и институционального подходов в экономических исследованиях как требование современной экономической теории [Текст] / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 4. — июль 2012 – С. 14-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

29. Николаева, Е.Е., Азарова Т.В. Конкуренция как экономическое отношение и как институт: методологический аспект [Текст] / Е.Е. Николаева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 6. — С. 38-49. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>

30. Новиков, А.И. Вопросы методологии и гносеологии в развитии цифровой экономики [Текст] / А.И. Новиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 10. — С. 26-31. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

31. Новиков, А.И., Старикова Т.В., Гречкова Я.А. Социально-экономические и политические ориентиры современной российской молодежи [Текст] / А.И. Новиков // Электронный научный жур-

нал «Теоретическая экономика», 2021. — № 12. — С. 32-42.